Николай Бушнев
Славяна Бушнева

Познавая своё Отечество

Путешествия по Северо-Востоку СССР

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 9
ББК 26.89
Б94

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бушнев Николай
Б94 Познавая своё Отечество : Путешествия по Северо-Востоку СССР / Николай Бушнев, Славяна Бушнева. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 242 с.
ISBN 978-5-0065-7759-6

Эта книга о путешествиях по малодоступным окраинам страны в эпоху Советского Союза, когда туристическая отрасль была лишь в стадии зарождения.

Повествование в книге открывает читателю «окно в мир природы» и показывает, что путешествия — лучший способ познания и ощущения величия своего Отечества.

УДК 9
ББК 26.89

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0065-7759-6

© Николай Бушнев, 2025
© Славяна Бушнева, 2025

«В небытие поулетели,
Походы наши, песни, что мы пели.
Друзья уже все постарели,
Иных и вовсе с нами нет.
А я открою вам секрет:
Только память душу греет,
Поскольку ПАМЯТЬ —
не стареет!»

Николай Бушнев

П О С В Я Щ А Е М...

Сопричастной к этим путешествиям
Татьяне Николаевне Бушневой —
моей жене... и моей маме...

Николай и Славяна

Предисловие

С точки зрения человека, жизнь — длинна, если он активно взаимодействует с четырьмя-пятью поколениями окружающих его людей.

А с высоты бытия человечества в целом, данная жизнь — МИГ.

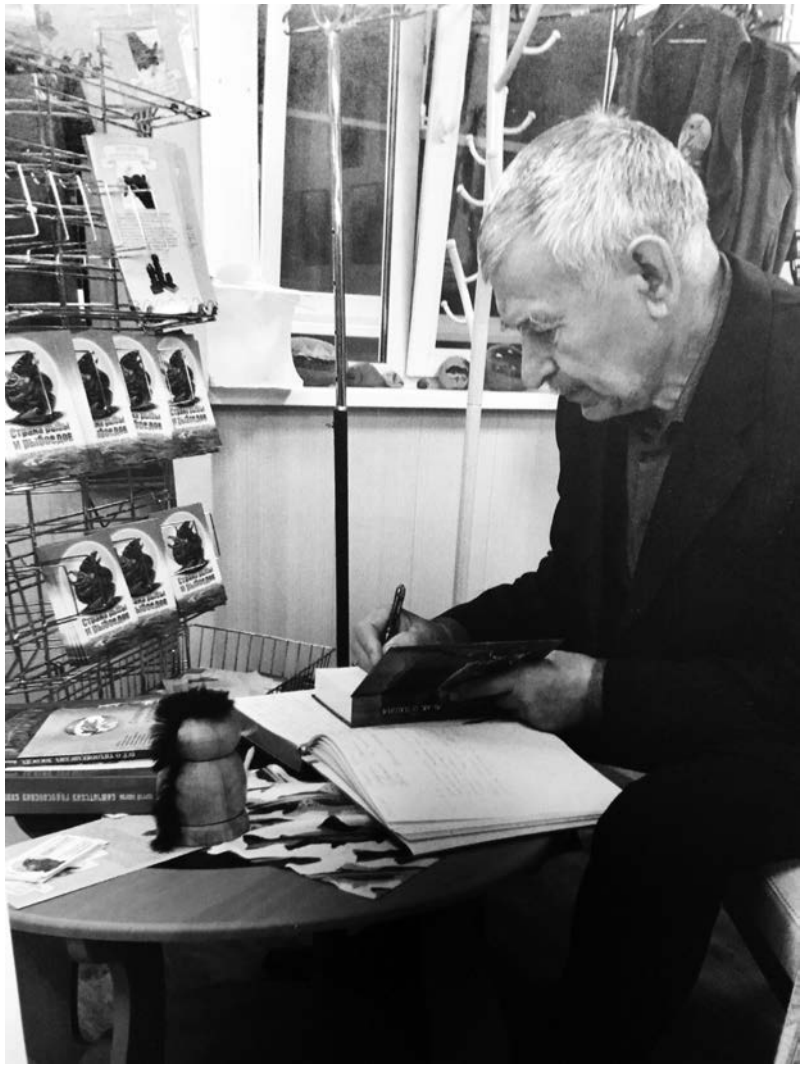
В жизни, как утверждал поэт Николай Заболоцкий:

«… Два мира есть у человека:
Один, который нас ТВОРИТ,
Другой, который мы от века
ТВОРИМ по мере наших сил…»

Так вот, путешествия относятся к первому. Поэтому живите активно. Путешествуйте! Познавайте — прежде чем творить себя.

По большому счёту: человеческая жизнь — это ПУТЕШЕСТВИЕ, выпавшее на его долю. И неведомо легкое или трудное будет оно, но очень важно и желательно, чтобы оно было для человека познавательным, увлекательным и полезным.

Быстро пролетело много лет. Мне перевалило за восемьдесят. Как-то на глаза попались мои давние заметки и зарисовки, сделанные в походах и путешествиях в молодые годы. И мне захотелось окунуться в них. Я открыл папку…, и прошлогодней листвой зашелестели

страницы дневников, погружая меня в воспоминания и размышления...

Лыжня в 1000 км

Начало пути

Вот и наступил долгожданный день. Позади остались многокилометровые тренировочные гонки и все волнения, и хлопоты, которых всегда в изобилии на пути от идеи до её воплощения.

Первый этап пробега, утверждённый райкомом комсомола, предстояло начинать втроём до соединения с комсомольцами из посёлков Ключи и Козыревска в сводный отряд Усть-Камчатского района.

У места старта, перед зданием Райисполкома, стоял фанерный щит с надписью:

«... Лыжня в 1000 км. Усть-Камчатск — Петропавловск. 16 января в 10 часов отсюда будет дан старт крупнейшего лыжного пробега Камчатки, посвящённого 100-летию со Дня рождения В. И. Ленина. Стартуют комсомольцы Усть-Камчатска: Николай Бушнев, Александр Волков, Виктор Солянов. Счастливого пути!»

Идею перехода мы с Виктором Соляновым изложили в Усть-Камчатском райкоме комсомола. Нас поддержали и стали организовывать как акцию областного масштаба. В начале желающих было много. Не теряя времени, мы с Виктором загодя начали тренировки. Пригрузившись рюкзаками, бегали по заснеженной

тундре на 18—20 км от Усть-Камчатска, задавая себе перегрузки на выносливость.

К началу пробега от всех желающих нас осталось троё. Сотрудник районной газеты «Ленинской путь» Александр Волков, серьёзный парень. Его лицо всегда выражало озабоченность. Виктор Солянов — мой товарищ и напарник по работе — инженер Усть-Камчатского лесоперевалочного предприятия. Весной этого года он вернулся в родной свой Усть-Камчатск по окончании Ленинградской лесотехнической академии. Этот неукротим во всём: в говоре, в шутке и в силе. К тому же с хозяйской жилкой. При сборе только и слышно от него: «Идёшь на день — бери на три», «Не полопаешь - не потопаешь». С ним я в любое мероприятие.

Собрались в дорогу мы с Витькой основательно. Сухари, ватники, носки, а вместо гетр, поверх лыжных ботинок приспособили рукава от тулупов. Захватили и инструмент для походного ремонта лыж, аптечку и, конечно же, еды с запасом. Короче, рюкзаки увесистые.

Завтра утром — старт. У Райкома комсомола повяжут нам нагрудные ленты с изображением Владимира Ильича — символом юбилейного пробега — и на много дней в путь.

***

16 января 1969 года

Тянутся последние минуты. Набрасываем на плечи рюкзаки, пристёгиваем лыжи. Мною овладело волне-

Н. Бушнев, В. Солянов

ние. Гляжу на своих спутников, но они ничем не выдают своего душевного состояния. Первый секретарь райкома комсомола Надежда Мартынова повязывает нам на-

грудные ленты с изображением Ильича. Взмах флажка, и заскрипел снег под лыжами, заглушая последние напутствия товарищей. Со старта мы бодро пробежали по центральной улице посёлка и взяли курс на Нижнекамчатск в сторону белеющей гряды гор. С дальнего горного хребта уже сошёл румянец восходящего солнца. Тундровый снег в пятнах наста.

Идти по такому покрову чрезвычайно трудно — шагнёшь несколько раз и тут же проваливаешься в рыхлый ненастовый снег. Шаг-два и снова выбираешься на твердый островок наста.

Но с первыми силами мы упорно ломились по провальному снегу. Набитые рюкзаки давали о себе знать, и наш темп со временем снижался. Стали торить лыжню поочередно. А когда преодолели первые двадцать километром и стали приближаться к предгорьям вулкана Шивелуч, снег и вовсе стал рыхлым — убродным. Вот где пригодились-то наши тренировки, а Санек сдал: плетётся сзади.

Закрадывается мысль, что зря не взяли нарту, как комсомольцы сороковых, которые делали переход по этому же маршруту. На фотографии тех лет, что довелось мне видеть, запечатлены крепкие парни с винчестером и упряжкой собак, так сказать, в полном снаряжении.

— Втянемся — полегчает. Зато докажем возможность облегчённого пробега, — успокаивает Виктор.

Заброшенный посёлок Чёрный яр — некогда отделение рыбколхоза. Завалившаяся землянка у берега реки

Камчатка, два ветхих домика да покосившийся жердевой забор, некогда разделявший усадьбы — всё что осталось от селения. Разводим костер у полуистлевшего рыбацкого кунгаса, торчащего из-под сугроба. Неподалеку с крутого яра свисает судёнышко с обветшалыми рублеными бортами из растрескавшихся брусьев. Над заметёнными остатками поселка этот катерок сиротливо темнеет, напоминая о минувшей деревянной эпохе Камчатского флота. Скоро и эти немые свидетели былого поглотятся рекою вместе с обрушивающимся берегом. Теперь речные катера не чета этим сорокосилкам. Новые катера Т-63 в сто пятьдесят «лошадок» ныне и плоты за 1000 кубометров уже делают. Виктор пробрался до судёнышка, похлопал по тёмным брусьям борта и заявил:

— Мне отец сказал, что портовики скоро получат трёхсотсильные буксиры, чтобы плоты больших объёмов таскать.

Я ухмыльнулся:

— Трёхсотсилки в нашей реке — смех. Смысла нет. Гидрология реки всё равно не даст увеличить объёмы плотов для сплава. Водность реки, её лимитирующие радиусы поворотов, глубины перекатов, а главное — условия ошвартовки плотов в низовьях реки, у нас на аванрейде, где действуют приливы и отливы океана.

В разговор вмешался Александр:

— Не забывайте, что река-то наша нерестовая. Вы и так, «дровосеки», её захламили, да ещё эти большие

буксиры дно реки размывать станут. Воду мутить. Какое тут воспроизводство рыбы будет?

— Ну, навалились, ретрограды. Давайте-ка по кружке чая тяпнем за первую двадцатку пробега. Размялись изрядно: это не по лыжне бежать, — заметил Виктор.

Вскоре, забросив рюкзаки за спины, мы двинулись.

За Чёрным яром тундра кончалась, и нам пришлось прижиматься к лесистым холмам отрогов горного хребта.

Драгоценная старина

Войдя в холмы, поросшие причудливой каменной **б**ерезой, мы направились по просеке вдоль столбов телефонной линии связи, то и дело вспугивая белых куропаток.

Телефонка рассекала березовые заросли, то скатываясь вниз, то поднимаясь по пологим холмам. Пройдя таким образом ещё около двадцати километров, мы подошли к старинному русскому селению Нижнекамчатску. Полтора десятка заброшенных домиков и остатки рубленной еще в 1827 году церкви — всё, что ныне осталось тут от бывшей «столицы» Камчатки. Занесенные снегом строения рассыпались на возвышенном берегу речки Радуги, впадающей в главную реку полуострова Камчатка. Напротив селения на другом берегу Камчатки приютилось среди гор озеро

Ожабачье, великолепное своей красотой в любое время года. Соседство реки, гор и озер придает этой местности живописных вид. Пробираясь по сугробам, мы подошли к церкви, от которой сохранилась лишь часть стен и немного перекрытия. Добротно срубленные стены из окантованных крупных лиственничных брёвен почерневших от времени, которые были в глубоких трещинах. Даже такая она возвышалась над придавленными снегом развалинами домов и сараев селения, вызывая щемящую душу жалость к умирающему прошлому.

— Вот она — драгоценная старина. Эта церковь Успения Божьей матери, — блеснул познаниями журналист Волков и добавил, рассматривая стены. — Говорят, без единого гвоздя делана.

Усталость и сгущающиеся сумерки не дали нам детально обследовать церковь, и мы заспешили к жилью. Жилой дом оказался бытовкой связистов, которые неподалеку отсюда ремонтировали опоры воздушного перехода линии связи и обустроили этот дом для жилья. Чем ближе подходили мы к дому с дымящей трубой, тем сильнее чувствовалась усталость. У входа в дом парни из Усть-Камчатской рембригады кололи дрова. Хорошо нам знакомые, они весело встретили нас, засыпая вопросами и шутками.

— Здорово, Витёк! Куда это вас понесло?

— Санька, что-то у тебя очки заиндевели, однако, душновато тебе? Это не в устьях сидеть у моря, тут

в долине — морозы. Сегодня уж за 20 градусов перевалило.

— Одичали вы тут, газет нет, так хоть приёмник слушать надо. Тогда и знали бы, куда мы идём, — ответил им Виктор.

Вместе с клубами морозного воздуха ввалились мы в жарко натопленное помещение: теплота, тусклый свет от движка, тарахтевшего у дома, сизоватый дым табака от курильщиков. Большой стол среди комнаты. Койки в два яруса и доброжелательность хозяев придавали особый уют. После ужина с крепким чаем силы заметно покидали нас. От рюкзаков плечи совсем онемели, руки трудно было поднять без боли. Обыденный разговор с ребятами сам собой перешел на бытность Нижнекамчатска. Я лежал на кровати, наслаждаясь горизонтальным положением, и блукал глазами по рассохшимся брёвнам стен, дощатому крашеному потолку и готов был уснуть, не принимая участия в беседах. Но тут я услышал разговор, который меня заинтересовал. Как ни лень, а я потянулся за блокнотом.

Плотный пожилой связист, сидевший рядом с Виктором, говорил ему:

— Раньше, паря, у нас в Усть-Камчатске церковь, что была при старом монастыре для увечных и пожилых казаков, слыла как самая богатая на Камчатке. Тогда она Успенской пустынью звалась. В ней было много позолоченных икон, крестов, еще со времен казаков-первопроходцев. Сказывали, что даже Иван Козыревский,

когда монашил, то с Якутска сюда церковную утварь привозил. А вот эту церковь в Нижнекамчатске гораздо позже построили, но тоже богатая была. Ты знаешь, паря, мой друг, из рода священника Камчатки Лонгинова, мне сказывал, что ещё, когда уходили в плавание в Русскую Америку за пушниной, то промысловики да и купцы дорогие дары подносили этой церкви за благословение их на эти походы. Из разных городов: Иркутска, Тобольска, Москвы и даже из Киево-Печёрской лавры — сюда иконы привозили. Во как! Значимая была эта церковь, от того и богатая. А позже, как Аляску продали, всё тут стало хиреть. Народец отсюда убывал, и приход для церкви стал бедным. А уже после революции, когда монахи из Усть-Камчатской обители поняли, что старая власть уже не вернётся, они тайно наняли каюров лучших собачьих упряжек, ночью загрузили нарты драгоценной утварью и айда сюда в Нижний. Тутто поглуше было, однако. Так вот, прикатили сюда, упряжки в церковный двор загнали, а каюров всех спиртом упоили. На утро те свои пустые нарты разобрали и в радости от хорошего их привечания, пустились обратно.

Вскоре иконы и утварь из этих церквей упаковали, и все служители церкви и монастыря покинули эту обитель. Может, с белогвардейцами на север отступили, а, может, где и прикопали ценный груз до лучших времён. Поди, разберись теперь. По приходу красноармейцев Чубарова в эти места, церковь оказалось пуста, службы

в ней уже не было. Куда эти драгоценности делись, паря, до си неведомо. Однако, слышал, когда посёлок-то этот совсем захирел, то один из тех каюров переселился сюда из Устей, так и жил здесь до старости. Авось, чего и искал, кто знает, — закончил он и обратился к Виктору. — Ложись-ка ты, паря, отдыхать, вижу глаза-то посоловели.

Борясь со сном, я подумал: «Интересно… Даже сравнительно недавняя история края, а как занятна. Как бы поглубже историю Камчатки узнать и чего тут музей или заказник не устроить. Церковь-то совсем на дрова порастащат, а жаль. Камчатские Кижи для туристов устроить бы можно. Тем паче при такой вокруг природе».

По соседству Санька Волков, разморясь в теплоте бытовки, рассопелся невмочь:

«Спит, шельмец! С таким соседом и мне против сна не устоять», — мелькнула мысль, и я устроился поудобнее на провисшей панцирной сетке кровати. В голову лезли назойливые мысли о кладах, кладоискателях, но равномерное и протяжное посапывание уже и Виктора мою борьбу со сном сделало безуспешной, и я уснул.

Утром стояла солнечная и морозная погода. Я вышел из бытовки и еще под впечатлением от вечернего рассказа связиста окинул взором окрест заброшенного посёлка с прицелом, где же тут можно будет летом покопаться на удачу.

***

После плотного завтрака у ремонтников мы тронулись в путь. Тут, подальше от Тихого океана, мороз всё крепчал. Снег скрипел и повизгивал под лыжами, вскоре мы выкатились на лед реки Камчатки, где крутые лесистые сопки сжимают реку, и кроме как по льду на лыжах не пройдешь. Это место в народе называют «щёки». Тут река рассекает горный хребет Кумрач и вырывается из камчатской долины на просторы приморской тундры. В этой щели между гор часто дует ветер. И сейчас, морозный, он дул нам навстречу, обжигая лицо и забивая глаза позёмкой. Быстрой ходьбы не получилось. Часто приходилось прятаться от ветра в береговых скалах, чтобы отогреть окоченевшие колени и руки. Чуть отогреемся и пробираемся дальше. Ветер срывал остатки снега со льда и причудливыми волнами гнал его прочь. Лишенный снега, поблескивая на солнце, лёд иногда сменялся торосами — смерзшейся шугой, которую приходилось обходить.

Лыжи проскальзывали на льду, и мы буквально ползли навстречу пронизывающему ветру. И только в полдень, пройдя эту «трубу», вышли на простор и, свернув от реки к лесу, смогли развести костер. Набив котелки снегом, вскипятили столь желанный чай. Отдых добавил сил и настроения. Мы пошли легче, соблюдая ритм хода и чаще меняя ведущего. К исходу короткого зимнего дня добрались до местечка Камаки.

Здесь раньше находилось селение ительменов, а ныне стоит единственный домик связистов. Рядом

с ним, у сарайчика, на привязи свора нартовых собак, которые всполошили окрест неистовым лаем на чужаков. Из дома быстро вышел хозяин:

— Цить, цить, — застрожился на них он и, выхватив торчащий из снега остол, пригрозил разъярённым псам. Сбросив рюкзаки и сняв лыжи, мы с огромной жаждой тепла прошли за хозяином. Линейный монтёр-обходчик Медведев Василий Терентьевич заговорил:

— Вот и гостей Бог послал, а то никто долго не наведывался. Совсем заскучал, только с собачками и говорю.

Черные курчавые волосы, посеребренные сединой, и разрезанное морщинами лицо выдавало его возраст, но походка и движения у него были еще легки. Подбрасывая дрова в печку, он приговаривал:

— Располагайтесь, согревайтесь. Сейчас картошечку под рыбку малосольную заварим, чайку закипятим.

И он из-под топчана выдвинул ящик с картошкой.

Тут Юра скомандовал:

— Саша, Коля, ножички в руки и на картошку. Так сказать, наряд вне очереди. А мы переоденемся, а потом вас сменим на хозработах.

Я с интересом рассматривал висевшую на стене медвежью шкуру. А ещё одна большего размера была разброшена на полу просторной горницы, в которой стояло четыре кровати. В прихожей, рядом с печью, на стене висели шкурки соболей, натянутые на правилки для просушки. За ужином разговорились.

— А в Камаках я с 41 года живу и телефонку эту сам строил в 34-ом. Так с тех пор и работаю монтёрам, а душой я охотник. Участок у меня большой — 30 километров. Пока пройдешь, что-нибудь да присмотришь. Вот и сегодня пару соболишек добыл. Морозная погода хороша для промысла, а то как запуржит, то и знай, что переставлять капканы из-под снега, только время тратить, — говорил он, поглядывая на нас, разморённых теплом и ужином.

Он вышел из-за стола и, будто извиняясь, заговорил вновь:

— Мне еще этих двух соболишек надо успеть сегодня ободрать, а вы располагайтесь, кто на кровати, кто на полу, на шкуре. Пока умоститесь, я и управлюсь.

Хозяин подкрутил фитиль на керосиновой лампе, чтобы поярче светило. Из котомки, стоявшей в углу у печи, достал двух черно-бурых соболей. Принёс тонколезвенный нож, какие-то ремешки, изготавливаясь к делу. Я из любопытства подсел к нему, глядя, как он вытянул вдоль лавки свою ногу, за её ступню привязал ремешок и им же, прихватив уже ободранную головку зверька, ловко принялся снимать шкурку с соболя, будто выворачивая чулок. При этом он, не умолкая, рассказывал и рассказывал обо всем, видимо, наскучавшись в одиночестве. Говорил, как давным-давно расформировали этот посёлок, что дети и внуки его в Усть-Камчатске, а он один тут, потому как привык жить вдали от цивилизации, и что содержит в порядке

Обдирка соболя, рисунок автора

свой участок линии связи, и что имеет кучу грамот за хороший труд.

Утром, когда мы изготовились к выходу в путь, из двери дома с клубами тёплого воздуха вышел Василий Терентьевич с охапкой сушеной рыбы — юколы. Раздав корм собакам, подошёл к нам ещё раз напутствовать:

— Морозы-то крепчают ежедень, на то они и Крещенские. Вон на термометре -40. Ну, вы поняли, что напролом вам идти не надо. Тут по раздолью река да протоки петляют, много озёр, наледи со скрытыми пустотами во льду. Морока и опасно. Идите вдоль сопок по окаёму долины. Там сбиться негде. Тундрочки-перелески, тундрочки-перелески. Главное, к горам особо не жмитесь. Справа увидите лысую гору, она как булочка, за ней сразу в низинке тополёчки. Это берег реки Каванаки. В тополёчках будет след, самочка набегала. Он на речку и выходит. По той Каванаке пойдёте, она на Куражье озеро выведет, где завсегда карася берут. Балаганы там есть, и нартовые следы прямо к посёлку Ключи и выведут.

По рассказу, чётко представив весь маршрут, мы двинулись, вдохновляясь главным ориентиром, вздыбившимся над всем окрестом обширной долины, Ключевским вулканом, поблескивающим на солнце ледниками. Там под ним и есть наша цель — посёлок Ключи.

Бежим легко, видно, уже втянулись. Весь день слепит почти негреющее солнце, а мороз кусает щеки и нос. День к закату, а мы всё петляем меж перелесков.

Теперь-то стало ясно, что ту «булочку» нам не сыскать. Все здешние сопки, как булочки, а речушек, заметанных снегом, мы уже прошли десятка два. Определи под снегом: Каванака она или нет. А со следами вообще хохма: ведь мы в следах, как говорит Виктор «ни ухо, ни рыло». След соболя от заячьего отличим еще, а самочка то или самец, кто их разберёт. Да и следов тут уйма. Витька уже полдня ржёт над тем, как мы купились на сказ Терентьевича.

Сейчас он разыграл Саньку, нагнувшись над следом соболя, завопил.

— Нашёл! Нашёл, как различить след.

— Как?! — кинулся к нему Волков.

— Если пробежала, то она. Коли пробёг, значит — он, — расплылся в улыбке шутник.

Январский день быстро угасал. Красное солнце тонуло в морозной пелене. Вскоре стемнело. На чёрном небе засветили звёзды. Одна из них висела прямо над кратером вулкана. Её мы приметили ещё в сумерках, и сейчас она была для нас, в полном смысле слова, путеводной. Ориентируясь на неё, мы незаметно вошли в холмистые отроги Харчинского хребта. Идти в темноте по ощетинившимся лесом холмам крайне трудно. И только надежда о теплом пристанище толкала нас вперед. Ночевать в лесу на снегу и при таком морозище не хотелось. Подъемы и спуски совсем измотали нас. И вот наш путь упёрся в крутой лесистый склон горы. Чтобы не заплутать совсем, решили дождаться утра.

— Что нам стоит дом построить? — подбадривая нас, Виктор проворно скинул рюкзак под склонившуюся березу. — Вот здесь будет наш бивуак, — потом отстегнул с пояса топорик и вновь заговорил: — Ну вот, облегчённая ходьба вроде бы ничего, попробуем теперь и облегченную ночевку.

— Нодью бы сделать, — предложил Волков и стал снимать лыжи.

— Для этого надо бы засветло присмотреть суховатую леснину. Придётся у костра куковать, — ответил Солянов, натягивая поверх лыжных ботинок рукава от старого тулупа.

Мы извлекли из рюкзаков теплые куртки и как могли утеплились. Потом спешно надрали бересты, нанесли суховатых сучьев, но костер из промороженной насквозь древесины плохо разгорался. Неуверенное пламя согревало только морально. Мороз бесцеремонно пробирался за воротник, пальцы рук и ног коченели. Согревались мы заготовкой дров маленьким походным топориком с резиновой ручкой: отчаянно валили березки, рубили их на чурбачки и размельчали на щепы, чтобы давать пищу привередливому в морозном безветрии огню. Видя, как Виктор по-хозяйски мостил у костра ложе из принесенных еловых веток, Александр предложил:

— Значит так, парни. Следим друг за другом. Не дай Бог уснём — это всё…

— Да я не для сна. На снегу же не усидишь, — и принялся заваривать чай.

Ночёвка в снежной яме

Со временем костёр оседал всё ниже и ниже в снег, образуя вокруг себя снежную яму. К утру она была глубиною больше метра. Пока Волков, в свою очередь, рубил дрова, мы с Виктором уже в который раз разливали по кружкам крепко заваренный чай. Умостившись в вытаявшей яме и прихлебывая его из горячих кружек, Солянов заметил:

— Пока чай пьешь, вроде бы, и спина не мёрзнет.

— Возьми галету, — предлагаю я.

— Уво-о-оль, от них уже весь рот в ошмотьях. Так что не задабривай. Твой черед рассказывать чего-нибудь.

Вдруг затих стук топорика, мы встрепенулись.

— Санька, спишь? — крикнул Виктор.

— Нет, топорик — из рук да в снег. Ищу.

Мы всячески исхитрялись, чтобы не погас костёрчик, который грел нас лишь морально, а обогревались, в основном дымом, клубящимся в яме. То и дело, как выстрел, раздавался треск размерзающихся стволов берез.

Вспомнили о спирте. Но, понимая, что это верная гибель в данной обстановке, даже не стали дискутировать на эту тему. Бесконечно долго длилась эта напряженная и, казалось, нескончаемая ночь. С рассветом мороз становился жестче и, когда чуть развиднелось, мы покинули клубящуюся дымом яму.

***

После бессонной ночи выживания, озябшее тело не хотело работать. С большим усилием давались нам первые шаги. Придавленные рюкзаками и холодом, мы безрадостно смотрели на седые от мороза кусты, деревья, горы. Когда обошли сопку, под которой ночевали, то обалдели. За ней, укутавшись туманом, скрывалась узкая незамерзающая часть реки Камчатки, так называемая, пропарина. И нам предстояло делать крюк в 2—3 километра, обходя ее, чтобы перейти на другой берег реки. Там, напротив нас, привольно раскинулся желанный посёлок Ключи. Сразу за посёлком устремилась в небо Ключевская группа вулканов. Над кратером Ключевской сопки в морозное небо тя-

нулся дымок. Сопка курилась, как и все дома в посёлке.

— Хорошо, что мы в темноте не вышли к реке. В морозном тумане могли бы не заметить этой пропарины, — рассудил Александр.

— Да… отвёл Боженька, — заметил Солянов.

По льду перешли реку и, приближаясь к посёлку, мы, всё чаще оттирая то нос, то щёки, увидели бегущих навстречу нам лыжников. Это ключевкие комсомольцы: Юрий Афанасьев, Василий Моросюк и Виктор Савинский.

— Вот они, пропащие! Мы вас вчера вечером ждали. Ну и видуха у вас, — подъезжая, сказал Юра, комсорг Ключевского ДОКа.

— Что-то, Витя, схуднул и осунулся, даже тощее носатого Кольки стал. Видно, вес-то сбросил за эти деньки? — заметил Василий и добавил. — Ну как вы ночью-то? Ведь морозище тут у нас второй день под пятьдесят давит.

— Да с таким вот начпродом, не то что исхудаешь, ноги протянешь… Ведь надо же всю ночь на фляжке со спиртом просидел. Мёрзнем, а не дает. У него снега зимой не выпросишь, — кивая в мою сторону, отшутился Виктор.

— Ну и хорошо, что не дал, а то бы до сих пор вы там в лесу песни распевали, — похлопывая нас по плечам, ответил Василий.

Василий Моросюк, мой друг, одногруппник по институту. Мы вместе прибыли на Камчатку по направле-

нию. Вася часто бывал у меня в Усть-Камчатске и тоже сдружился с Виктором Соляновым. Взбодрённые встречей, съев по полплитке шоколада, мы бодрее побежали по проторенной лыжне с ключевскими парнями. Лишь после нескольких километров пробега с раннего утра, я стал ощущать и чувствовать в ботинках пальцы ног. «А что бы было, ни возьми мы с собой рукава от тулупов?» — невольно подумалось мне.

На следующий день решили отдохнуть, чтобы подлечить подмороженности и потертости. Из сдвоенных лыжных шапочек смастерили себе маски для лица, вырезав в них проемы для глаз и рта — получилась хорошая защита от морозного ветра. Покрасовавшись друг перед другом в этих масках, мы довольные решением этой проблемы, убрали их в рюкзаки.

— Ну вот, парни, я так и думал, что нас с подмороженными мордами в город Петропавловск без намордников не примут, — заулыбался Солянов.

Юрий организовал нам экскурсию по старейшему на Камчатке ключескому Леокомбинату, основанному в 1932 году. Тогда этот комбинат снабжал бочковой клёпкой, ящичной тарой и малыми деревянными суденышками всю рыбную промышленность полуострова.

За прошедшие годы предприятие окрепло, увеличились объемы производства. Деловито, с надрывом гудели лебедки на лесобирже, ворочая пачки бревен, лязгали транспортеры. Тонко звенели циркулярные пилы

тарного цеха. Сипло пыхтели паровые котлы электростанций, озвучивая трудовой ритм комбината.

После экскурсии в актовым зале комбината организовали нам встречу с комсомольцами. Они дружно поддержали наш почин к дате вождя Пролетариата и утвердили в поход с нами своих достойных комсомольцев.

Пополнили наш отряд три человека. Юрий Афанасьев — секретарь комсомола предприятия, которого на собрании мы выбрали командиром нашего сводного отряда, Виктор Савинский — крановщик пристани. Черноволосый коренастый добродушный человек. По возрасту он был старше всех, и это не осталось без внимания: его тут же окрестили походной кличкой «дед». И Володя Губин — электрик ключевского ДОКа — худощавый смуглый с белозубой улыбкой парень недавно достигший совершеннолетия. Это и решило его участие в пробеге.

***

Мы вышли из Ключей уже усиленной группой. Дорога извивалась по неглубоким лощинам, между увалов среди редколесья.

Леса в районе Ключей будто просветленные березняками. Здесь нет мрачных чащоб с непроходимыми зарослями. Кряжистые причудливые в обхват березы, растрепанные частыми ветрами, просторно расположились среди густого подлеска. Только в низинках сухих речек, встречаются тополя-богатыри да с шершавой ко-

рою чозения. К полудню мороз заметно сдавал, снег сверкал и искрился на солнце. Наш путь постепенно огибал подножие группы вулканов, и было невозможно оставить без внимания великолепный вид этих гигантов. Между Ключевской сопкой и вулканом Плоский просматривался острый пик вулкана Камень. Это вторая по высоте вершина полуострова Камчатка.

На привале Юрий с удовольствием поделился с нами своими познаниями:

— Ключевская сопка намного моложе вулкана Плоский, который считается потухшим. Действовал он еще в доледниковый период. Видите, с виду он невысок, а подниматься на него мало кто решается. Острые каменные гребни, отвесные стенки, ледопады — вот тебе и безобидная с виду вершина. А знаете, кто первый поднялся на вершину сопки? — Данила Гаусс еще в 1788 году. Ительмены на огнедышащие горы никогда не ходили.

Увлеченные рассказом, мы теснились у костра, попивая чаёк. Передохнув, покатили дальше.

В гостеприимной семье

Ближе к селу Майское увалы стали покруче. Быстрого бега не получалось. Стала сказываться усталость у ребят, бегущих первый день. Солнце спряталось за горы, и стало быстро темнеть. Влажная от пота наша

одежда превращалась в покрытый инеем панцирь. До села оставалось немного, но силы были на исходе. Карабкаясь на очередной заснеженный подъем, Савинский остановился.

— Мне эти «Амурские волны» изрядно надоели. Может, ляжем в дрейф, капитан? — обратился он к Юрию.

— Дед, кончай дрейфить. Тоже мне «морской волк». А раз так, то волка — ноги кормят, — отпарировал Афанасьев.

Может и вправду тормознем, ведь «движки» запарим, землепроходимцы несчастные! — завопил Володя Губин.

Пришлось сделать привал. Быстрый темп в первой половине дня себя не оправдал. В Майское вошли поздно вечером. В конторе совхоза только сторож. Уставшие, толпились мы у входа, пока Юрий безуспешно накручивал в сторожке местный телефон.

Из дома напротив вышла моложавая энергичная женщина и подошла к нам.

— Ребята, а ну быстро ко мне в дом. Что же это вы на таком морозище. Господи, да еще и в ботиночках. Быстро, быстро! — скомандовала она.

Анастасия Васильевна Андреева, экономист совхоза, и её муж Александр Алексеевич, терапевт, радушно приняли нас. У Анастасии Васильевны оказались «золотые руки». Разместив нас в одной из комнат, она с неимоверной быстротой стала заполнять стол разными закусками. Жарче затопилась печь. Не успели мы

отойти от мороза, как на большой сковороде зашкварчали жареные пирожки. Немного времени — и целый таз отдающих жаром пирожков стоял на столе.

— А теперь к столу. Отведайте-ка. Сейчас согреетесь, и понесло же вас в самые морозы. Вон что со щеками-то понаделали. Да как же это вы пешком-то. До города аж. А ты-то совсем малец, но туда же! — Обратилась она к Губину. — Я бы своего в жизни не пустила, — приговаривала она, придвигая ближе к нам тарелки с борщом. Ошеломленные таким для нас поворотом дела, мы принялись за еду, удивляясь искусности хозяйки и гостеприимству этой семьи.

Наутро, распихав нам по рюкзакам оставшиеся пироги, хозяева тепло проводили нас в дорогу, и я подумал: «Надо же, так добродушно встретили и проводили, как родных. Точно! На Камчатке народ — золото».

Нерестовое озеро — колыбель жизни

От Майского до Козыревска не более 30-ти километров, поэтому шли не спеша — в накат. Первый привал сделали на развилке дорог. Быстро развели два костра, дабы разместить все «котелки»: жестяные трехлитровые банки из-под томатной пасты. В них снег намного быстрее таял, чем в стандартных алюминиевых котелках, и превращался в клокочущий кипяток. Крепко заварив чай, мы разливали его в рядок поставлен-

ные кружки, не скрывая удовольствия от такой оперативности.

Узкая, плохо прочищенная дорога от реки уходила к рыбразводу. Это — станция по изучению и разведению рыбы лососевых пород. Домики для обслуживающего персонала прижались к берегу Ушковского озера, в которое вдавались сооружения на сваях. Прогибающиеся скрипучие мостки позволяли попасть в любое место под навесом, где находились погруженные в воду десятки лотков с тысячами икринок рыб. Незамерзающее озеро — естественный инкубатор. На берегу лежали штабелем замороженные тушки зимнего кижуча, отдавшего свою икру для науки. Тушки эти приготовили для отправки в совхоз на кормокухню. Целую лекцию выслушали мы от влюбленного в свое дело директора рыбразвода:

— Превращение икринок в мальков происходит за 4—5 месяцев. Весь жизненный цикл у кижуча составляет всего полтора года, а самый продолжительный у кеты: длится около шести лет. По чешуе лосося можно определить возраст рыбы, — увлеченно рассказывал он.

— Значит, чешуя лосося вроде бы паспорт, — встрял вездесущий Виктор.

— А озеро наше знаменито еще тем, что здесь в 1963 году обнаружена древнейшая стоянка человека — обитателя Камчатки. По раскопкам ученые установили, что костры древнейших рыболовов и охотников

на мамонтов горели здесь около 150 тысяч лет назад, — продолжал директор.

— Жаль, что не летом сюда попали, посмотреть бы раскопки, — вслух искренне пожалел я.

— Приезжайте, археологи каждой год здесь работают.

Остаток пути до Козыревска мы только и говорили о рыбах и дикарях.

— Рыбразвод звучит солидно, но уж больно тут убого. Наверное, толку с него мало. Лишь гольцов откармливают этими мальками. Ведь молоди надо прошмыгнуть через все озеро, чтобы попасть в реку Камчатку и по ней выйти в океан для нагула. А озеро кишит гольцами — хищниками для них. Чего бы не устроить лоток или трубу какую для мальков, а не выпускать их через озеро, — рассудил Виктор.

— Как же так? С годами важность этого дела возрастает не только для Камчатки, но и для всей страны, а убожество рыбразвода почему-то много лет неизменно. Правда, «сдвиги», есть за последние годы в посёлках появились объявления, которые приглашают рыболовов-любителей на безвозмездный отлов в озере жирного гольца. Становится ясно, что даже такое необходимое для страны дело умудряются делать формально, для галочки в статотчет, — сделал вывод журналист Александр.

По таёжному краю

Козыревск — посёлок, увековечивший память о казаках-землепроходцах Камчатки Степане и его сыне Иване Козыревских. Селение Козыревск раньше находилось у устья реки Козыревки при впадении ее в многоводную Камчатку. Позднее хозяйственные переселенцы перенесли селение ниже по течению Камчатки, на крутой неподмываемый яр, поближе к нерестовому озеру.

Ныне Козыревк — сердце лесозаготовок Камчатки. С 1930 года здесь начались промышленные заготовки. И ныне, куда ни глянь, вокруг всюду лес. Рубленные дома и здания, у каждого двора высокие поленницы дров, заготовленные впрок. На лесоскладе высятся штабеля бревен, то и дело из тайги лесовозы ЗИЛы и МАЗы — подвозят пачки хлыстов — словно попадаешь в какое-то деревянное царство.

Разместили нас в спортзале средней школы, а вечером мы уже были на встрече. Аудитория собралась что надо. Шустрая, краснощёкая гвардия школьников буквально засыпала нас вопросами.

— По сколько километров проходите в день?

— На каких лыжах идёте?

— Не холодно ли?

Но несмотря на непоседливость, они слушали нас внимательно. В Козыревке к нашему отряду присоединились еще два комсомольца. Дизелист электростанции

Геннадий Верёвкин — среднего роста, черноглазый с впалыми щеками. Весь его облик источал силу и уверенность в себе. Геннадий принадлежал к типу людей, которые больше слушают чем говорят. А Виктор Тен — самый молодой участник перехода (ему еще не было восемнадцати лет) методист производственной гимнастики леспромхоза. Сухощавый, небольшого росточка, Виктор и на вид мало подходил к должности, которую занимал. Но дело своё знал.

От Козыревска до следующего посёлка Атласово напрямик по «телефонке» 80 километров. Мы, Усть-Камчатцы, решили заменить лыжи, так как наши «дровишки» стёрлись так, что снизу оголились шурупы от креплений.

Рано, почти затемно, начинается рабочий день в леспромхозах. И в 7 утра мы уже бежали по лесовозной дороге в сторону Крахчинского лесоучастка, а навстречу нам шёл первый груженый лесовоз. Рассвело, когда мы вкатили на Крахчу. Так называемый, лесосклад издали был похож на муравейник. Трещали передвижные электростанции. Жужжали электропилы, бригады рабочих распиливали хлысты леса на брёвна. Раздетые, несмотря на мороз, они ловко орудовали крючьями, взваливали эти кругляки на подсанки, в которые запряжены мохнатые от инея большемордые лошади. Повсюду неслись окрики, брань на особо ретивых коней.

Разгоряченные люди и лошади, не стоящие на месте, окутаны паром, чуть розовеющим в первых лучах

солнца. Я с удивлением смотрел на захватывающую трудовым азартом работу бригад.

— Ну дела… Лошади на сортировки леса! Вместо транспортеров. А как же бревнотаски хотя бы без программного управления? Я-то думал, что лошадки — это каменный век нашей промышленности. После этого стоило ли дивиться старой технологии работ, которую нам с Виктором пришлось увидеть в Ключевском лесокомбинате. До сих пор в ушах — визг и звон циркулярных пил тарного цеха, лязганье транспортёров, надрывное гудение лебедок лесобиржи и пар от паровых котлов электростанций — своеобразный оркестр пережиткам прошлого.

Неподалёку от ямы, в которой горели отходы от хлыстов, бытовка мастера. В ней жарко от печурки. Пожилой мастер Грозов — практик, знаток лошадиных сил и леса — своими практичными знаниями открывает нам глаза на многое. Хоть и сомневаюсь я в чем-то, но вроде бы он прав. Мне невольно наворачивалась мысль: «Как же велика разница между технологиями книжными и теми, что наяву. Неужто и впрямь, как говаривают, «забывай индукцию, дедукцию, а выдавай продукцию»?

***

С Крахчи бежим по просеке «телефонки», которую ограничивает островерхий лиственничный лес, изредка посеребренный березами. В таком однообразии время тянется долго. Снег тут без наста, рыхлый, чаще меня-

емся торить лыжню. После очередной чаевки раскрасневшийся Виктор Солянов встал за ведущего и мощно взламывая снег, навязал очень быстрый темп. Вытирая испарину со лба, «дед» кричит Юрию Афанасьеву:

— Командир, уйми этого «красного буйвола»: ребят козыревских загоним. Ведь не втянулись ещё.

Далее лес стал отступать к горам, и мы вырвались на простор тундры. В народе ее называют «Шурупники». Огромное безлесое пространство уходило под самые отроги вулкана Толбачик, белый конус которого подпирал небо. Какая бы ни была многоснежная зима, здесь, за вулканом, снега выпадает самую малость. Видимо, Толбачик своею громадой прикрывал эти места от господствующих зимних ветров, приносящих пурги. Из-за малости снега прошлогодняя трава путала лыжи. Уклоняемся от прямого пути, выискивая больший снег, бежим вдоль кустарников. Обогнув очередные заросли увидели с десяток мирнопасущихся одичавших лошадей. Длинногривый табун стремглав понесся в сторону малоснежной тундры под вулкан. Рыжеватый простор Шурупников, громада вулкана Толбачик и скачущий табун — экзотика да и только!

Дикий олень и Камчатка совместимы, а дикие лошади как-то не вяжутся с моим представлением о Камчатке, но факт.

Припоминаю разговор с мастером Грозовым, который жалел, что лошадей почти всех извели. Осталось в леспромхозе всего пять десятков, а раньше был табун

в 500 голов. На Шурупниках круглый год и выпасали их до 3—4 летнего возраста, а потом оттуда брали лошадей в работу: «Знать, не всех выбрали» — подумал я.

Петляние по провальным снегам в тайге и по косматой тундре Шурупников, изрядно вымотало нас. К концу дня особенно чувствовалась разница от того, какой ты идешь по лыжне — первым или восьмым. Первому всегда труднее.

По пути прошли несколько заброшенных посёлков (бывшие лесоучастки 30—40 годов). Полуистлевшие бревенчатые бараки с перегородками комнат из жердей. В каждой такой клетушке жила семья переселенцев, приехавших осваивать Советский Дальний восток.

Тяжелое зрелище: покосившиеся стены, проваленные крыши, зияющие пустотой зеницы окон. Какая-то тоска и печаль давят, когда смотришь на места, откуда ушла жизнь. А тут еще невезуха: у меня сломалась лыжа. Пришлось соединить «русским клеем» — гвоздями, которые удалось выдрать из развалин барака. Так и брел — одна лыжа короче другой.

Вечерело, когда мы из зарослей пойменного леса буквально вывалились на накатанный зимник. До Атласово оставалось недалеко. Густой лес по обе стороны дороги казался темной зубчатой стеной, но восходящая луна напрочь разбивала это представление. Большая и красноватая, она будто заблудилась в ночном лесу и безуспешно пыталась выбраться из паутины веток.

Ночью, гремя насквозь промороженными куртками, мы вкатили в Атласово. Посчитали: за день по бездорожью протопали 86 километров. Рекорд, не рекорд..., хотя мастера спорта из пробега «Метелица» за день бежали и поболее, но у них тропа, по сравнению с нашей таёжной — асфальт.

***

Поселок Атласово — центральная усадьба Камчатского леспромхоза. Это самый молодой поселок лесорубов. Дома — коробки из бруса и брёвен, похожие друг на друга, стоят в строгих рядах улиц. Чувствуется стандарт типового проекта, отчего поселок кажется менее уютным, чем другие.

Поселок относится к Мильковскому району. От Атласово наш путь будет только по зимней автотрассе, ведущей до районного центра — села Мильково. Теперь — прощай, мягкая лыжня. В беге по жесткой, промороженной и скользкой автодороге, наверное, руки будут важнее ног.

Розовым морозным утром мы вышли из Атласово. Через три часа бега. Дорога наша вдруг запетляла по зарослям елового леса. Зеленые кроны, заваленные снегом, причудливые пни, солнечные лучи, кое-где пробивающиеся в темноту леса — сказочная красота. Хотелось верить, что места эти нехоженые, заповедные, как вдруг из-за поворота вылетают один за другим грузовики и, мчась по трассе, увозят на себе эту красоту виде лесопродукции. В полдень свернули

на лесовозный «ус», чтобы попасть на деляну к лесорубам почаевать.

Треск движка электростанции, урчание бульдозера, сизые дымки стрекочущих бензопил — всё это как-то не вяжется с заснеженным безмолвием тайги. Три рубленых вахтовки и вагон — столовая сгрудились у тепляка — крытой траншеи для стоянки тракторов. Страсть как хочется посмотреть работу вальщика леса в деле. Да, и всё хочется обсмотреть.

В Усть-Уамчатске лишь тундра, такого не увидишь. Трактор-трелевщик захлебываясь от рыка, натужно переползал чрез заснеженную валёжину. Он вытаскивал пачку длиннющих хлыстов на волок. Поблескивая гусеницами, подмял под себя небольшую березку и, крутнувшись в сторону, ткнулся в молодую ель. Когда рассеялось облако снежной пыли, слетевшей с кроны красотки, ели как не бывало. «Зря он так, жаль такую елку», — пожалел я.

Мастер леса Фролов Яков Павлович — практик. Приветливый дядька, он своим рассказом о технологии лесозаготовок немного успокоил меня. Оказывается это у них технология такая — условно-сплошная рубка. Для возобновления леса на делянах они оставляют куртины зрелого леса — семенников. Может, это мне с непривычки к делам лесозаготовителей, но видок после такой технологии — жуть! Не зря говорят «лес рубят — щепки летят». Всё же ёлку он мог и не давить, — размыслил я, всё ещё сожалея о таёжной красотке.

Лишь во второй половине дня от лесорубов из заснеженной лесосеки мы вновь вышли на автостраду. Юрий заметил:

— Парни, много времени и сил потеряли на лесных сугробах. По дороге будем нагонять время, чтобы к вечеру быть в Мильково, — и обратился к Виктору. — «Красный буйвол», веди первым, да без рывков, а то я гляжу, ты резервную плитку шоколада уже догрызаешь.

Наши опасения о беге на лыжах по промороженной дороге не напрасны. Была большая нагрузка на руки, удерживающие равновесие на скользких местах. Лыжи часто разъезжались в стороны, проскальзывали под ногами, нарушали темп хода. Уже на подходе к Мильково «дед» Савинский, неудачно скользнув, упал и сломал лыжину. Как мы ни мудрили, но использовать её дальше было невозможно. Можно было бы его отправить на попутке, но дорога из Атласово в Мильково, официально ещё не существовала, и по ней редко пробиралась грузовики снабжения УРАЛы, либо бензовозы, завозя топливо для дизельных электростанций поселений. Поэтому ждать у дороги попутки, это как «ждать с моря погоды». Пришлось ему идти на одной лыжине. И на редкость выносливый крепыш Савинский почти 10 километров «проскакал» до Мильково.

Районный центр — большое село, и нас там ждали. Уже в сумерках поселили в Доме Культуры, в большую комнату с двумя кирпичными круглыми печами-галанд-

ками. Умаявшись за дорогу, вскоре мы уже спали в тепле на раскладушках.

Следующий день выдался опять морозным. Заиндевевшие тополя, хвосты дыма над трубами домов и котельных придавали селению уютную притягательность. Над нами, чуть не касаясь верхушек тополей, со стрекотом планировала «Аннушка» и садилась сразу за селом, подняв шлейф снежной пыли. Сразу чувствовалось, что это районный центр.

Интересная судьба выпала на долю Мильково. Это единственное селение Камчатки, основанное ни охотниками, ни рыболовами или лесорубами, а крестьянами с берегов Лены, которых переселили сюда в середине 18 века. Глубокие корни у мильковского земледелия. Кроме того, в те далекие времена мильковчане с большим искусством выделывали ткани из волокон крапивы. Вот что писал об этом Карл Фон Дитмар, путешествующий по Камчатке в 1852 году: «При нашем посещении деревни Милковой, мы видели немало очень удачных образчиков крапивного полотна. А двум девушкам даже вручили премии, присланные Санкт-Петербургским Экономическим обществом. Для одной из них назначена брошка, для другой — серьги: брошь и серьги золотыя с гранатами. К нашему удивлению обе отказались от подарков, мотивируя свой отказ тем, что их костюм не вяжется со столь богатыми украшениями».

Скромность коренных жителей Камчатки, камчадалов, и сейчас заметна.

Вечером в этом же районном Доме Культуры состоялась встреча с молодежью райцентра. После обмена докладами о делах комсомольцев Мильковского и Усть-Камчатского районов тут же за высокие производственные показатели в Социалистическом соревновании отличившимся вручали грамоты и подарки. Мильковский — ведущий сельскохозяйственный район на полуострове. После концерта художественной самодеятельности комсомолки пригласили нас остаться на танцы. Мы, сославшись на ранний выход в путь, отказались и ушли в свою комнату перебирать рюкзаки, готовясь в дальнейший путь. До нас доносилась бодрящая музыка, и Виктор Солянов обратился к Савинскому:

— Слышь, «дедусь», может пойдём покажем им настоящего «джазу».

— Ага, с такими обветренными мордами всех девчат распугаем. Завтра на трассе натанцуемся, — возразил тот.

— А ты и сегодня несколько вёрст отплясывал, как кузнечик скакал на одной ножке. Я даже боялся, как бы твоя толчковая нога из задницы не выдернулась, — ухмыляясь, продолжал Солянов.

— Вот, балабол, неугомонный, — отмахнулся Савинский.

К перевалу

На следующий день мороз заметно сдал, облегчая нам ходьбу на новых лыжах, которые нам предоставил местный райком комсомола. Первый привал сделали на берегу реки Камчатки, у места первого русского острога Верхнекамчатск, основанного тут в 1697 году Владимиром Атласовым.

— Вот она, резиденция сборщиков ясака! — высокопарно заявил Волков, показывая на бугристую местность, заметённую снегом, и продолжил. — Представляете: вот тут частокол, там — колокольня. А... как смотрится?

— Нет! — категорично отрезал Виктор. — Вон там к речке пивбар с пельменной поставь, Сашенька, — с деланной серьезностью ввернул Солянов.

Ребята засмеялись, Александр махнул рукой и произнес:

— Дикари, что с вас возьмёшь. Бродите по своей земле, а толком не знаете и не хотите знать историю. Вы хоть слышали, что реку Камчатку ительмены называли — Уйкоаль. Слышите? Как красиво звучит! А вот солнце — Коачь, заря — Завина...

— Ладно, не кипятись, Саня, давай кружку, а то кипяток стынет. Кое-чего и мы знаем, — вступил в разговор Афанасьев.

— Сейчас будем проходить речку Грешную. Почему так называется? — не унимался Волков, и мы заинтере-

сованно поглядели на него. — То-то! Да потому, что на её берегу приводили в исполнение приговор всем виновным в камчадальском бунте, который возглавлял Федор Харчин в 1731 году. Много тогда камчадалов и казаков кнутом посекли, а кого и повесили по приказу подполковника Василия Мерлина. Вот с тех пор эта речка и место зовётся Грешной, — пояснил Александр.

— Ну ты даёшь, Саня, где ты начитался всего этого? — удивленно произнес Савинский.

— Работа такая, почитывать приходится, — ответил тот.

Втянулись, идем бодро, легко. Без захода в селение Шаромы и Пущино мы заметно приближались к безлесной унылой долине, высокогорной Гональской тундре. Она является своеобразным перевалом всей Камчатской долины, то есть водоразделом полуострова. С этой тундры река Камчатка бежит на север, а река Белая устремляется на юг полуострова.

Во все времена года здесь дуют ветра. Летом они несут холодную влажность океана, а зимой — снежные тучи, причины свирепых пург в этих местах.

Чем ближе мы продвигались к тундре, тем заметнее отступал мороз. С юга в долину наползала серая мрачность. Дорога потянулась вдоль горного Валагинского хребта, изрезанного каньонами, и всё дальше втягивала нас к главному перевалу Камчатки. Постепенно дорога стала прижиматься к Ганальскому хребту. Горные востряки этого хребта снежным огромным валом нависали над

Ю. Афанасьев, В. Солянов, Н. Бушнев

автострадой, по которой нет-нет да и пролетали работяги-грузовики. Погода заметно портилась. Вершины востряков стали кутаться в наползающие на них тучи. Перевалив очередной небольшой увал, мы увидели у обочины дороги грузовик с раскрывшимся бортом, а сбоку вывалившиеся из него трубы и швеллера. Шофёр, моложавый юркий парень, буквально бросился к нам:

— Парни, может, поможете? — развёл руками он и добавил. — А-то все торопятся, да и решись кто — такие балочки вдвоём не забросишь. Боюсь, запургую тут. Вон лохмы какие наползают.

— Разомнёмся малость, — отстёгивая лыжи, обратился к нам Юрий.

Словно муравьи, облепив швеллер, мы с усилием вталкивали его в кузов машины. Раскрасневшись от натуги, «дед» упрекнул водителя:

— Перегруз у тебя. Вот и крюк борта не выдержал. Рвач ты, паря. А жадность губит.

— Какая жадность?! Краном бросили всю упаковку сразу да и погнали за ворота. Жми быстрее, в СМУ план горит, — отговаривался шофер.

После загрузки металла водитель, скрутив борта проволокой, заспешил в Мильково. Ветер стал усиливаться, пронизывая нас насквозь. Закружились редкие снежинки. «Дед», покрутив головой по сторонам, недовольно заметил:

— Кабы не эта машина, до поселка без пурги успели. Водила сказал, что до селения с десяток километров ещё будет.

— Ну, парни, придётся гнать во всю прыть, пока погода не разбушевалась. Погнали! — скомандовал Юра.

Вскоре под завывания и свист сорвалась снеговая завеса. Она налетела и закрутилась в бешеном ритме танца беснующегося шамана. Будто взбунтовавшись, ветер плотно залеплял влажным снегом наши одежды и лица. Всё бело: ни гор, ни неба. Дорогу заметало на глазах, перемёты и встречный ветер затрудняли ходьбу. Заметно потемнело. Вокруг лишь круговерть снега. Опасаясь сбиться с дороги, держимся кучно. Сквозь снежные заряды пурги мы, то и дело всматриваясь, с трудом определяем приметы, заметённой обочи-

ны дороги. Одолевала мысль: «Как же не проглядеть поворот, когда за 3—4 метра не видно «ни зги». Холодной змеёй заползал в душу страх: можем проскочить спасительный поселок дорожников.

Влажный ветер заметно остужал нас. Почти не чувствуя конечностей рук и колен, через ощутимые перемёты снега на дороге мы шли, движимые теплящейся надеждой и силой воли, упираясь палками, напрягая зрение и слух.

И вдруг, почти рядом, сбоку от нас, залаяла собака. Вторя ей, затявкала другая, третья… Сразу же, перевалив через сугроб обочины дороги, мы заспешили на лай и уткнулись в барак дорожного участка селения Ганалы. Полузаметенный, с залепленными липким снегом стенами, он был незаметен даже вблизи, хотя стоял почти у дороги. Одно окошко его чуть желтело от света керосиновой лампы. Сбоку от барака — дощатый сарай такой же заметенный, из которого и доносился лай нартовой своры собак, поистине наших спасительниц. Не подай они голос, каким-то чудом учуяв нас, мы точно прошли бы мимо. И неизвестно что могло бы случиться с нами, уставшими, и напрочь озябшими, в этой жесточайшей снежной кутерьме.

Снимая у входа в барак лыжи, от радости даже перестали чувствовать холод в промокших одеждах, мы были благодарны судьбе.

Сторож дорожного участка, удивленный нашему появлению, впустил нас в спасительный приют и завел

в комнату, где обычно ночуют экипажи дорожной техники. Он подбросил дров в печь, сваренную из двух железных бочек, и указал нам на жерди, висевшие у печи:

— Тут одёжку промокшую развесите. У нас всё предусмотрено. Но движок электростанции включать не буду, он и на домики в посёлок ток даёт, а сейчас-то, видишь, дурь какая. Провода, однако, пургой в шмотья уже растрепало. Тут завсе так. Пока отогреваетесь, счас чаю вскипячу. А утро вечера мудренее.

Пурга завывала всю ночь, содрагая стены. Сон долго не шёл, и в голове снежным роем кружились впечатления и переживания прошедшего дня. Испытав на себе серьезную опасность столь свирепой пурги, я невольно подумал о шофёре: «Хорошо, что мы вовремя ему помогли. Как бы он, бедолага, пережил в этой щелястой и неутепленной кабине ГАЗона? Я-то знаю, что отопительные печи там слабые, а бензина жрут много. Пурги здесь и по трое суток бывают...» От этой мысли у меня холодок пробежал по спине. Я отогнал эту мысль, как навернулась другая: «Как придём в селение Малки, там магазин есть. Надо не забыть шоколада подкупить. А-то Витька — сладкоежка после Мильково свой запас „НЗ“ на полпути уже схомячил, а к концу пути, когда в пургу вошли, силёнки-то на исход пошли. Пришлось ему полплитки своего „НЗ“ отдать, — дружбан ведь». Так в борьбе с мыслями, согревшись в постели, я уснул.

Утром сторож, растапливая печь, заметил:

— Повезло вам, пурга-то, однако, сдувается. Я-то думал, дня-два, как минимум, нос наружу не высунешь. Ан-нет, проходит, — и добавил. — На плите ведро с водой, она ещё тёплая, а умывальник вон в углу висит, ковш рядом. Печь разгорится, можете пищу подогревать, посуды тут много. В том углу шкаф. А я пойду на коммутатор связи схожу, узнаю, что с погодой и когда трассу расчищать начнут.

Мы уже доедали разогретые консервы из серии «завтрак туриста», как вернулся сторож и довольно заявил:

— Точно, по трассе пурги нет. Из Малок вышли шнекороторы и один грейдер чистить дорогу. Так что к концу дня будут здесь. Мне скучать тут не дают. С обеда начну для них ночлег подготавливать.

***

К обеду пурга окончательно стихла, и мы, в сухих одеждах, отдохнувшие, изготовились в путь. Под лучами солнца окружающая белизна слепила. Пурга поработала на славу. У входа в барак со столба гирляндами свисали залепленные мокрым снегом обрывки проводов. Поодаль, у сарая с собаками, под непосильной ношей липкого снега, горбатилась одинокая каменная берёзка. Наши разноцветные свитера и куртки оживляли окружающее нас белое царство зимы. Наконец, мы выбрались на дорогу и остановились, озадаченные увиденным. Плотные перемёты снега на дороге сменялись выдувками, которые оголяли дорогу почти до гравия.

Виктор Солянов заметил:

— Э-э-э, по этим «препятствиям» далеко не уйдём…

— Тут только на железных лыжах, — поддержал его Юрий.

— Парни, надо идти вдоль дороги по тундре: снег там неглубокий, а где и до травы сдуло. Так трава это не гравий. Тут до Малок немного. Если бы утром вышли, к обеду там были. А встретим шнекороторы, перейдем на чищеную трассу, — рассудил «дед».

— Тогда ты первый и тропи, — согласился Юра.

Через пару часов бега, наконец-то, вдали, словно два тёмных кита, низвергая вверх фонтаны снега, показались шнекороторы. Взбодренные, мы прибавили ход и вскоре были уже рядом с первой машиной.

«Кит», заглушив «фонтан», остановился. Водитель шнекоротора, узнав земляка Виктора Солянова, разговорился с ним. Витькин знакомый по Усть-Камчатку явно хвастал:

— Заработок всегда догоняю под 300р. прямого. Больше-то нет смысла: надбавки не крутят. А там, в Устях, я три года потерял, пока на окладе мастерил в дорожном участке. Сейчас — милое дело: «ни клят, ни мят» и «рыльце в пуху», — усмехнулся он и, вынув из-за спинки сидения бутылку водки, предложил. — Вспрыснем встречу?

— Нет, земеля. В другой раз, — развёл руками Виктор.

Расставшись с дорожниками, мы покатили к селению Малки. По прочищенной дороге после тундрового снега лыжи ходко бежали «сами».

***

Малки — посёлок с небольшим населением для обслуживания работ дорожного ремонтно-строительного участка, а также коммутатора связи, пункта метеостанции и вдобавок ведомственного оздоровительного профилактория на горячих источниках для работников дорожной службы. Сразу по прибытии в Малки мы зашли в контору Д. Р. С. У. Молодой начальник участка добродушно побеседовал с нами и распорядился завхозу поселить нас в гостиницу. Сам предложил нам с дороги отогреться в источниках профилактория, чем поразил нас в самое сердце. Мы всю дорогу мечтали попасть в эти купели — и вот свершилось. Выходы горячих источников находились тут рядом, по другую сторону дороги, и были главной достопримечательностью этого места. Их доступность привлекала сюда людей из разных селений Камчатки. Родники горячих вод в ложбине образовали разные лужи и небольшие озерца с теплой, а то и горячей, парящей водой. Поэтому над этой ложбиной всегда клубится пар.

Профилакторий — это часть тех же луж да одно озерцо, углубленное и обрамленное деревянным настилом. Тут же были устроены из досок раздевалки «мужская» и «женская», а меж лужами с родниками настелены дощатые мостки. Неподалёку в тальнике — раздельный туалет и даже мусорный бак. В данной местности — это был признак высокого разряда цивилизации.

А все неведомственные, проезжающие мимо или редкие бродячие туристы купались в неустроенных источниках, выбирая себе из них с нужной температурой воды лужу. А удобства для них: переодевания, туалеты — в густых зарослях тальника и ольхачей.

Разместившись в гостинице, мы, чтобы успеть засветло покупаться в целебных водах, заспешили в профилакторий. Слепило приседающее солнце. На сугробах кое-где искрились снежинки. Среди белого безмолвия клубились облака пара. Темная с виду вода в источниках парила по-разному. Бесснежные берега теплых лужиц тоже парили, и чуть поодаль от воды кое-где зеленела травка. Шокированные таким контрастом холода и тепла, мы по мостку подошли к основному «бассейну» и направились в раздевалку.

— Обалдеть, парни! Так это же «Земля Санникова», — заключил Виктор.

— Точно, смотрите: вокруг туман и мы, попавшие в другой мир, — поддержал его Юрий.

«Дед», сунув руку в озерко-бассейн, заявил:

— В такую горячую сразу не полезу. Сначала вон в той лужице к теплу привыкну. Видите, она почти не парит, знать, прохладнее там вода, — рассудил он.

— Так она неглубокая. Там воробьишке по му..., сам знаешь, — заметил Виктор и добавил. — А вот я прогреюсь. Потом — вон за туалетом каков снежный намёт. Туда в него с размаху и плюхнусь. Ух-х-х, быстрее хочу...

В раздевалке, спешно снимая одежду, Юрий заметил:

— Хорошо, что людей тут нет. Так что будем голяком. Трусы-то сушить в гостинице негде.

Солянов первым заспешил к бассейну. Волков Саня напутствовал его:

— Витек, ты в горячую резко не прыгай, а то «перчик» свой ошпаришь и тогда будешь «Красный буйвол» полностью.

Все дружно засмеялись, а Виктор приостановился и парировал:

— А ты, Сашенька, на свой пи-сательский прибор хотя бы носок надень, а то перегреешь его, чем тогда в газеты статейки по-пис-пис-овать будешь! — и пошёл к воде, усмехаясь.

— Стоп, стоп! А ещё комсомольцы. Шутки-то у вас ниже пояса, — тормознул их Юра.

Балагуря и подначивая друг друга, мы смеясь облазили все источники профилактория. Грелись и мазались тёмной вонючей, но «целебной» грязью. Несколько раз, распарясь в воде, мы как и Виктор, бросались в сугробы снега и вновь бежали к горячим водам, «намучивая» своё тело разностью температур.

Смеркалось, когда мы, распаренные, с раскрасневшимися лицами, вошли в поселок. После захода в магазинчик, довольные и счастливые, отправились в гостиницу.

***

Облегченные пропаркой в источниках, мы из посёлка Малки выбежали пораньше. Предстояло пробежать

около сотни километров до следующего ночлега. Дорога, уже перевалив самую высокую точку перевала, заметно побежала вниз. Тут она снова стала извиваться меж обступающих ее гор Камчатского водораздела. Нам, втянувшимся за эти дни в нагрузки, бег по прочищенной трассе да еще вниз показался прогулкой в удовольствие. К исходу дня прибежали к месту ночевки в санаторий «Начики».

А когда стемнело, пораньше легли спать, так как предстоял еще один стокилометровый пробег до очередной ночёвки.

От Начик дорога ещё круче пошла вниз, спускаясь с горного массива водораздела полуострова. Это нас подбадривало, да и погода стояла солнечная и не морозная. Уже чувствовалось восточное дыхание Тихого океана. Дорога здесь зажата обступающими ее крутолобыми сопками. Уходя вниз, она будто влекла нас по увалам среди редколесья. «По такой-то чего не бежать, — лыжи сами несут», — подумалось мне.

Леса на восточном побережье Камчатки сплошь из березняков, и вдоль трассы стоят причудливо-кряжистые каменные березы. Растрепанные и обломанные частыми пургами, они облепили склоны гор. Лыжи ходко катили нас навстречу вздыбившемуся к небу Коряк-скому вулкану, сбоку которого притулилась Авачинская сопка. Там, под ними — города Елизово и Петропавловск-Камчатский — наша зовущая цель!

Перед выходом автотрассы к Авачинской бухте до-

рога ещё резче стала спадать вниз, и тут уже больше заработали наши руки, чем ноги. Когда мы подкатили к развилке дорог, где одна из них отходила в сторону совхоза «Камчатский», Виктор, забежав вперед, крикнул:

— Стойте! Праздник надо отметить. Даже два!

— Что-то опять придумал, — останавливаясь, сказал Юрий

— Эх вы, ведь последний километр из тысячи проходим, а ещё надо вскипятить два котелка чая, чтобы было ровно 350 литров, выпитых за дорогу.

— А ведь точно! — подтвердил Волков.

— Парни, привал. Мигом — последний костерчик. Начпрод, раздай из «НЗ» шоколад, допьем уже контрольный литр чая, а то до цивилизации уже рукой подать, — распорядился Юрий.

Вскоре, запивая шоколад крепким чаем, мы осматривали открывшийся нам прекрасный, вдохновляющий вид на громады вулканов и Авачинскую бухту. Эта необъятная красота распирала мою душу. Я, вынув исписанный листок бумаги, предложил:

— А ну, зацените, что мне пригрезилось под утро в Начиках, — развернув лист, я начал читать:

— Спит ветер кудлатый за гривами гор,
Вулкан крутоскатый стоит, как шатер.
Притих, словно маясь думкой какой,
Пыхтит, отражаясь в пучине морской.

Скривились от скуки иль тяжести грёз
Все ветви-руки корявых берез.
Покрылись туманом в немой тишине,
Забылись в дурманном и сказочном сне.
Утёс средь залива покой сторожит,
Румянец Завины по небу бежит.

Виктор Солянов, хлопнув меня по плечу, похвалил:

— Колька, здорово! Это же вот оно — всё! — и обвёл рукою окрест.

Парни одобрительно закивали головами:

— Точняк.

— Хорошо сказано!

— Ну, ты даёшь, — и «дед» Савинский подошёл, пожав мне руку, одобрил:

— Складно склеивается, молоток!

Тут же вездесущий Солянов перевёл всё на шутку.

— Так он же начпрод у нас. Спиртик из «НЗ» ночами, поди, потягивал да неучтённым шоколадом загрызал. Вот у него и бродит в голове…

Конец пути

В городе Елизово секретарь Горкома комсомола объявил, что тут нам предстоит сделать вынужденный отдых на пять дней. Так как Обком комсомола решил нашу торжественную встречу совместить с днём откры-

тия областной Олимпиады зимних видов спорта. И нам пообещали, что досугом нашим займутся, скучно не будет. Нас поселили в городской гостинице. Вечером, когда мы вышли ознакомиться с городом Елизово и прошлись по главной улице Ленина. Тут выяснилось, что без лыж мы почти разучились ходить. Часть мышц на ногах просто не хотели работать, и мы часто при ходьбе запинались на ровном месте.

За дни пребывания в Елизово побывали на встречах с комсомольцами города в училищах, в школах и на военном крейсере «Камчатский комсомолец».

После одной из таких встреч, вернувшись в гостиницу, разговорились. Я обратился к Юрию:

— Что-то ты даже взмок, когда был на трибуне.

— Знаешь, если честно: не люблю я выступать. По мне лучше день в цеху отработать, — ответил он.

Тут вступил в разговор Виктор Тен, осунувшийся за время перехода:

— Долго нас здесь держат. По этим встречам, как того «слона по улицам»...

— Конечно, интересно же елизовцам посмотреть на слона, у которого ботинки больше собственного веса, — ввернул Солянов.

Дружный смех заглушил возражения Тена.

***

Долгожданным утром 8 февраля мы выбежали из Елизово. Нам предстояло прийти к началу лыжных соревнований на стадион у озера Култушного, что в центре города Петропавловска-Камчатского, а это бежать и идти почти 25 километров. Расстояние между городами мы «пролетели» быстро, а вот в Петропавловске, добираться пришлось по обочине трассы, по грязному почерневшему городскому снегу на тротуарах. Хорошо, что Камчатский (Питер) не Москва — тротуары вдоль дорог почти не чистили и мы хоть с трудом, но шкрябали лыжами по грязному жёсткому снегу.

Отдохнувшие в Елизово, мы бодрились, подстёгиваемые вниманием удивленных горожан. И, наконец-то, свернув с городской трассы, скатились на белый снег у озера и вбежали на стадион к назначенному времени.

Лыжня на озере была обставлена флажками, холсты плакатов «Старт» и «Финиш» колыхались под слабым ветерком.

И вот под вниманием зрителей и болельщиков выстроились в ряды около 150 спортсменов, готовых к открытию праздника спорта, организованного Обкомом и Горкомом комсомола.

Мы, слегка волнуясь, в полном походном снаряжении, пробежали круг почёта вокруг озера и подкатили к судейскому столу, тем самым завершив свой многодневный пробег и заодно открывая областные соревнования. В этой торжественной обстановке нам вручили грамоты Обкома комсомола, Спорткомитета области и Камчатского турклуба. Под аплодисменты собравшихся — мы отъехали, освободив места для старта.

Из газеты «Комсомольская правда»:

«В минувшую субботу, 8 февраля, спортсмены города Петропавловска, работники Обкома и Горкома тепло встретили участников лыжного перехода Усть-Камчатск — Петропавловск, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Долгим и трудным был путь замечательной восьмерки: Юрия Афанасьева, Николая Бушнева, Александра Волкова, Геннадия Веревкина, Владимира Губина, Виктора Савинскова, Виктора Солянова и Виктора Тена. Им приходилось по горам, лесам и тундрам преодолевать за день в среднем по 70—80 км, ночевать в снегу у костра

и с первыми глухарями встречать рассвет. Но что осталось на память… Почетные грамоты Обкома и Горкома комсомола, вымпелы и путевые дневники с массой впечатлений».

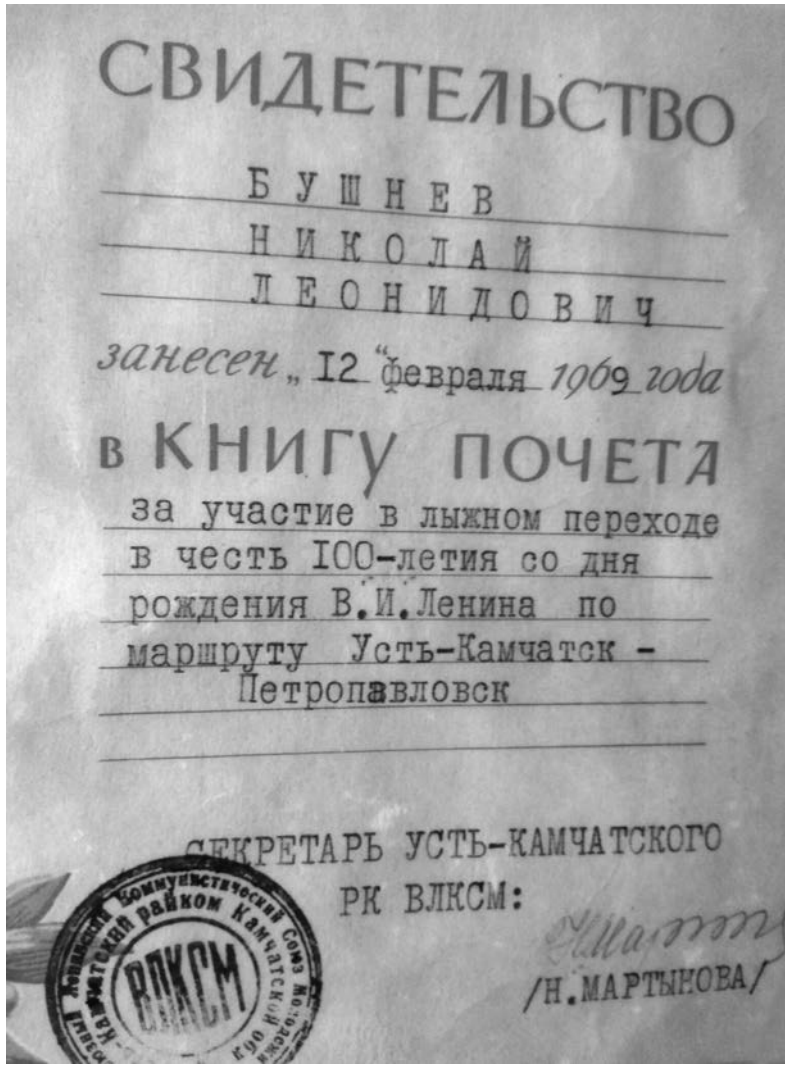
Думаю, что долго будет помниться мне этот вдохновлённый Комсомолом лыжный поход с морозами, с лютой пургой, а главное, с надёжными парнями, с которыми так легки и интересны показались мне эти трудные белые километры.

Да, как важно в жизни поставить цель, которая тебя зовёт и вдохновляет на преодоление трудностей.

Зима, Камчатка,
1969 год, Н.Б.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

БУШНЕВ
НИКОЛАЙ
ЛЕОНИДОВИЧ

занесен „ 12 “ февраля 1969 года

в КНИГУ ПОЧЕТА

за участие в лыжном переходе в честь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина по маршруту Усть-Камчатск - Петропавловск

СЕКРЕТАРЬ УСТЬ-КАМЧАТСКОГО РК ВЛКСМ:

/Н.МАРТЫНОВА/

3500 километров вспять лета

Мне удалось в составе бригады сплавщиков леса на плоту пройти по одной из величайших рек земного шара — Лене. Это был путь от таёжного поселка Витима до арктического порта Тикси. Преимущество путешествия, как члена рабочей бригады, налицо: тебе гарантирована ежедневная физическая нагрузка, желанная для активного туризма, и в тоже время снята всякая забота о транспорте в пути. А возможность посещать русскую баню, которую мы предусмотрительно построили на плоту — вершина желаний. После пихтовых да свежеберёзовых веничков — с пару да прямо в ручную стынь — бултых... Блаженство-о-о!

Романтика и страсть к познанию свела в одну бригаду нас из Ленинграда, Камчатки, Тикси, Москвы, Якурска и Витима.

Занимаясь историей Камчатки, нельзя не заинтересоваться путями проникновения на полуостров казаков-первопроходцев и крестьян-заселенцев, преобразовавших уклад жизни коренного населения северо-восточной окраины Росиии. Существенной частью этого пути являлась река Лена. А неминуемым перекрестком в истории освоения окраины нашего государства оказался Якутск. Мне давно мечталось пройти по столь романтизированной историей страны — могучей сибирской ре-

ке. Проследовать по пути первозаселенцев Камчатки, по пути исследователя устьевой части Лены — монаха Игнатия (в миру Ивана Козыревского), одного из первопроходцев Камчатки и открывателя Курил. Кстати, в 1720—1722 годах. Козыревский финансово и физически участвовал в постройке Покровского и Спасского монастырей в Якутске.

Желания понять истоки одержимости таких людей, их стремление стать полезным Отечеству, и лежало в основе моего влечения к берегам Лены.

Об этом казаке-монахе и его исследовании устья реки Лены ни в «Топонимике по Якутии» автора Багдарыына Сюлбе, ни в очерках по топонимике морей Лаптева и Восточно-Сибирского, сведенных в книгу «Морские имена Якутии» С.В Попова, я не нашёл упоминаний. Хотя сам факт исследования устья Лены Иваном Петровичем Козыревским достоин внимания и памяти.

***

Сразу же, в начале путешествия, меня поразил своеобразностью сибирский поселок Витим. Среди безмерной тайги раскинулся он по берегу крутого яра, спадающего к Лене. Все строения в нём выдержаны в сибирском стиле, отражающем широту русской души. Рубленные из толстых бревен дома, глухие высокие заборы с тесовыми воротами, украшенными резьбой по дереву, и ни одного дома с одинаковым узором на фронтонах крыш и ставнях окон. Посреди Набережной улицы возвышался двухэтажный из вековых сосен

особняк: бывшая «резиденция» купцов Громовых. Диву даешься резным кружевам украшений дома, добротности рубки его стен, своеобразием парадного входа в дом. Приятная на вид смесь стиля классицизма и русского зодчества.

Напротив усадьбы с другого берега Лены из-за сопок впадает в эту многоводную красавицу хмурый Витим, воспетый как «Угрюм река» в известном романе В. Шишкова.

Заключив договор на обслуживание и ремонт плота в пути его следования, мы начали свою трудовую деятельность под началом опытного бригадира-сплавщика Руденко Михаила Афанасьевича. Так сказать, совмещая полезное с приятным. Необходимо уточнить, что наш плот являлся экспериментальным, потому как превышал объемы обычно сплавляемых по Лене. При его ширине в 150 метров длина составляла почти полкилометра, а объем нашего транспортного средства достигал 20 тысяч кубометров древесины. Усиленная такелажная оснастка этого плота морской сплотки требовала постоянного досмотра такелажа и регулирования его в пути. Начало июня в Витиме — начало лета. Манящий запах черемух, сочная зелень, яркое солнце и жара. Работаем в одних плавках, готовя плот к отплытию. Строим на плоту жильё, кухню, баню.

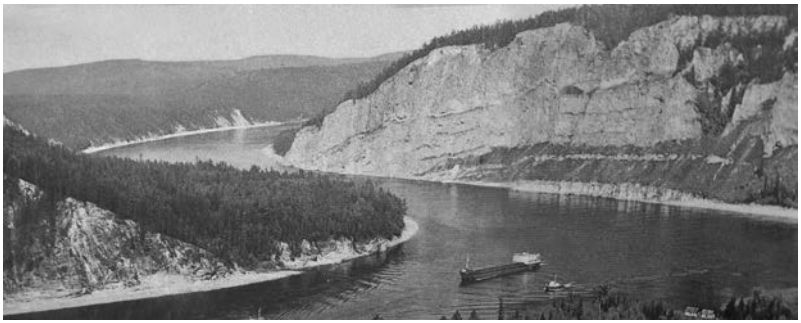
И вот 5 июня на буксирной тяге теплохода–буксировщика «Сахалин» плот послушно вышел от плотбища леспромхоза на фарватер реки Лены. С юга на север

протекает эта многоводная и самая длинная в Сибири река. Почти четыре с половиной тысячи километров тянется её путь от истока к Северному Ледовитому океану. Климат здесь суров: быстротечное знойное лето и затяжная зима с морозами, доходящими до 60 С. Не зря этот край снискал печальную известность — «тюрьмы без решёток». В прошлом это место ссылочных и опальных царедворцев, а позже декабристов-народников и революционеров.

В Советское время в этих местах были открыты и стали разрабатываться полезные ископаемые: золото, алмазы, олово, слюда, железная руда, уголь и даже камни-самоцветы, как чароит и другие. Где ранее петляли лишь звериные тропы, теперь появились посёлки, выросли города и крупные добывающие предприятия. Река Лена превратилась в основную артерию промышленности региона страны.

Река исстари — и удобный путь, и кормилица, и заступница человеку. Вот почему название рек обычно самые древние. О реке Лене от аманатов (заложников при взимании ясака-дани) племени Булишей стало известно ещё в 1621 году. А о том, что «Лена — река впала своим устьем в море» только в 1629. Название реки, как предполагает исследователь С. В. Попов, скорее всего произошло от измененного русскими (эвено-эвенкийского) «Елюене», что означает «Большая река».

Трудно отвести взор от красот ленских берегов. Каждый поворот реки — новые захватывающие виды.

В верховьях реки Лены

Стоит солнцу выглянуть из-за гор, и строгая река вдруг засветится извилистой лентой неба с той же синевой и облаками, а речные стражи, лобастые сопки, щетинятся хвойным лесом, будто впервые заглядывают в Лену. Пошёл счет дням, меняется ландшафт. Хмурые сопки иногда просветляются то крутыми осыпями камней, то желтыми песчаниками берега, поросшего сосняком. От солнца стволы сосен будто теплятся, а по низу в сосняках розовым огнём полыхает багульник, ветки которого облеплены нежным цветом. Не выдержали и на моторной лодке мы съехали с плота, нарвали охапку багульника и цветущей черемухи. После этого два дня в нашем жилье на плоту стоял пьянящий дурман весны.

Лена-трудяга разворачивалась во всю свою мощь. Мимо нас то и дело проходили караваны барж с грузами для шахт и рудников, находившихся почти в каждом

её притоке. Наверное, также целеустремленно, покачиваясь в такт взмахам вёсел, сплывали на карбасах на Лене отчаянные головушки, чтобы открыть, исследовать новые «землицы ради России». Иван Козыревский о цели своего похода в низовья Лены писал: «Чтобы ленским устьем выйти на Северное море…, где будто и в летнее время лёд от земли не относит и не тает, дабы подлинно оное осмотреть и уведомитца можно…, и ежели де от оного устья до того Восточного моря судами вытить будет возможно, то де будет великая польза».

***

Особенностью ленских селений является их привольность. По прибрежным угорам раскинулись рубленные дома с усадьбами, образуя хуторки, связанные меж собой паутиной дорог, сбегающих к речным причалам. По прибрежным лугам, окаймленным частоколом тайги, растекались стада коров. Среди гармонии красоты берегов, нет-нет, да и резанет сердце вид поселения, заброшенного среди вырубленных площадей тайги. А изъезженные тракторами деляны лесоповала смотрятся как болезненные лишаи на плохо «выбритых» сопках.

Сюда в тридцатые и сороковые годы двадцатого столетия на тихоходных баржах сплывали заселенцы этих мест, чтобы поднять индустрию страны. И подняли, и выстояли перед лихолетьем, но ослепленные своей всесильностью в порыве стремления к лучшему люди

не заметили: как проскочили грань соприкосновения добра и бездушия. Перестали замечать, что стали не рачительно осваивать, а губить основу жизни человека — природу, нанося вред ей, а значит, себе и будущему.

Даже в далёкие времена, когда природные богатства в пространной России, казалось, ещё были неисчерпаемы, Петр 1, узнав, что в «Московии» скудеют леса от вырубок предприимчивыми купцами, повелел весь лес перечесть «до каждого дерева» да под страхом смерти запретил «зарубать лес у рек, чтобы было откуда лесам вновь зарождаться». Прозорливость предков достойна уважения, а вспомнят ли о нас так же?

***

На третьи сутки река вынесла нас к Ленску. Этот молодой город Якутии — перегрузочный порт — ворота алмазного края. От Ленска на Север уходит дорога через тайгу и мари до города Мирный.

Ложку дёгтя в романтичный наш быт на плоту вносят комары. Пока работаем, подтягивая ослабшие обвязки пучков леса, ветерок спасает от гнуса, но в жилой постройке у нас от этих злыдней спасу нет. На нарах, над каждым спальным местом, пришлось устроить палаткообразные пологи из марли как спасение от кровопийц. Рядом с моим пологом такое же убежище такелажника Анатолия. Ему за пятьдесят. Он родом из-под Витима — заядлый говорун рассказчик. По его говору и обличию трудно понять какого он рода-племени. Как сам он утверждает: «Русский, но немножечко бурят, бе-

лорус и якут». Короче, чистый россиянин. В ком за века смешалось 100 кровей. Запомнился мне рассказ о его детстве:

— Мы жили от Лены вверх по Витиму, в посёлке Мама. Вообще наш край старателей да лесорубов. Я учился плохо. Отец-то недовольничал. Он и шумел на меня и спокойно корил: «Мне не пришлось грамоту одолеть: время было лишь бы выжить. А у тебя, дубина, возможность есть. Ты же не простак какой, знай это. Я, твой отец, от швартовщика до капитана буксира самоумом дошёл… А матка твоя ныне — лучший счетовод. Да и на свадьбе нашей помню: сам лоцман с лоцманихой да шхипер со шхиперихой были, а не одно простолюдье, как у других. А возьми дядьку твоего Антипа. Тот тож, не просто в артели обретался, а сам в первой паре на пристани был. Верзилист — чисто кряж. Помню, на спор он 300 килограммовый груз по сходням на баржу внёс. Бывало, день-два без дела ждёт, пока тяжеловесный груз на пристань подвезут — тогда его работа. Платили ему по особой цене! Но жаль — помер рано».

Но я так и недоучился. Рано курить начал и по киношкам да танцулькам шнырять. Наш участковый милиционер, полуякут, жил прямо в клубе за сценой. После кино зазовёт нас к себе, трубку закурит и манит пальцем: «Кто первый, подходи. На, курни во всю матушку». Первый курнёт полной грудью, глаза выпучит от махорки и замрёт — дух перехватило. Так и стоит рот открывши, а мильтон лишь: «Ха, молчи, босота! Ни гу-гу», —

и другого зовет. Так пропустит всех, а потом: «Ну чё, сопляки, сладко курить-то, однако. Ха-ха-ха. Я вам отобью курилку-то».

Мало-помалу хоть и несладко было, а всё же привык я к куреву. Школу-то рано бросил, а на работу в леспромхоз не взяли — малолетка. Так я на пристань наладился: по стопам дяди вздумал идти.

Отец сговорился, и взяли меня в артель подсоблять на малых грузах. Когда тяжелая ноша, я влезу на рубку баржи да для артели пою под гитару, пока они разгружают баржу. Когда барж нет, они меня то в сельпо за водкой пошлют, а то от скуки укажут: «Иди вон тому по соплям дай». Я бегу, затеваю драку, а тут уж молодые артельщики идут поразмяться в заступ.

Изливая душу, так и говорил неустанно Анатолий, пока не убаюкает нас своей историей.

***

Несколько дней пролетели в трудах. Дело плотогонов бесконечное и ответственное. Задача: не потерять ни кубометра леса. При движении плота постоянно ослабевают обвязки пучков леса, их крепёж к основному тросу — лежню. Вот и приходится постоянно, прыгая по пучкам леса, поправлять обвязки да подтягивать гайки сжимов. Весь световой день на солнце, на ветру, на комарах. Облегчает участь вечерняя баня с еловыми вениками да с холодной ленской купелью.

На более ровном месте приленья, раскинулся старинный город Олекминск. Здесь отбывали ссылку декаб-

ристы, а также революционер Урицкий и Александров (Ольминский). В музее города собраны уникальные документы о революционных событиях на Лене. Здесь, в окрестностях города, найдены большие запасы соли.

За Олёкминском к нашему плоту причалил теплоход с агитбригадой. На плот сгрузили музыкальные инструменты и сошли участники художественной самодеятельности. Расположившись на щитовых мостках у брустверa плота, они поздравили нашу бригаду с открытием навигации. Девушки в нарядных костюмах спели несколько песен. Также быстро они погрузились на свой катер и отплыли перехватывать другие плотобригады. Конечно же, разговор вёлся теперь только вокруг концерта и девчат, разбередивших наши загрубевшие сердца. Такелажник Анатолий очередной раз хмыкнул и заговорил:

— Неплохо, однако, «Якутлес» подсуетился с концертом. Девчат каких бойких, глазастых прислали, да и голосом хороши.

Наш бригадир Михаил Афанасьевич заметил:

— Ишь ты, туда же на девчат пялишься, песок уже сыпется, небось. Я-то знаю, как раньше ты кабеливал, аль не насытился?

И Толян завёлся:

— Брось ты. До женского полу я умеренный любитель. Вот по молодости дружок у меня был, тот ходок, что надо. Его так и прозывали «Макшан — чугунные яйца». Как-то умудрялся он ладить и с девками, и бабами

мужними. Таков проныр лукавый был. Помню, тогда к нам на Маму из Москвы тунеядок, девок да молодух разных прислали. Распределили их по лесным поселкам и приискам вокруг Мамы, и наступила тогда житуха нескучная. Дружку моему Митьке приглянулась одна из них. Нравится она, но не подпущает его до себя. Он и так и эдак. Прошло время. Вижу, он сам не свой ходит, и спрашиваю: «Ты чё, паря, втюрился?» «Пустое, заедает меня. Прознал я, что она со старателями крутит, а мне, знатному лесорубу, отворот даёт. Вчера опять меня отбрила: «Не покушайся на мою честь, знаю я вашего брата — дуболома. Задарма норовите, не выйдет». Вишь к чему клонит? — ответил он и добавил: — «Ну, погоди, девка».

Однажды Митька сплыл до Витима, раздобыл там пузатый медный самовар да и припер в общагу. Зачем, думаю, ему старье это? Едим-то мы в котлопункте. Да и в общаге в каждой комнате чайники есть. Спросил его. Он лишь отмахнулся от меня, завернул самовар в тряпицу и под свою кровать двинул.

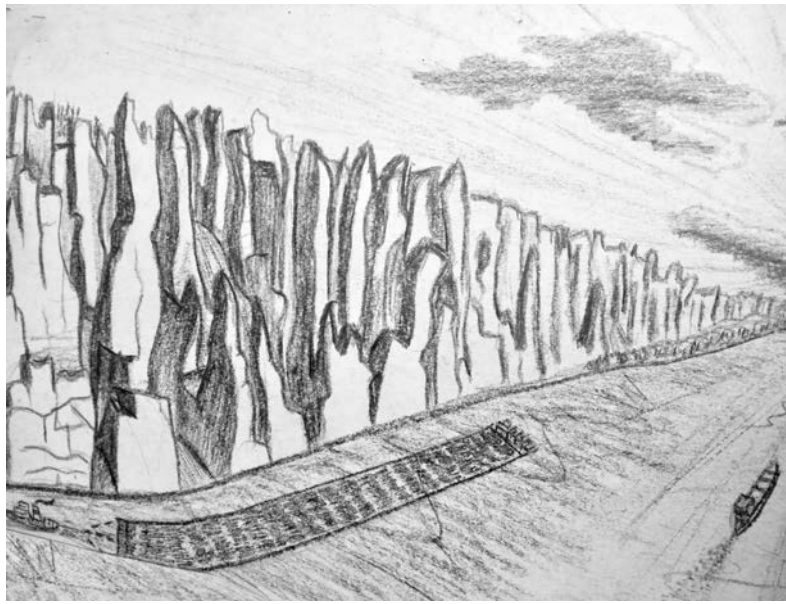
Прошло немного времени, и преобразился мой дружок, стал чаще на ночь уходить. А тут я пол протирал да зацепил ту тряпицу. Гля, а там уже половины самовара нет, а был-то целый. Пришел Митька, я к нему. Он рассмеялся: «Эх, голова, два уха, смекай». И достал из-под матраса напильник да говорит: «Пять минут — „золотого песка“ 10—15 граммов. Она теперь всех старателей отшила. Знать, больше меня никто не подносил. Ха-ха-ха.

Уже и надоела она мне. Если хошь, на напильник, скребани и дуй к ней — не отринет. Она всё меня пытает, на какой речушке я золотишко мою. Вот баба алчная».

Перестал он к ней ходить. С «золотом» своим быстро нашел другую. Когда уже самовар заканчивался, Митьку забрали с работы да в милицию, аж в Витим увезли. Через пару дней вернулся — хохочет. Зазнобу его тоже арестовали. Оказывается, это ее подружка заложила. Когда увидела у нее полбутылки из-под вина «золотого песка», завидки-то ее и взяли. А в Витиме быстро медь от золота отличили и Митьку из милиции выгнали — смеху то было.

Ленские сюрпризы

Чем дальше мы сплывали от юга, сопки становились каменистее с обрывами да с торчащими зубьями скал. Ленские столбы, так называется это место, где сплошная стена каменных изваяний тянется вдоль берега около 40-ка километров. Разнообразные скальные фигуры, подобия идолов, крепостей, замков, загадочных лабиринтов из колонн и пещер. Как ни бережешь цветную фотоплёнку на дальнейший путь, здесь, на столь потрясающих воображение картинах природы, сдержаться невозможно. Удивительные зрелища представляют эти живописно выветрившиеся известняковые скалы. Воистину, природа — великий скульптор.

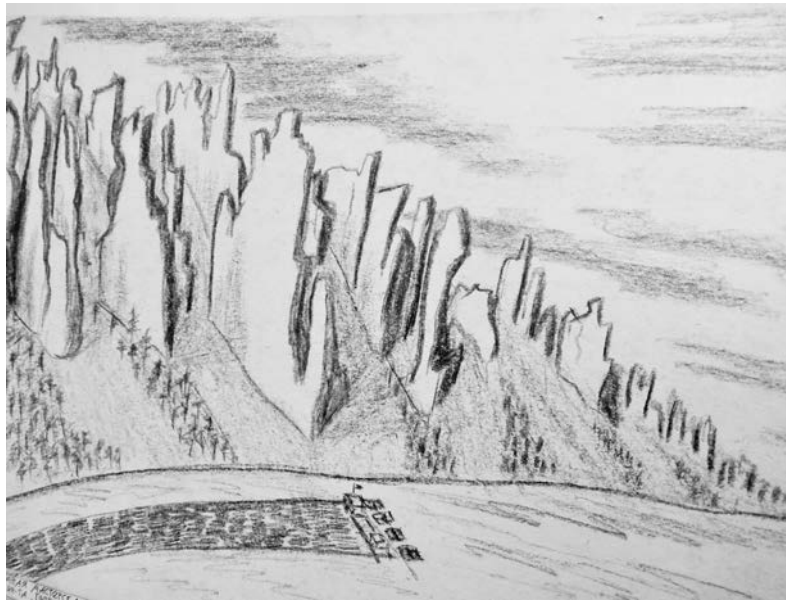

Вдоль «Ленских столбов», рисунок автора

А ниже, по течению Лены, на стенах некоторых утёсов попадаются наскальные рисунки древних людей. Первобытные художники несмываемой охрой изобразили сценки охоты на зверей, скачущих всадников и прочие сюжеты из быта.

Конечно же, мы на моторной лодке съехали с плота и тоже посетили это место, как некогда посетил здешние художества — «писаницы» — всемирно известный наш археолог, академик Окладников А. П.

Река Лена большими и малыми притоками всё набирала мощь. Заметнее становилось движение вспять лета.

Природа — великий скульптор, рисунок автора

Реже удавалось раздеться на плоту для загара. Холодный ветерок побеждал солнце. На подходе к Якутску показались строения Покровска — административного центра Якутии имени Серго Орджоникидзе. Здесь в 1916—1917 годах отбывал ссылку революционер-ленинец Серго Орджоникидзе. Неподалеку от Покровска стоит памятник предводителю партизанского движении Восточной Сибири, времен гражданской войны Н. А. Колондрашвили. Примечателен Покровск и тем, что тут выращен в советское время первый яблоневый сад, акклиматизированный к Якутии.

Вскоре показался и Якутск — самый исторический город Северо-Востока России. Якутский острог в «Земле Якульской» заложил казачий сотник Петр Иванович Беретов 25 сентября 1632 года.

Теперь Якутск — современный культурный город, несущий непомерный груз истории России. Вот как о нём отзывался Иван Александрович Гончаров, автор известных романов «Обломов» и «Обрыв». Он в 1852—1854 гг. совершал кругосветное путешествие на фрегате «Паллада» в качестве секретаря адмирала Путятина. В 1854 году из порта Аян сухопутным путём Гончаров возвращался в Петербург через Якутию. Его записи красочно говорят о тогдашнем Якутске и его населении:

«Якутск построен на огромной отмели, что видно по пространным пескам, кустам и озёрам, и теперь, во время разлива Лена, доходит до города и заливает отчасти окрестные поля...» Он пишет, что в Якутске нет гостиницы, а имеется лишь один каменный дом. Что есть продажа вина и господа все хорошие, а купечество знатное. Что зимой живут все в городе, а летом на заимках, а вот приезжих здесь бывает мало-мало». О жителях Гончаров пишет так: «Городские якуты одеты понаряднее. У мужчин голубого сукна кафтаны, у женщин тоже, но у последних полы и подол обшитый широкой красной тесьмой. На голове у тех и других высокие меховые шапки, несмотря на жаркую погоду летом. Якуты стригутся, как мы, но оставляя сзади за ушами две тонкие пряди длинных волос, вероятно последний отдалённый намек на свои родственные связи с той тесной толпой народа, которая из Средней Азии разбрелась до берегов Восточного океана. Я в этих прядях видел сокращение китайской косы, которую китайцам навязали манжуры. А, может быть, якуты опускают сзади волосы подлиннее просто затем, чтобы защищать уши и затылок от жестокой зимней стужи. Якутского племени и вообще всех говорящих якутским языком считается до 200 тыс. обоего пола. Ещё я видел больницу, острог, казенные хлебные магазины. Потом я проехал мимо базара с пестрой толпой якутов и якуток. Якуты здесь все кучера, слуги и ремесленники. Они хорошие скорняки, кузнецы, но особенно способны к плотнической

и столярной работе… знаете, что мне обещал принести на днях якут? Бюст Рашели из мамонтовой кости или моржового зуба. Сюда прислали бюстик из гипса, и якут по нему режет из кости. Якут и Рашель — каково сближение, каков талант! Сколько холодна и сурова природа, столько же добры и мягки тут люди. Меня охватили ласка, радушие, желание каждого жителя быть чем-нибудь приятным, любезным… в самом деле сибирские природные жители добрые люди. Сперанский будто бы говаривал, что на Северо-Востоке даже медведи добрее зауральских и европейских. Не знаю, как медведи, а люди на самом деле добрые. Я убедился, что жизнь их не неподвижная, не сонная и что она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь, потому как в сумме здешней деятельности их таится масса подвигов, о которых громко кричали бы и печатали в других местах…»

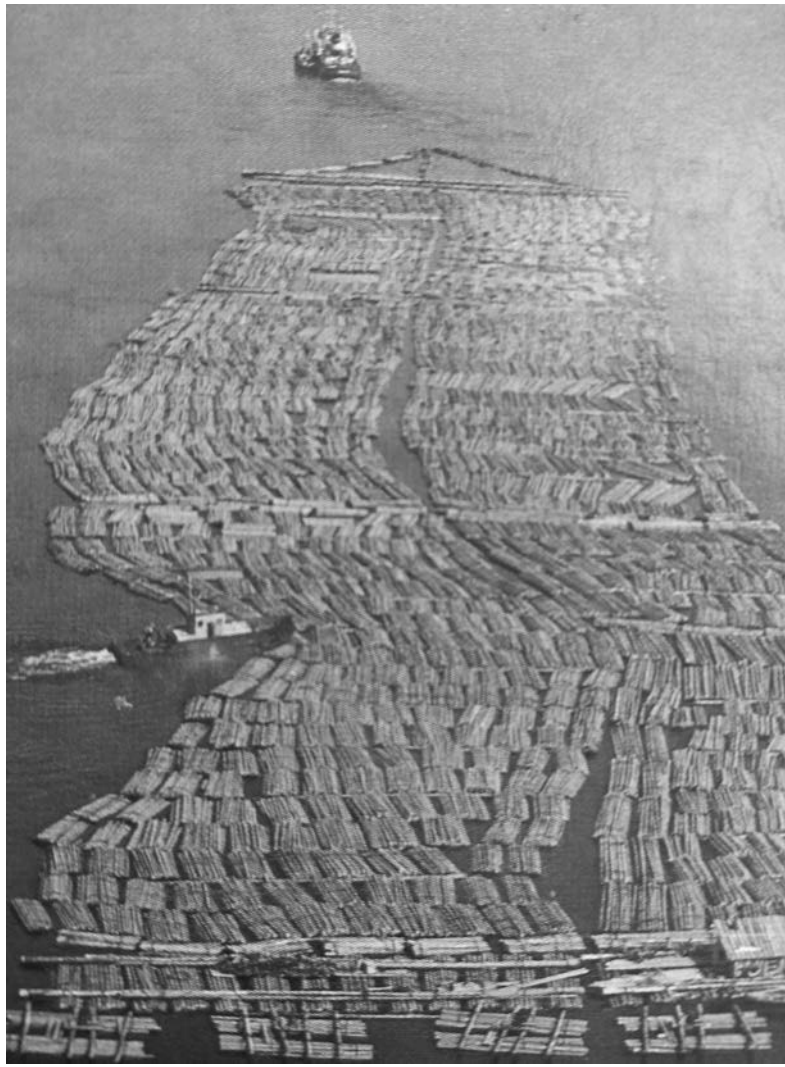
Кого только ни повидал Якутск. После каждого переворота в Петербурге сюда потоком шли обозы с опальными царедворцами и ссыльными разных мастей, и это начиная с петровских времен до наших. Можно смело утверждать, что Якутск обратная сторона медали Петербурга до Советской России.

В двухстах километрах от Якутска на восток есть поселение Амга. Там с 1881 года отбывал ссылку русский писатель В. Г. Короленко за демонстративный отказ принять присягу на верность новому царю Александру III. Тогда Амга была небольшая ямская слободка

со сплошь неграмотным населением из якутов и русских крестьян — переселенцев. Амга была не так глуха, потому что стояла на ямском тракте Якутск-Охотск, самой оживленной дороге того времени. По этому тракту еще с начала 18 века шло заселение Охотко-Камчатского края казаками, беглыми крестьянами и переселенцами, да опальными людьми. По ней тащились обозы с грузами Восточных экспедиции под началом Витуса Беринга, а также экспедиций Афанасия Шестакова, Ивана Евреинова, Фёдора Лужина да и других, а навстречу им по этому пути стекались к Якутску караваны с ясаком — данью с приморских и камчатских инородцев.

***

Алдан — мощная река. Своим напором, впадая в Лену, она образует сильное свальное течение, которым наш плот начало быстрее сносить на близлежащий остров. Сопровождающий нас трехсотсильный буксирчик зашвартовался за задний бруствер плота и пытался отжимать плот от острова. Мы ручными лебёдками спешно стравливали с плота тормозные полтонные лоты, чтобы притормозить его снос. Буксир-тягач и наш буксирчик работали на полных оборотах двигателя так, что из труб вылетало пламя. Казалось, остров всё быстрее и быстрее надвигался на нас. Наше беспокойство стало переходить в страх, что плот обоймёт остров. Тогда никакая сила не стащит его и надо будет полностью переформировывать плот, а значит, и больших потерь леса не избежать. С приближением берега острова наше

волнение всё нарастало. Вот уже головка плота, потом его середина миновали отмели у острова, ещё… ещё и — страшное! Сотни тонн древесины хвостовой части плота сходу навалились на остров. Своей массой плот выдавил на сушу и пришвартованный к нему вспомогательный буксир, который, завалившись на бок, волочился по берегу острова и на полных оборотах гребным винтом рубил кустарники и чахлые деревца зарослей. Из-за мощного торможения островом вся махина огромного плота распрямилась, вытянулась, пытаясь своей массой стянуть хвост плота с мелководья. От такого напряжения и вытяжки троса бортовые лежни заслезились смазкой, и засвистели над нами сорванные с такелажных сжимов гайки. Масса плота ползла по суше, а катерок на привязи так и тащился за ним, оставляя за собой узкую просеку в зарослях кустарников. Мы понимали, какой кавардак сейчас творится внутри наклонённого катера и почему не могут там заглушить его двигатель. Понимали, что, если оборвётся чалка, катер останется в кустах на суше острова. Кто и когда вызволит его из этой ситуации! Опасаясь стреляющих гаек и переживая, мы из-за брёвен брустверa наблюдали за происходящим, пока масса плота взяла своё, и угол плота сдёрнулся с острова. Следом за ним, как поплавок на воде, катер принял нормальное положение, но всё ещё на полном газу продолжал отталкивать плот от берега, пока пришедшая в себя его команда не заглушила двигатель. На наше счастье, основные троса

бортовых лежней плота выдержали, и сам плот не разорвало, а распущенные пучки леса мы на ходу потом сформируем, утянем. Главное, избежали аварии и крупных потерь леса.

Название реки Алдан произошло от тюркского слова «Алтан» — золото. Оказалось, что так назвали не зря. Ведь ныне, в верховьях этой реки хорошо развита добыча этого драгметалла.

После впадения Алдана река Лена сразу заметно укрупнилась. С этих мест всё заметнее стал удлиняться световой день. При ширине Лены уже в шесть километров даже ветер не доносил с берега ни терпкого настоя багульников, ни смолянистого запаха сосняков, ни аромата цветущей черёмухи. Резче стал чувствоваться уход от юга, и всё реже удавалось нам, работая на плоту, принимать загар. Ниже Алдана потянулись малопривлекательные отвесные берега, где наслоения предыдущих эпох чередовались с пластами залежей бурого угля, которые выходят тут кое-где на поверхность. Вскоре на крутом берегу Лены зачернели горы этого угля, добытого открытым способом в Сангарском каменноугольном разрезе. Промышленный городок Сангар както не показался. Черный пирс с баржами-углевозами, торчащие с крутого берега трубы, клокочущие сточными водами, стекающими в реку. Бульдозер, выгребающий отходы лесопилки тоже в Лену. Сам городок казался грязным и неустроенным. Приходилось лишь удивляться откровенным действиям по загрязнению реки.

Мне сразу же припомнился уютный и чистый поселок Витим, где, к сожалению, тоже все отходы лесопиления, грязь и мусор с территории местного леспромхоза бульдозером выгребались на берег реки. А там гора этой свалки незаметно поедалась течением Лены. Почему-то в наше время в стране мало кто и знал значение редко употребляемого слова «экология». Особенно в промышленности Сибири и Северо-Востока, где просторы немеренны, а богатства на суше и в воде — неисчерпаемы.

***

Второй крупный приток Лены, Вилюй, добавил и без того мощной реке энергии, и она стремительно понесла нас на Север. Чаще стала кудлатиться низкая облачность, цепляясь за поросшие лесом макушки сопок. Нежная зелень в распадках и на луговинах сменялась на грязно-жёлтую прошлогоднюю траву.

Вилюйский край тоже значимое для истории место. Выше по течению Вилюя находится селение Вилюйск. В 70-е годы 19 века это был самый глухой уголок России. Более 700 вёрст от Якутска шла дорога по глухой тайге. Мимо топких болот и множества речушек. В те времена посёлок был примечателен тем, что в 1866 году там построили острог (тюрьму) для предводителей польского восстания (каракозовцев). Нити руководства повстанцами сходились в департамент российского министра финансов, к её директору Огрызко, который вместе с другими зачинщиками бунта был сослан сюда, в глухой угол страны.

А 1871 году в тот же острог был сослан и Н. Г, Чернышевский — революционер-демократ, который пробыл там 12 лет. В его письмах содержится много ценных сведений о жизни народов Якутии той поры.

Население Вилюйска тогда не превышало 500 человек. В селении были около сорока построек: юрты якутского типа, церковь, казарма и сама тюрьма. Чернышевкий писал об этом так: «...Это очень маленький город, в нём нет ни одной лавки. Товары, какие нужны, продаются торговцами в их собственных квартирах. Между Якутском и Вилюйском нет русского населения, живут только якуты. Те семьи, которые содержат почтовую гоньбу. Меж станциями большей частью по 40 и даже 50 верст. Станции — якутские юрты. Из низ 2—3 не очень опрятные, другие плохи относительно чистоты воздуха. Там вместе с хозяевами помещается и скот: коровы, телята. Путь сюда далёк и очень труден. От половины апреля и до конца года переезд от Якутска до Иркутска тяжелое и рискованное мероприятие... труднее чем какое-нибудь путешествие по внутренней Африке. Холодная пустыня. Пищи не найдёшь. Никакой помощи в случае дорожного приключения. Громадные расстояния меж станциями. Лошади по недостатку кормов слабы, дики, пугливы... Жизнь здесь стоит очень дорого. Всё привозится из страшной дали: за двести-четыреста вёрст с низовий Лены. Природа так скудна, что сама Лена со своими притоками не имеет количества рыбы достаточного

для ничтожного числа людей, населяющих эту область. На золотых приисках Ленской системы работает меньше 10 тыс. человек, мяса для них получается большей частью с юга, пригоняют скот даже с китайской границы...

Многие русские имеют крепкое здоровье. О якутах этого сказать нельзя. Это народ зачастую хилый болезненный, потому что пища очень плохая. До сих пор они не бросили есть свою, так называемую, сосновую кору. Это верхний молодой пласт древесины, лежащий прямо под корою, подобный липовому лыку. Его и сдирают с дерева в виде лыка, сушат, режут, и выходит липовая лапша. Дже толкут и едят это снадобье и хвалят... А, вообще люди здесь добры: почти все честны, некоторые при своей тёмной дикости, положительно благородные люди. Но видеть, как они живут, бедняжки, видеть их нищую даже при деньгах жизнь — это мучить душу».

Много можно узнать из писем этого Вилюйского узника Чернышевского, а также из работ других исследователей, чтобы понять и оценить разницу жизни якутского народа того времени и нынешнего.

За Полярным кругом

Через несколько дней сплава мы вошли в низовье Лены. День, бесцеремонно урезая ночь, довёл её до нескольких минут бледных сумерек. Вскоре солнце

стало лишь прикасаться к горизонту и вновь выкатываться в небесную синь. Начинался полярный день. Оказывается, что не все птицы молчат в ясносолнечную ночь. Когда плот по фарватеру реки проходил вблизи берега, оттуда доносилось разноголосье зуйков, куликов, кукушек и даже сов. Видимо, тоже сбившихся с режима, как и мы. Начало низовья Лены раньше якуты называли «Эджи Гээн». В 1632 году казаки-поселенцы с атаманом Иваном Ребровым основали Жиганский острог. Ребров два года здесь на Лене и ее притоках собирал ясак с местных жителей. Летом же 1633 года Ребров с отрядом Енисейского пятидесятника Ильи Перфирьева по Лене вышли к Северному Ледовитому океану. От устья Лены Ребров с частью отряда ушел на запад и открыл устье реки Оленек, а Перфирьев — на восток и открыл устье реки Яны. Позже в 18 веке, после смерти Петра I, Александр Меньшиков сослал в Жиганский острог царедворца, Обер-прокурора Сената, писателя и учёного того времени Скорнякова-Писарева Григория Григорьевича. Но после очередного переворота в Петербурге, когда новая императрица Анна Иоановна отправила в ссылку самого Меньшикова, она своим указом назначила Скорнякова Григория командиром Охотско-Камчатского края для упорядочения сбора ясака, идущего с окраин России через Якутск. Только через 10 лет Скорняков, сподвижник Петра 1, вернулся в столицу уже к новой императрице Елизавете, дочери Петра 1, и служил у неё в должно-

сти Тайного советника по делам Северо-Восточных окраин империи.

В Жиганске мы пересекли Полярный круг. Тут совсем другой ландшафт, чем в верховьях Лены: низкие плоские сопки, чахлые ёлки, по берегам нагромождение льдин от недавнего ледохода. Обгоняя нас, белыми лебедями прошли вниз на Север огромные танкера с топливом для дизельных электростанций. Представляю, как долгожданны они в поселках, для которых Лена — единственная дорога, связывающая столь отдаленный край со страной. В овражках, поросших ерником, труднопролазными зарослями полярной березы, ещё лежит посеревший летний снег. Если раньше речная вода несла лишь комья пены да мусор, то здесь нет-нет, да и промелькнёт на воде обмылок льдины. Неуёмно дует пронизывающий ветер, создавая волну. Пучки леса в плоту ходят ходуном. От качки поскрипывают углы нашего жилища и бани. К концу дня, хотя тут время без часов определить трудно, мы, напарившись в баньке, всё же решились прыгнуть в холод реки, исполняя ритуал «купели» при пересечении Полярного круга.

Как известно, путешественники — народ предусмотрительный, поэтому у нас на плоту оказалось несколько удочек, спиннингов, разного рода наживок и приманок для рыбы и, естественно, сети, которые, к моему удивлению, в приленских поселках продаются в магазинах. На Камчатке, например, такого нет в связи с запретом любительского лова рыбы сетями. Всё свободное время

члены бригады изощрялись в рыбной ловле, но тщетно. И хотя по мере посещения поселковых магазинов наша промысловая вооруженность все возрастала, но желанная уха оставалась, как и прежде, лишь в мечтах да в песне сплавщиков — явно оптимистов:

...Перекат шумит, вода хлюпает,
На плоту не гаснет костёр.
Лена-матушка нас баюкает,
В ведре варится осетёр.

***

В посёлке Жиганск нам съехать с плота не пришлось. Мы проходили его в ночное солнечное время. С ведущего буксира нам передали радиограмму, сообщая, что впереди, неподалёку от селения, у острова Себега стоит аварийный плот, который вышел из Витима первым. Капитан буксира был Герой Социалистического Труда, депутат. Он должен был открыть сезон навигации по Лене первым.

Нам предложили помочь им такелажем, так как на плоту у них уже работала аварийная бригада.

— Вот так-то! Значит, первые придём теперь мы?! — обрадовался Сергей Топорков.

— Я уже вижу, как нам корячится премия, — запрыгал от радости Вася Береснев.

— Погодь ещё. Впереди в низовьях и волна круче, и ветра жестче. И ширина Лены там 15—20 километров

и островов впереди еще в достатке. Так что, если в непогоду попадём, и растрепать плот, и набросить на остров тоже может. Как угадаем — рано радоваться, — остепенил его бригадир и добавил. — Посему такелаж резервный я им весь не отдам! — заключил он.

В один из безветренных дней наш плот проходил неподалеку от берега, и мы увидели озеро с проточкой из него. Бригадир, шевельнув «чапаевскими» усами, заметил:

— Тама-то должна быть рыбка. Видишь: проточка озеро с Леной соединяет, надо туда парочку сетёнок бросить.

Спустили быстро моторную лодку, бросили в неё сетки и резиновую двухместную лодчонку. Сергей, я и бригадир отправились рыбачить. В проточку входить не стали, а причалились к подтопленному нагоном воды пойменному лесочку. Взяв сетки и лодчонку, мы побрели по воде к возвышенному берегу озера. Кое-где, у деревьев, на островках суши, и на кучках плавника, набитого водою меж кустов, теснились коричневоспинные медлительные грызуны-лемминги. Вода отрезала им путь на сухой берег.

— Ты глянь, сколько еды для песцов, — заметил бригадир.

Половина озера была ещё со льдом, а на чистой глади воды сидела стайка тундровых гусей — казарок. Плавая, они постоянно кивали чёрными шляпками голов, будто соглашаясь друг с другом.

Лемминг

Когда поставили одну сетку в озеро, неугомонный «бугор» предложил:

— Давайте и в Лене у входа в проточку ещё одну приткнём.

От озера мы вышли к реке, и он, показывая на выступ берега, распорядился:

— Вон, у того опупочка надо ставить.

Казарка

— Против такого течения на этой резинке не выгребу, — усомнился я.

— Ничего, музоль-музоль руки. «Без труда, не вынешь рыбку из пруда», — ухмыльнулся усач.

Часа через три, когда мы сняли сетки и опять ни с чем, на моторке стали догонять плот. Я подначил бригадира выдержкой из туристического буклета по Якутии: «...Река Лена изобилует редкими деликатесными породами рыб...». Афанасьевич сокрушенно сплюнул:

— Тьфу, куда ж что делось. Хотя у нас в верховьях реки рыба-то водится. Да я знаю, что и в низовьях Ле-

ны, правда, проходная рыба, но есть. Хотя сам посуди: откуда тут достаток в рыбе будет. Видишь: июль подходит, а пол-озера ещё подо льдом. Считай, девять месяцев лёд стоит. Рыба-то задыхается. Какая дура сюда нереститься пойдёт, — рассудил бригадир.

«А, может, он и прав», — согласился я и под гул моторной лодки задумался:

— По-моему, везде одна беда. Ведь на глазах одного поколения заметно нарушился экологический баланс в природе. Вот на Камчатке. Основная река полуострова за 50 лет в несколько раз сократила мощность воспроизводства рыбы лососевых пород. Кто говорит, из-за загрязнения её русла лесосплавом, кто уверяет, что вырубка лесов нарушила водный баланс реки. А может и то, и другое? Да я и сам вижу, что еще 10 лет назад лес у рек не рубили — запрет в водоохранной зоне был. А сейчас, чтобы гнать больше леса на экспорт, эти «лесоохранки» сократили до минимума. А когда планы заготовок леса находились под угрозой, то разрешали брать лес и у реки. Мне Серега из «Якутлеса» говорил, что в этом году Витимскому леспромхозу они разрешили брать лес в водооохранке. Может, как раз эти бревна в нашем плоту. В Тикси его отгрузят на экспорт в Англию, а мы на Камчатке гоним лес в Японию. Видимо, без валюты страна задыхается, знать, не все гладко «в Датском королевстве». Вот тебе и... «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек». Хотя во многом наше общество сделала заметные шаги впе-

Остатки ледохода, Николай Бушнев на льдине

ред, но в вопросах природопользования и отношения к природным богатствам получается явное движение вспять».

***

Пожалуй, наиболее широкое русло Лены — в районе селения Сиктях. Трудно представить себе, какой силы и мощи достигает тут ледоход. Особенно за время заторов. Высоко по речным берегам, несмотря на конец июня, здесь еще лежат глыбы льда от ледохода. Причудливо обтаянные, они, будто стадо диковинных белых зверей, выброшенных на сушу, истекают слезами. Вот в этом месте и раздавило судно монаха

Ивана Козыревского, бывшего казака-первопроходца. Это судёнышко, которое он за свои средства построил в Усть-Куте, чтобы принять участие в «Государевой» экспедиции по обследованию Северо-Восточных землиц в 1728 году. Тогда он, по заданию начальника экспедиции Афанасия Шестакова, на этом судне типа «эверс» с командой казаков направился на проведывание и описание места выхода реки Лены в «Льдистое море»... Осенью того же года он оставил в Сиктяхе своё судно на ремонт, а экспедицию продолжил на двух карбасах, купленных тут же у местного владельца Нила Юрганова. За зиму эверс отремонтировали, а весной 1929 года мощный ледоход Лены раздавил его.

В зоне вечной мерзлоты

По мере продвижения на север от Сиктяха, тянущиеся, скучные, безлесые сопки вдоль реки постепенно сменялись низким тундровым берегом Лены с обнажениями мутного льда, прикрытого сверху слоями торфяников. Начиналась зона вечной мерзлоты. Из-за чистоты здешнего воздуха удивительно далёко виден горизонт. Бездонный купол неба над тундрами меж сопок и редкие облачка, уходящие до горизонта.

Долго мы сплывали по этому необъятному простору до следующего поселения Кюсюр.

На подходе к поселению, к нашему буксиру пришвартовался небольшой танкер и дозаправил его топливом.

После Кюсюра горы кряжа Чекановского с одной стороны и Хараулахского хребта с другой, постепенно сужая тундру, вплотную прижались к берегам Лены. В полдень нас нагнал уже большой буксир «Якутлеса» и пришвартовался к нашему. Вскоре мы получили команду готовиться к постановке плота на отстой. «Как, в каком месте, зачем?!» — недоумевая, мы подготавливали швартовые тросы. Плот стал сходить с фарватера реки к берегу. Мощное течение потащило огромную массу древесины плота, и казалось, ничто не способно будет удержать его. Когда плот развернулся, и буксиры стали прижимать его к скалистому берегу, послышался треск ломающихся брёвен в пучках, выстрелы от разрывов стропкомплектных обвязок пучков леса. Дым и искры от трения сжимов, сползающих по лежневым тросам, и вновь пугающий посвист гаек, сорванных с резьбы. Бригадир Михаил Афанасьевич, опасаясь свистящих гаек, пригнулся за высокий бруствер плота и крикнул:

— Парни, уходите с того борта от лежня, — и, перекрестившись, добавил, — Господи! Спаси и сохрани…

Я, находясь неподалёку от него, заметил:

— Афанасьевич, ты же коммунист.

Тот, недовольно зыркнув, ответил:

— Все под Богом ходим. Погоди, придет время — и до тебя дойдёт.

Чудом выдержав бешеные нагрузки, бортовые лежни плота не порвались. Плот, обняв береговые скалы, частью выдавился на них и остановился. А порвись лежни, лес бы расплылся по низовью реки. Попробуй собери всё. Пока буксиры держали медленно сползающий по течению плот, мы спешно перебрались на берег лысой береговой сопки и тщетно пытались в промёрзшем и скалистом грунте отыскать место для закрепления «мертвяка» — опоры, чтобы закрепить тросовый вынос от плота. Хорошо, что всё же нашли расщелину меж береговых скал, где и устроили «мертвяк» для швартовки плота.

Тут взорвался бригадир:

— Я же говорил: нельзя трогать резерв такелажа! Так нет, радиограммой приказали. Хорошо, что не весь отдали, — и обратился к технологу из «Якутлеса» Сергею. — Иди на буксир, составляй радиограмму в свой «Якутлес». Они приказали — теперь пусть помогают. Да узнай у кэпа, почему остановили плот. Что ледоход ещё в низовьях? — и, махнув рукой, расстроенный Афанасьевич устало побрёл в бытовку. Насупившись, Сергей пошел к буксирам, стоящим у плота, бурча:

— Как ни отдашь? Прикажут — не спросят.

Рации на катерах оказались слабы для переговоров с Якутском. Но тут поблизости, за соседними сопками у селения Чакуровка, находилась полярная метеостан-

ция, и надо идти туда, чтобы связаться с объединением «Якутлес». Гнать на моторной лодке по накатам волн реки к селению рискованно, и решили идти пеше. Вызвались двое. Мы долго смотрели вслед Сергею Топоркову и Василию Бересневу, которые понесли на полярную станцию текст составленной радиограммы. После разочарования разъяренный бригадир все же пошел на головной буксир разбираться по незапланированному отстою плота, приведшему к потерям части леса и первенства по доставке плота в Тикси. То есть наших премиальных, на которые стали рассчитывать. Ведь мы обогнали тот первый плот и удачно шли без потерь леса… Вернулся бригадир ещё злее прежнего. На наши ожидающие взгляды он лишь сплюнул и с обидой выкрикнул:

— Негодяи! Очковтиратели!

Оказалось, что нам приказали из объединения пропустить вперед тот, аварийный плот, который тянул

буксир Героя Социалистического труда. Так что зря мы раскатывали губы на премию за первенство. Мы, естественно, были возмущены и обижены нечестностью

руководства «Якутлеса». «А как же Социалистическое соревнование? За последние годы что-то часто стали появляться свидетельства о подлогах, искажении отчётности, показухах… И вот всё это коснулось и нас — неприкрытое очковтирательство. Похоже, в стране это становилось нормой. И куда это приведет?», — зависли вопросы в моих нерадужных размышлениях.

Воспользовавшись вынужденным простоем, мы с Виктором Зайцевым, начинающим поэтом из Тикси, сошли прогуляться на берег, и, пройдя по скалистому берегу, зашли в ложбину меж сопок. Тут было затишье от холодного сырого ветра, дующего с Лены. Здесь её ширина, как уверял Виктор, уже не менее 10 километров. Как бы ни был суров этот край, а проблески июльской весны налицо. В узком распадке меж гор у ручья, бегущего по разноцветию галичника, рядом с полуразвалившимся одиноким жильём-хотоном кустился низкорослый ивняк с ярко-жёлтыми от пыльцы почками. Верба только зацвела. Стайка алобровых куропачей с тёмной рябью по рыжим головкам покачивалась на ветках ив, демонстрируя свой весенний наряд.

Немного постояв, наслаждаясь относительной теплотой, мы взялись за фотоаппараты. Делая очередное фото распустившихся почек ивы, в народе их называют «гусятки», Виктор заметил:

— Только тут, у нас на Севере, чётко видно, как растения да и всякая живность проявляют необыкновен-

ную цепкость к жизни. Смотри: ива уцепилась за землю в закутке от холодных ветров и спешит жить. Поскольку у нее всего два-три месяца пригодных к вегетации. Не девять-десять, как на югах. Да и солнышко она видит лишь полгода.

Мы взошли на сопку и, налюбовавшись окрестностью и панорамами Приленья, вернулись на плот.

Когда от метеостанции возвратились «наши гонцы» за помощью, мы заметно взбодрились. Их поход оказался вовсе не пустой затеей. Через день, когда облачность исчезла, а яркое полярное солнце преобразило окрестность, из-за лысой горы вынырнул вертолёт. Сделав два круга над плотом, он приземлился на вершине «лыски» и выгрузил для нас необходимый такелаж, хлеб, соль — словом, всё, что мы заказывали. Солнечная погода, прилёт вертолёта победили нашу хандру. А через двое суток отчаянного труда, когда мы заканчивали ремонт, вдали мимо нас прошёл плот нашего «передовика». Капитан их буксира длинным тройным гудком поприветствовал нас, думаем, благодарил за такелаж.

— Во-о-он, поплыла наша премия, — заметил бригадир и сплюнул.

Вскоре опять подошли большие буксиры и помогли стащить со скального берега наш отремонтированный плот, и мы вышли на фарватер реки.

Поздняя вешняя вода с силой напирала, отчего тут, в низовьях, Лена стремительно неслась к морю. Бли-

зость Ледовитого океана стала заметней. Сырой, холодный ветер вдруг понёс колющий дождь со снегом, угнетая наше настроение. По северным склонам гор ещё кое-где лежит прошлогодний снег, из которого выпирают к небу скалистые гряды, пятнистые от лишайников. Шкурой нечесаного медведя на солнечных склонах буреют обширные проталины. Порывы дождя и снега внезапно враз прекратились, как и начинались. Ярко засветило низкое солнце, которое ослепляло не согревая, так как мы постоянно охлаждались ветром. Берег реки, неподалёку от которого шел плот, был сплошь завален нагромождениями толстых глыб льда от ледохода.

Глядя на эти картины заполярья, у меня невольно родилась рифмовка:

Простор ветрам холодным!
Растений жалок вид.
Даже песец голодный,
Взъерошив шерсть, дрожит.

Физическое перенапряжение при постановке и ремонте плота. Как-то выбило меня из колеи. Я, несмотря на усталость, не мог уснуть в ясносолнечные ночи. Ни под одеялом, ни с замотанными глазами. Покручусь, покручусь на нарах в бытовке, встаю и иду крутить гайки на плоту. Волна тут большая, и надо чаще протягивать гайки сжимов на боковых пучках леса. И вот опять парни спят, а я снова уже третью ночь попытался уснуть.

Николай Бушнев и бригадир подтягивают жимы

Меня стали преследовать галлюцинации. Закрою глаза: явно вспыхивает в сознании странное косматое лицо. Потом оно стало появляться то на стене бытовки, то на лавке. Я вышел на плот, хотел взять гаечный ключ, но на доске трапа опять появилась эта морда. Тут меня осенило: я ведь в эту неделю с большим наслаждением прочёл книгу Вячеслава Шишкова «Угрюм река». «Уж ни Синильга ли преследует меня?», подумал я, и почему-то мне так захотелось нарисовать её. Я зашёл в бытовку, где храпели парни, взял бумагу и карандаш. Нарисовал быстро. Так как она всё время мерещилась мне, куда бы

Синильга, рисунок автора

я ни направлял свой взор.

Сразу по телу пошла слабость, вялость, и я полез на своё спальное место. Почти через сутки, уже на подходе к поселению Тит-Ары, я проснулся. Чувствуя голод, зашел на кухню, где суетился повар Александр.

— Ну ты, камчадал, даёшь. Тебя вчера днём пытались будить, да Бугор отогнал нас, говорит:

— Пусть отоспится, он за трое суток всю свою норму работ выполнил.

Подкрепившись, я подошёл к головке плота, где парни протягивали сжимы на лежнях. Увидя меня, стали посмеиваться.

— О… воскрес! — поднял голову Береснев. Тут же встрял Серёжа Топорков:

— Что ты нас пугаешь?! Сначала думали ты с ума спятил, или в кому впал. А может ты у бригадира из резерва водочки хотел выманить да придурялся? — ухмыльнулся он.

Тут подошёл Афанасьевич.

— Николай, всё в норме?

— Хорошо отоспался и бодряк! — ответил я.

— Тогда всё, за дело. Надо весь плот протянуть до входа в Ленскую губу.

***

Тит-Ары — это название поселения, расположенного на острове, поросшем лиственницей. Перевод названия — «остров лиственниц». Посёлок рыбаков. Так как

в низовьях реки рыбы побольше, совхоз вылавливал тут нельму, щук, чира и прочих проходных рыб.

Ниже селения Тит-Ары, на одной из рыболовецких стоянок бригады совхоза, нам удалось за картошку — великий дефицит в здешних местах — выменять несколько разных рыбин. Сделав фотоснимки на память о «рыбалке», наконец-то, отведали «царской» ухи из знаменитой нельмы.

На следующий день наше водное путешествие должно было заканчиваться, и мы решили сделать прощальный вечер с ушицей под водочку, на которую бригадир снял запрет. Выпивка под хорошую закуску, наша молодость и хорошее настроение, что наш плот прошёл без больших аварий — всё это бодрило, и мы веселились, балагурили, шутили друг над другом. Потом стали говорить тосты и пожелания. Поэт Виктор-тиксинец встал и попросил минуточку внимания:

— Послушайте, написал к нашему скорому расставанию.

Северный край заморожен в снегах,
Ветром истерзан зряшным.
Здесь забивает дупель пурга,
А рот забивает кашлем.
Ну, погоди, чуть проглянет свет,
Стихнет пурга от метаний,
И улетят самолёты в рассвет,
В розовый мир мечтаний.

Николай Бушнев с деликатесной рыбой нельмой

— Молодец, хорошо сказано, — оценил Афанасьевич и обратился ко мне.

— Камчадал, а ты хоть бы тост сказал. А то всегда что-то пишешь, рисуешь. Чего притих?

Я поднялся и развёл руками:

— Много говорить не люблю, больше смотрю, впечатляюсь. Я как ительмен-сказитель. Что вижу, о том и пою. Вот вам тост:

Тучи низкие, брёвна склизкие,
Ветры хлёсткие робы рвут
Плотогоны, парни не хлипкие,
Под ушицу водочку пьют.

— Точняк! — заметил Береснев.

— А ещё могу подарить на память камчадальскую частушку, — сказал я и пропел, прицокивая языком на манер ительменов:

Воздух цистый, цай дусыстый,
Кипяцонная вода.
Меня муроцка не любит,
Прочто — цистая беда…

— Ха-ха-ха! — загоготал повар Александр.

Тут Виктор Зайцев обвёл взглядом улыбающихся парней и поделился:

— Парни, да он скрытник. И книгу пишет, и стихи.

Недавно Николай подарил мне свой стих.

Он вынул из кармана листок и начал декламировать:

— Называется «Северное притяжение».

Край полярный, незагарный,
Он сияньем светозарный.
Стал вдруг очень популярный
Для туристов всех мастей.
Каждый встречный-поперечный:
Журналист, фотограф вечный,
Цепкий, прыткий, подопечный,
Прыщ запечный —
От каких-то от «Вестей».
То ли с «Новостей», с «Недели»,
То ль с журналов налетели.
Все гостиницы обсели
И кружатся мошкарой.
Тундру хилую снимают.
То оленя догоняют —
Ничего не пропускают,
Трогают, запоминают —
Аппаратами щёлк-щёлк.
Крайний Север льдом белесый.
Здесь туманные завесы.
И волну бросают «бесы»
В скал уступы и навесы.
Серых чаек грудной крик.
Океан ли Ледовитый

Тянет в край, Богом забытый,
Где медведь невсегда сытый,
Где пришелец неумытый
Зарастает бородой.
И я знаю — вывод ранний,
Что назвали Север Крайним.
Возражаю, он не с краю!
И я верю, что не лгут:
Коль однажды побывают
Навсегда душою тут!

Слушатели одобрительно закивали, переговариваясь:

— Нормально. Поэтично сказано, — отметил Береснев.

— Во даёт, тихушник, — шевельнул усами бригадир.

Ко мне подошел технолог Сергей.

— Колька, а ничего, правдиво и точно. Может, ещё что-нибудь есть? Прочти сам.

— Да, да, выдай чего-нибудь ещё, — поддержали его парни.

Я стал отнекиваться, говоря, что ничего серьезного из поэзии у меня нет, так кое-что шутейное — баловство.

— Давай чего есть, — вмешался Афанасьевич.

Согласившись, я сделал серьёзный вид и заговорил:

— Я, как коммунист, хочу вскрыть все недостатки и недоработки в нашей бригаде и прямо выскажу прав-

ду-матку — все свои подозрения. Не боясь. Так как я скоро покину Якутию, — и окинул всех подозрительным взглядом под усмешки парней. После чего развернул лист бумаги:

— Вот, обнаружил документ. Этот донос я вам прочту:

Генеральному директору объединения «Якутлес».

Мой генерал! Да многие вам лета!
Ко мне вы добр и будьте же таков,
А пишет Вам технолог «Якутлеса»,
Ваш «зоркий глаз» — Серёжа Топорков, — все
засмеялись и я продолжил. —
Наш плот первым идёт, другой лишь догоняет —
Его ведёт «отважный» депутат.
Спешит и острова по Лене все сшибает,
Позорит Вас и «Якутлес», — вот гад!
Я на плоту под номером тринадцать,
Тут бригадир Руденко «аксакал»!
Надбавки бы с него скостить, процентов так
на двадцать,
Он тут про Вас плохое рассказал.
Живём тут сытно, даже как-то праздно,
Я чую, может быть, — загул.
Однажды, чтоб бригада встрепенулась,
Тайком я на пучках обвязки рубанул.
Теперь «пашут» в поту, трос тянут, крутят гайки
сжимов,

Но вот беда — гнилой наш такелаж,
И из пучков разносятся лесины
Приходится багром их брать на абордаж.
Ещё скажу: хмырь — такелажник Толя —
Тишком ведет счет сжимам и тросам.
Я слышал сам: как он во сне буровил:
«Лишний запас в Тикси за водочку отдам».
В бригаде тут Бес-Колька с «Камчатлеса»,
Вынюхивая всё, поносит «Якутлес».
Смекаю я, урон несут наветы беса,
Я утоплю его, в «чужие сани» чтоб не лез!
Желаю Вам приятных дней,
С поклоном низким Ваш Сергей.

Дружный смех разнёсся над плотом. Бригадир подошёл ко мне и, похлопав по плечу, подбодрил:

— Насмешил… молоток! Таких клоунов у меня в бригадах никогда не было.

С места вскочил такелажник Анатолий и крикнул:

— Бугор, а точно! Серёга же Топорков на Полярную станцию ходил. Оттуда и донос послал.

— Ха-ха-ха, долго ещё балагурили парни.

***

Плоты, сплавляемые по Лене, обычно отстаиваются в Быковкой протоке, устьевой части реки, дожидаясь, когда бухта в море очистится ото льдов и даст возможность провести эти плоты в погрузгавани порта Тикси. Потом лес из них перегрузят на сухогрузные суда и от-

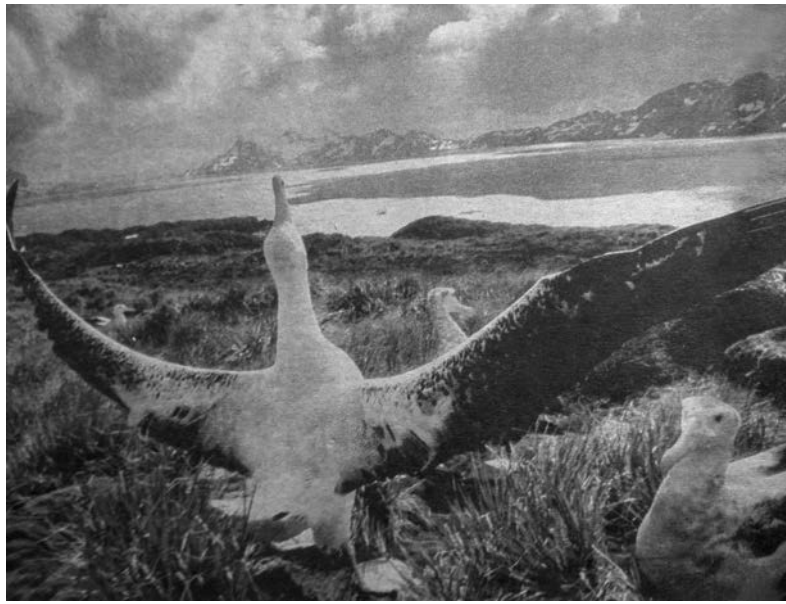

правят на экспорт.

Самый широкий рукав устья Лены — протока Быковская. Там, на аванрейде лесоперевалочного предприятия «Якутлеса», наш крупногабаритный плот встретили два буксира и помогли нам ошвартовать его на отстой.

Ожидая вездеход, на котором нас должны были доставить от плота к ведомственной гостинице сплаврейда в городской посёлок-порт Тикси, мы использовали время на осмотр близлежащих окрестностей.

Сначала прошли по песчаной отмели протоки, вспугивая юрких зуйков, которые до последнего сидели в своих гнёздах, устроенных прямо на песке.

Выйдя на тундру, направились к горбатому увалу, возвышающемуся над местностью. Тундра тут не везде обнажилась от снега, хотя уже наступил июль. Среди плитняка, обросшего ягелем, уже голубели сгустки приземистых ярко-синих незабудок. Бросались в глаза и жёлтые мохнашки лютиков, а чуть выше, по склонам средь камней, розовели пятна мелкоцветной камнеломки.

В тундровой низине небольшое озерцо. Несмотря на то что у берегов кое-где ещё не стаял лёд, местные утки-морянки да гуси начали гнездиться в береговых кочкарниках. Будто хохотнув, с озера с криком поднялась испуганная гагара и полетела за увал. Меня пора-

зил яркий, несовместимый замес ранней весны и лета. Пернатая дичь обживала тундру. Север спешил жить.

На следующий день, после приема-сдачи плота, мы в сплавконторе получили расчёт. Тиксинец Виктор Зайцев, зная мой интерес к истории Северо-Востока, решил провести меня по достопримечательностям. День был в разгаре, ярко сверкало будто декоративное солнце. С моря дул холодный ветер. Залив перед портом Тикси был ещё забит льдами, принесенными с Ледовитого океана. Кое-где на льдинах, как на пляже, вальяжно развалились нерпы.

Мы проходили мимо детского сада. Я обратил внимание на ярко покрашенные стены деревянного здания и в разные цвета крашенный забор из штакетника. Это очень оживляло скучный окрест. Во дворе увидели гуляющих детей старшей группы, одетых по-зимнему. Видимо, старинную поговорку: «Марток — надевай восемь порток» — здесь можно применять круглый год. Дети катались с деревянных горок, качались на качелях и суетились у карусели. И тут один мальчуган, подбежав к девочкам на качелях, кривляясь, пропел:

— Завтра — воскресенье, мальчикам — печенье, а девчонкам-дуракам — толстой палкой по бокам. Ха-ха, хи-хи.

Те быстро ответили:

— Рыжий, рыжий, конопатый… Сам дурак!

Воспитательница, повернувшись к ним, отреагировала:

— Это что такое?! Дети! Как вам не стыдно!

— Он первый начал…

— Степанов, подойди и попроси у девочек прощения, — застрожилась воспитательница.

Виктор, усмехнувшись, заметил:

— А ведь детство — тоже своеобразная ранняя весна в жизни. У малышни уже начинает просыпаться «вечный зов». Видишь, пацан уже пытается обратить внимание девчонок на себя. Помню, я тоже и дразнил девчонок, и в школе дёргал за косички, за что получал по башке портфелем. А потом, в восьмом классе, так втюрился в одну, еле пережил. Она из семьи пограничника, и отца по службе перевели в другой гарнизон. Как я страдал тогда…

За разговором мы вышли за посёлок и оказались на крутом скалистом берегу моря Лаптевых.

Поднявшись на взлобок, увидели обелиск, поставленный Де-Лонгу, исследователю Севера, погибшему здесь. От этой могилы с вершины хорошо просматривались морские дали. Мы постояли, осматривая простор, и Виктор, обратился ко мне:

— У меня по этому поводу есть стих, послушай, — и он вдохновенно начал:

Я знаю, почему морской народ
Усопших «прибирает», где повыше.
Взойдешь наверх — душа простором дышит,
В ней словно птица, память оживёт.

И если виден крест издалека,
Ты понимаешь: люди были правы —
Координаты памяти и славы
Остались на могиле моряка.

Меня это впечатлило, и я невольно подумал: «Как-то странно у нас в стране получается: в Петропавловске-Камчатском есть памятник мореплавателю Лаперузу, на Командорский островах — памятник Берингу, а тут, в устье великой реки России, — памятник Де-Лонгу. А где же нашим открывателям и исследователям этих суровых землиц? Разве наши предки, открывшие и подарившие нам, своим „благодарным“ потомкам, огромную многогранную страну, тут ни при чём? Откуда у нас такое забвение к „отеческим гробам“ и унижающее низкопоклонство ко всему западному?»

Тут меня осенила мысль, которую поддержал Виктор. Мы выбрали поровнее каменную плиту и выбили на ней: «Ивану Козыревскому со товарищи. Радеющим ради России». Сразу легче на душе стало. Пусть и подручным средством, явно не гарантирующим долговечность, удалось засветить искорку памяти о людях, отдавших себя Отечеству.

Впервые тут, промеряя и описывая рукава устьевой части реки Лены, так называемые, губы, Иван Козыревский о протоке Быковской писал, что «она превосходит все другие рукава и водою быстрее. А на лайде и на разливе морском имеет глубины в 6—7 сажен

и на море Сиверном окияне были ж и никакого и старого и приносного льду с моря не видели».

Мы сидим с Виктором на вершине холма у памятников теперь уже двум исследователям, вбирая в себя просторы Севера, а в мыслях у каждого свой калейдоскоп впечатлений. О трудовом ритме на реке, и размахе приленских рудников да шахт, о суровой красоте этого края, и о все омрачающих картинах оскудения природы, вызванных либо равнодушием человека, либо неправильной технологией освоения природных ресурсов.

***

Вот и закончилось наше увлекательное путешествие. За полтора месяца, проведенных вместе с дружной бригадой, мы стали семьёй, объединенной одной целью. Вскоре мы разлетимся, но не «в розовый мир мечтаний», а по своим работам и заботам бытия. Но в памяти навсегда останутся неизгладимые впечатления от увиденного и испытанного, а главное, душевная теплота сотоварищей по столь насыщенному путешествию.

Якутия. Река Лена,
Витим — Тикси.
1985 год

Постскриптум

Я бесконечно благодарен моему сотоварищу и коллеге лесопромышленнику Георгию Ивановичу Шашину,

который помог мне устроиться в это уникальное путешествие по Якутии.

Там, где начинается Россия

В разгаре лета, перед обедом мне на работу позвонил журналист газеты «Камчатская правда» — Володя Гусев. Мой хороший знакомый, которого я часто сопровождал по предприятиям «Камчатлеса», когда ему поручали осветить ту или иную проблему в лесной отрасли Камчатки. Мы с ним сдружились так, что на его недавней свадьбе, я был «дружком».

— Ты где будешь обедать? — спросил он.

— Как всегда в кафе «Весна», — ответил я

— Ты вот что — дуй к нам. Галя такие рыбные котлеты приготовила. Да и мне с тобой срочно поговорить надо. Вскоре мы уже сидели за столом, у которого суетилась его жена Галина.

— Слушай, — обратился он ко мне, — редактор посылает меня на Командоры. Чего-то там у них на звероферме снижаются показатели по воспроизводству песца. Хотя по разведению норки там хорошие приросты. А их местная «Алеутская звезда» почему-то не отражает эту проблему. Вот меня на недельку туда на «разбор полётов».

Я с собой Галю беру, это как свадебное путешествие нам будет. А там корреспондентом газеты мой однокашник Толька-журналюга. Давно к себе приглашал. А сейчас на лето он жену с сыном на Кубань отправил.

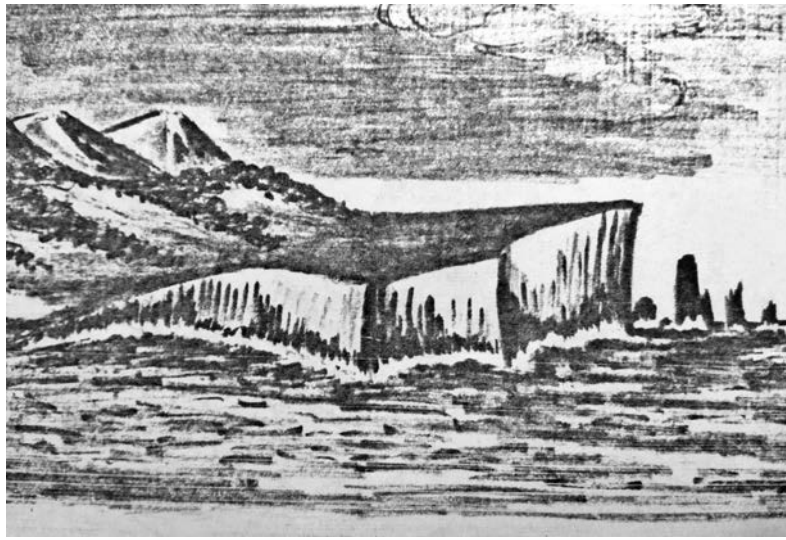
Говорит, что ребёнку третий год пошёл, а он солнце редко видит. Так что с жильем проблемы нам нет. В летний сезон местная гостиница всегда забита, а у нас — Анатолий. Ну, ты понял, к чему я так подробно. Давай с нами. Толян нас по острову поводит. Он там уже освоился и знает что и где. Поглядим на самый краешек страны. Ты же сам говорил: «Вот бы на Командоры попасть». Решайся. Через два дня теплоход «Петропавловск» отходит.

С радостью, что сбывается моя сокровенная мечта, я согласился:

— Замётано. Вовка, сейчас я бегу в объединение, думаю, что отпрошусь в счет очередного отпуска. К вечеру зайду и договоримся, чего с собою брать.

***

В назначенный день Владимир, Галина и я с внушительными рюкзаками с причала Морского порта города Петропавловск-Камчатского по трапу поднялись на палубу грузопассажирского теплохода. Разместившись по своим каютам и, оставив там вещи, мы собрались на палубе полюбоваться на окружающую красоту Авачинской бухты во время выхода теплохода в океан. Погода благоприятствовала. Сверкало солнце с синевы неба, и ветерок с земли тянул в сторону океана. В легких курточках мы, положив локти на перила высоких бортов судна, наслаждались красотой проплывающих мимо нас береговых сопок, взлохмаченных лесом, и торчащих из воды останцев горных пород. В народе

Мыс Шипунский, рисунок автора

называют — «Три брата». Чем дальше мы уходили от бухты, тем больше чувствовалось дыхание океана. Тепловатый ветерок сменился на влажную охлаждающую тягу воздуха. Палуба теплохода всё заметнее стала менять своё положение, дезориентируя нас в пространстве. А когда, обогнув мыс Шипунский, теплоход взял курс на Командоры и совсем лишился защитного влияния Камчатского полуострова, то сразу попал в безраздельную власть ветра и волн океана. Судно сильнее закачалось на пологой длинной волне. Началась качка. Усилился ветер с океана, увеличивая качку теплохода. Когда палуба будто уходила из-под ног, у меня немного замирало сердце и невольно подтягивался вверх желу-

док. У некоторых пассажиров начались приступы тошноты, и палуба быстро стала пустеть.

— Э-э-э, «дурна курятина», — выругался Гусев и ухмыльнулся. — Заметь, не Гусятина. Мне от тошниловки рецепт подарили в редакции. Это коньячок с малой закуской. Идёмте в кафе-ресторан, как бы и нас не развезло. Да и колотун уже. Смотреть нечего, берегов почти не видно.

И мы поспешили с палубы.

В кафе-ресторане было тепло и уютно. Просторный светлый зал оказался почти полным. Мы сели за столик у окна.

— Глянь, народ-то крепкий, не все качки боятся, — заметил я.

— Теплоход вдоль Восточного побережья Камчатки идёт. Значит, среди пассажиров большинство рыбаков да флотских, а им эта качка в привычку, — ответил Владимир и добавил. — Так, закусь не заказываем. Чуть чего, она ведь назад выскочит. Зачем деньги на ветер?

— Ну хоть по плитке шоколада, — попросила Галина.

— Коньячок болгарский «Плиска» под шоколад — хорошо будет, — согласился он.

Вовкин рецепт оправдался. Под шум разговоров и музыки мы незаметно осушили графинчик. Со столика напротив, где сидели крепкие на вид мужчины с обветренными лицами и две женщины «бальзаковского» возраста, поднялся один из них и подошел к музыкантам:

— Парни, сбацайте чего-нибудь, чтобы душа развернулась!

— Чего хочешь? Заказывай, — согласился тот.

— Давай, ну… такую… «Семь сорок».

Доставая из кармана деньги, клиент попросил:

— Только объяви, что это в подарок друзьям-рыбакам с острова Карагинский.

Грянула задорная музыка, и столик напротив опустел. Мужчины и женщины под приличную качку палубы, притоптывая и вихляя задами в такт музыки, как бы танцуя, входили в задор, пытаясь устоять в танце.

— Во, дают. Наверное, чем больше выпьешь, тем ровнее будет казаться палуба, — заметил я.

— А что, надо испытать. Давай еще закажем по соточке, — согласился Володя и подозвал официантку.

После очередной выпивки слабым звеном в нашей компании оказалась Галина. Ее стало серьезно подташнивать, и Володя увёл жену в каюту. Через некоторое время я уже собрался удалиться, как он вернулся и доложил.

— Да-а-а, пришлось ей пообнимать унитаз. Уложил ее. Хорошо в каюте санузел есть. А я, действительно, вот шел сюда и качку не чувствовал. Можно бы ещё выпить, но полежать надо, чуть протрезветь. Не то в гости прибудем, а морды пьяные.

***

Поселение Никольское, ныне столица Алеутского национального округа, прижималось к небольшому залив-

чику океана, неподалеку от речушки, впадающей в этот залив. Дощатые причалы пристани и погрузрайона, рядом склады для перевалочных грузов, портовые сооружения и вбитые сваи для причаливания грузовых барж, плашкоутов — всё это заслоняло само селение, в котором многоквартирные двухэтажные дома из бруса на внушительных фундаментах. Щитовые дома, двухквартирки и потемневшие от времени исхлёстанные штормовыми ветрами и пургами бараки да частные дома с неприглядными сараями и пристройками. Вид столицы показался мне неопрятным, с налётом коммунальной неухоженнности.

Из-за небольших глубин бухточки наш теплоход остановился на рейде перед посёлком. К нему первым причалил пограничный катер, и на палубу поднялся пограничный наряд для проверки документов у пассажиров, прибывших в этот пункт назначения. Вскоре к теплоходу катер подвёл плашкоут, а нас, прибывших на Командоры, провели на грузовую палубу. Там кран-балкой опустили на палубу деревянный поддон, установленный в крупновязанную сетку, и мы, пассажиры с вещами, по нескольку человек заходили на него, прижимаясь друг к другу. Включилась лебёдка, защитная сеть, приподнимаясь, натянулась, и поддон вместе с нами плавно пошел вверх. Повернувшись, кран-балка зависла над палубой качающегося на волне плашкоута. Когда поддон гулко ударился об эту «дышащую» на волне палубу, мы, сбившись в одну кучу с вещами,

облегчённо выдохнули. Чертыхаясь и смеясь, спешно покинули поддон и стали на плашкоуте дожидаться выгрузки остальных.

Вскоре буксир подвёл наш плашкоут к пристани порта, и мы сошли на берег. Анатолий, чернявый крепыш, в непродуваемой летней куртке и резиновых сапожках искренне радостно встретил нас. Мы пошли в его двухкомнатную квартиру, которую он получил, когда приехал сюда по распределению работать журналистом. Жильё было в новом многоквартирном доме, неподалёку от тоже новых: магазина, аптеки и детсада. Похоже здесь, на возвышенном месте посёлка, новыми домами и будет прирастать Никольское.

Вечером Вовкин однокашник потчевал нас ухой из красницы и малосольной камбалой, приговаривая:

— Ушица свежая. Рыбаки из Госпромхоза утром в магазины привезли. Сейчас на озере Саранном её ловят. Нерка уже прошла, сейчас кета идёт, а к осени и кижуча там брать будут. Так что в продаже всегда свежак, — и добавил. — О, Вовка, я тут деликатес приготовил — вкуснятина-а и не хуже краба. Это моллюски морские, камнежилками называются. Я их еще в мае набрал на прибойке и наморозил. Когда надо, отвариваю и смакую.

Он из кастрюльки споро наложил в тарелку хвалёную закусь и поставил на стол.

— Под рюмашку пробуем?

Когда мы отведали блюдо, Анатолий вопросительно посмотрел на нас. Володя мотнул головой:

— Да, вкус намного приятнее вида, — и обращаясь к Галине, пребывающей в нерешительности, добавил, — советую, даже очень вкусно.

***

Утро выдалось совсем пасмурным. В безветрии туман стоял стеною, скрывая окружающий мир. Вглядываясь в окно, Анатолий заметил:

— Тут часто так. Океанский холод на тёплую землю — вот и туман, но к обеду первым ветерком снесёт эту серость, — пояснил он и обратился к Владимиру:

— Постарайся сегодня все дела-заботы утрясти, чтобы два-три дня урвать нам на осмотр острова. Теплоход вернётся с Севера через четыре дня, ведь этот рейс у него без захода на Чукотку. Да, Володька, советую сначала на звероферму сходить. Переговори с кем надо, а уже потом в Райком партии иди, — посоветовал он. А я себе тему уже придумал на эти дни и с редактором своим согласую.

Позавтракав «доедалками» от вчерашнего пиршества, корреспонденты направились к выходу. Анатолий, обернувшись к Галине, предложил:

— А к обеду чего-нибудь сами придумайте. Холодильник вон там, морозилка рядом. В ней еще две рыбины замороженные лежат.

— Да разберёмся. Вам удачи в делах, — напутствовала их Галя, технолог пищевой отрасли. Как только парни ушли, она на листке бумаги написала список желательных продуктов и, подавая мне, распорядилась:

— Будем пельмени из красной рыбы делать, да

смотри, только белую муку бери, а то Вовка мне однажды ржаной припер вместо белой и отговаривался, что такую дали. Да не забудь взять авоську.

Магазин был неподалеку. Он оказался просторным и чистым, все по стандарту: на стене полки, прилавок, весы на нём, сбоку бухта обёрточной бумаги, а в углу три фляги с молоком. Пока две продавщицы бойко обслуживали покупателей, я, ожидая очереди, блукал глазами по полкам.

— Так коньяк «Плиска» есть, о даже ром «Нэгро» рядом с водкой стоит. А вон и консервы «Китовое мясо», а в стеклянных банках болгарские помидоры, салаты. Да, всё, как у нас на Камчатке, — отметил я.

Когда, отоварившись, вышел, заметил, что туман изрядно рассеялся. От порта доносился гул и шум работающей техники и кранов. На рейде стояло грузовое судно «Вася Курка», из которого на плашкоуты сгружали пиломатериал. Мимо меня от порта проехал самосвал с углем в сторону котельной. «Жизнь кипит» и на окраине страны, подумалось мне.

Выставляя продукты на стол перед дежурной по кухне Галиной, я комментировал:

— Мясо китовое разогреть и обложить болгарским салатом — это на второе. Отставив в сторону бутылки коньяка, я вынул большую бутылку рома, поставил на стол к продуктам и сказал:

— А это дамское, видишь, на этикетке с какими губищами негритянка нарисована.

— Ну, да… Видимо, муж ей по губам настучал, чтобы не пила это. Уж лучше водку «Туча» пригубить, чем это приторное пойло, — ответила патриотка Галя.

Когда мы налепили первый противень пельменей, пришел возбужденный Анатолий и с порога порадовал:

— Всё! Уломал редактора, завтра идём. Вижу, Володьки нет, задерживается, знать дел у него там немало, да и пока туда-оттуда пешком…

— Давай пельменей отварю? — предложила наша повариха.

— Нет, я лишь почаюю. Там брюшки нерки малосольные в холодильнике, как говорится, посолонцую и побегу. Мне в конец села надо. Хочу взять у Степаныча спиннинг и тонкие резиновые японские сапоги. Завтра мы по плану на озере Саранном будем, и это нам пригодится. А вернусь, Володьку дождёмся, и тогда плотно насытимся.

Мы тоже соблазнились на солонцевание и присоединились к хозяину. Тающее во рту нежное мясо нерки запивали крепко заваренным чаем — красота! Когда Анатолий засобирался уходить, я тоже решил прогуляться по посёлку к причалу порта.

— Галя, ты на хозяйстве. Вдруг Володька придёт, а дом закрыт, — скорее попросил, чем скомандовал хозяин, и мы вышли.

Я направился в сторону порта. Океан будто притягивал меня своей необъятностью. Туман поднялся, но совсем еще не очистил небо.

Солнце чуть подсвечивало небо, отчего водная даль океана казалась седой, как и небо, поэтому накаты волн казались свинцовыми, они лениво перекатывались, с шумом растекались по песчаной отмели. Откатываясь назад, волны как бы выманивали к себе из зеленого берега небольшую речушку, бегущую в заливчик. На пассажирском причале в легких одеждах рыбачила разновозрастная ребятня, вооруженная удочками-дёргалками. Кто стоя, кто сидя, они время от времени, дёргали удочками и часто меняли наживку на крючках. Если кому повезло, другие без зависти радовались чужому улову. У некоторых были уже по две-три темноспинных камбалы. Тут со стороны речки подбежал босоногий пацан с закатанными до колен штанинами брюк и, свистнув, прокричал:

— Федька, чего тут застрял? Пойдём к речке. Там в большой затон приливом столько камбалы нанесло. Мы с Витькой уже по ведру накололи, — и, помахивая деревянным дротиком-наколкой, скомандовал. — Бросай, говорю! Быстро!

Рыбаки на причале насторожились и человека три, схватив свои ведра и снасти, побежали вслед за гонцом. Глядя на них, я подумал: «Надо же, какая закалка у пацанов! Налегке у моря даже босиком по заливчикам, а лето-то здесь лишь тогда, когда солнце в зените». И тут, возможно, природа услышала мою мысль. Солнце, прорвав хмарь, сразу оживило и окрасило всё вокруг. Под ласковым светилом океан вспыхнул темно-голубым цве-

том. Я невольно отметил себе: «Эта неустойчивая погода, вид посёлка — как похоже на Усть-Камчатск».

Набродившись, вернулся, когда Володя и Анатолий уже утрясали свои рюкзаки.

К озеру Саранному

Утром встали пораньше, Анатолий сразу к окну и, оценив погоду, заметил:

— Туманчик редкий, значит, быстро сойдет. Так что дождя не ожидается, -обнадёжил он.

Вскоре полные решимости ринуться в поход, невзирая на погоду, мы взвалили на себя «Абалаковские» увесистые рюкзаки с едой и запасной одеждой. Анатолий, подсовывая прорезиненный плащ под клапан рюкзака, спросил:

— А вы-то плащи не забыли?

— У нас по шесть квадратов целлофана. Если сырость или дождь, накидываем и вместе с рюкзаком защищены, — ответил Владимир.

За посёлком Анатолий вывел нас на след от вездехода. Это госпромхозовские рыбаки два раза в неделю проезжают тут на Саранное озеро. Там добывают рыбу для звероферм и магазинов.

— У озера госпромхозовский дом стоит, будет где переночевать. Нам всего-то около двадцати пяти километров пройти до озера, — пояснил он.

И мы, по ходу продвижения, осматривая просторы тундры, шли вдоль вездеходного следа, сгорбившись под рюкзаками. В такт шагов побалтывались, висящие у нас на шеях фотоаппараты, бинокли, пристегнутые к рюкзакам алюминиевые кружки да котелок. Туман окончательно рассеялся, и солнце расцветило густотравную, сочную тундру.

— Какая же это красота — летняя цветущая тундра. Вокруг раздолье, простор для глаз. Воздух чист, а легкое дуновение ветерка обдаёт тебя то настоем цветущих трав, то солёностью океана — отчего душа ликует. Тундра — это обширная равнина с мшистыми берегами озер и с множеством извилисто-петляющих ручейков, у которых всегда суетятся кулики да небольшие птички — пуночки. А некоторые озёрца будто обрамлены белоснежными цветами пушицы. Иногда с какого-нибудь водоёма внезапно вспорхнёт пара уток и с посвистом крыльев унесётся вдаль.

Мы шли неспеша, часто останавливаясь то у поляны с ромашками, а то и в низинке, буквально усыпанной желто-горячей ягодой — морошкой. Вот тебе и хорошее фото и еда. Яркая насыщенная зелень тундры иногда прерывалась бурыми моховинами, которые смотрелись лишаями на разноцветье лугов.

За разговорами, с частыми привалами мы продвигались к цели, радуясь окружающей нас красоте и удивляясь увиденному. То вызывающе торчащему крупному грибу — толстоножке, то яркости синевы цветущего

ириса, а то покинутому средь травы тундры птичьему гнезду, аккуратно свитому из травинок. Не обошлось и без загадки природы: неподалёку, в стороне от следа вездехода, я увидел вывернутый пласт тундрового дёрна размером два с половиной метра на полтора. «Экскаватором так не поднимешь и не перевернёшь. Да и кто сюда погонит технику?» — подумал я и подозвал парней. Мы выдвигали разные идеи и предположения, но ответа не находили. Володя, сняв рюкзак, решил сделать круг, чтобы поискать какие-либо следы. Отбе-

жав метров на пятьсот, он замахал руками, подзывая нас. Когда подошли, увидели такой же сюрприз. Как будто кто-то, подрезав дёрн, отвалил его в сторону. Тут кусок дёрна был наполовину меньше. «Кто? Зачем? Как?» — недоумевали мы.

Довольные, что наше путешествие совпало с редким в этих местах тихим и солнечным днём, мы подошли к озеру Саранному, из которого вытекала речушка, впадая в залив Тихого океана через песчаную отмель. Со стороны тундры к озеру жались заросли невысокого ивняка и других кустарников. Солнце шло к закату. Близкое соседство с океаном быстро меняло погоду. От него понесло сыростью и туманом. Мы заспешили по тропе вдоль озера к жилью. Добротный дом с двумя большими комнатами, в которых были нары, столы и сварные из металла печи. Это просто мечта для уставших от дороги и тяжести рюкзаков туристов.

***

Утром проснулись и обнаружили, что в доме нет Анатолия. Мы с Володей вышли. Над озером клубился туман и сыпала морось. На пригорке берега сидел Анатолий и что-то ковырял в катушке спиннинга. Рядом с ним белела довольно крупная рыба — кета. Увидя нас, он, улыбаясь, доложил:

— А я спозаранку вышел, думаю, надо своими руками хоть что-то поймать и угостить однокашника, с коим стипендии проматывали в кафушках Хабаровска. А здесь-то вышел, поймал и на стол. Сейчас ушицу за-

варганим. А за это время противный бус, туманная пыль сдуются, и мы двинем дальше.

Он, указывая на катушку спиннинга, сказал:

— Что-то барахлит. Вот задаст мне Степаныч. Хорошо одну кетину успел зацепить.

Вставая, он поднял рыбину за жабры:

— С икрой, повезло. А-то, бывает, уцепишь, а она уже лощавая — отметалась.

Мы направились к дому, как он вдруг остановился и, указывая на недалекую от нас отмель озера, тихо произнёс:

— Смотри, смотри.

Мы увидели, как взлохмаченный песец тащил по мелководью рыбину. Вытянув из воды, он не стал ее грызть, а поволок по склону в береговые кусты. С удивительной ловкостью зверек лапами вырыл в земле ямку и сдвинул туда добычу. Также быстро и закапал ее, потом, задрав ногу, несколько раз пискнул на схрон, делая свою отметину. После чего опять направился к реке.

— Вот это да-а-а, — промолвил Владимир.

— Вот видите? Лощавую сонную рыбу ловит и в запас кладёт, знает, что скоро лето кончится. Но я не об этом. В земле-то она прокиснет, то есть протухнет, но он её всё равно съест. А вот наши песцы из клеток ее жрать не станут, им еду на кормокухне готовят, а они всё равно болеют. Их уколами и добавками разными лечат, но поголовье на ферме всё равно уменьшается. Нет у зверьков иммунитета. Одно слово — неволя. Вот,

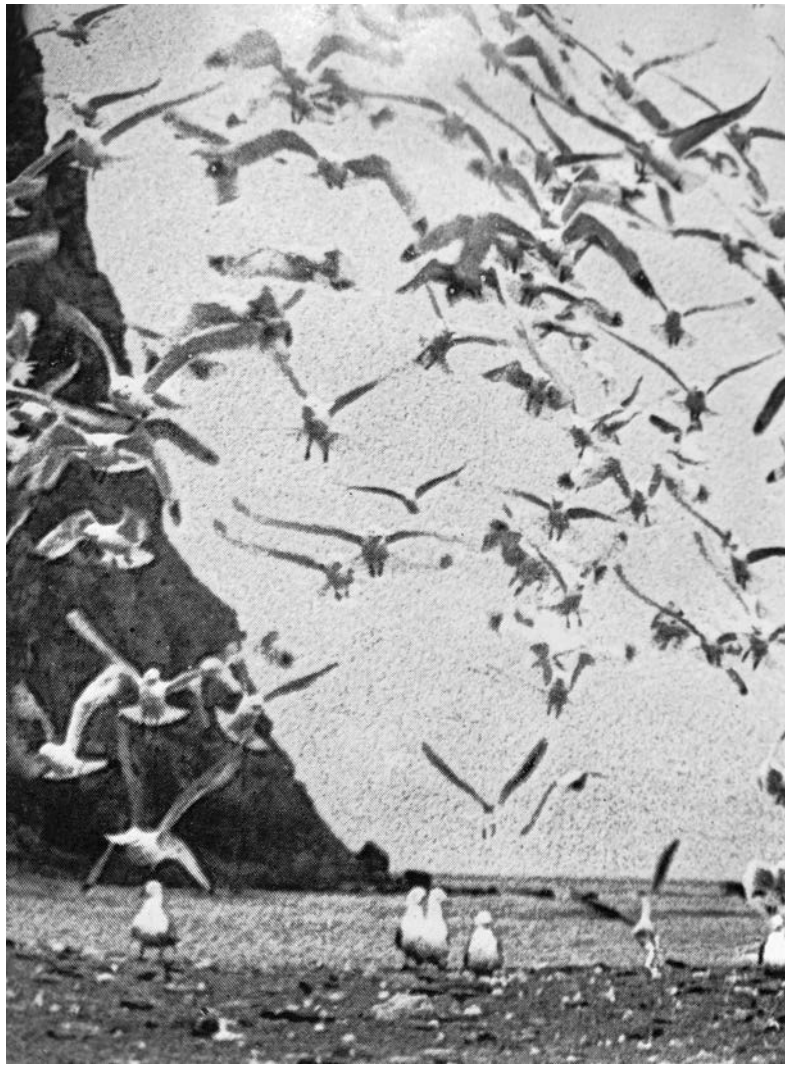
Володя, пример тебе к твоей теме о песцах. Писать будешь — учти, — с назиданием заключил Анатолий.

Пока завтракали свежей ушицей, сменившийся ветерок угнал всю морось в океан, и вновь заулыбалось солнце. Теперь наш путь пролегал по берегу океана к бухте Буян, где Анатолий обещал нас очень удивить. На песчаной лайде, где речка растекалась, впадая в заливчик океана, мы разулись и перешли на другой берег. Обойдя по прибойке выступающий скальный мысок, мы вышли на обширную песчаную косу, на которой в отдалении от кромки волн средь трав, пробивающихся через песок, были сотни чаячьих гнезд. Яиц в них уже не было, но между гнезд в большом количестве бегали, сидели и пытались взлетать уже подросшие птенцы чаек. Увидя нас, сотни птиц с громким криком и писком взлетели, заслонив небо, и каруселью закружились над нами. Многие из них пикировали сверху, бомбардируя нас пометом. Анатолий спешно сбросил рюкзак и с криком:

— Загадят! — принялся вытаскивать плащ из рюкзака.

Мы, не снимая рюкзаков, тоже повыдергивали свои куски целлофана, и, укрываясь, поспешили уйти с этого чаячьего места.

Далее мы продвигались по кромке океана то по песчаным косам, то по каменным осыпям с береговых сопок. Когда подошли к непропуску, где скальный выступ вдавался далеко в воду, решили его обойти поверху.

По густой траве вскарабкались на взлобок сопки и пошли в обход скал. Эта сторона сопки была защищена скальными выступами от морских штормовых ветров, что благоприятствовало тут растениям. Мы шли, раздвигая руками высокие шеломайники. Некоторые стволы пучки тянулись выше двух метров. Заросли этих зонтичных трав сменялись полянами с высокой травой, раскрашенной оранжевыми цветами сараны.

— Надо же, какое буйство трав! Вот что значит затишье от ветров, — заметил Володя.

Обойдя сопку, мы начали спускаться к океану. Сверху хорошо просматривался его захламлённый берег. Мы вышли на него. Прибойка была буквально забита завалами морской капусты. Ее длинные серо-зеленые ленты спутались в мягкие скользкие валы. Тут же и выброшенный волнами хлам: бутылки, обрывки сетей и разного вида наплава. Преодолев эти наносы, мы вышли на чистый песок. Волна с шипением «лизала» берег, одаривая нас не только пеной от наката волн, но и поднося к ногам сгустки медуз. Синева неба, временный штиль и умиротворяющий шёпот волн завораживали. И тут Галина указала под каменную гряду сопок, которую мы обошли.

— Вон, вон, там кто-то плавает.

Мы всмотрелись, и Анатолий подтвердил.

— Да, там табунок. Неужели морские котики от лежбища приплыли?

Взяв бинокли, мы принялись рассматривать морсках зверьков.

— О..., да это же каланы! Они там охотятся. Смотрите, вон у берега ныряют в заросли морской капусты, — комментировал удивлённый Анатолий.

Я наконец-то навёл резкость в своём бинокле и увидел, как один каланок, вынырнув, улёгся на спину и, что-то держа в лапах, принялся грызть.

Тут заговорил Володя Гусев:

— А поодаль от табунка, ближе к нам, видите? Самка с детёнышем на груди.

Я, порыскав биноклем, увидел их и стал разглядывать лупастую мордочку самки. Она и крутилась в воде, и ныряла вместе с щенком, и вновь укладывалась на спину. То и дело лапами приподнимала над собой своего глазастого детёныша. Щеря рот и топорща белесыми усами, она улыбалась малышу, любуясь им, лизала его мордочку. Наблюдая за этой милотой, я невольно вымолвил:

— Обалдеть..., надо же, что вытворяет да еще с такими чувствами... Вот тебе и звери.

А Галина буквально прилипла к биноклю и постоянно вскрикивала:

— Красота, красота! Давайте подойдём ближе...

— Нет, нет! Учуют — враз уплывут, — предостерёг Анатолий.

Постоянно бултыхаясь и ныряя, юркие, пластичные каланы постепенно удалялись из зоны нашего внимания.

— Эх, далековато были: фото не получилось сделать, — пожалил Володя.

— Хорошо, что увидели их. Они очень осторожны, что ни скажешь о морских котиках, — заметил Анатолий и добавил. — Поспешим. Нам еще обратно топать до озера на ночлег. Не забывайте.

Мы опять занырнули под рюкзаки и двинулись по косе, обходя преющие под солнцем наносы морской капусты. Обойдя ещё один скальный непропуск, мы вышли на обрамленную сопками бухту. Сопочка некруто спадала к океану. На спуске к берегу Толя скомандовал:

— Стоп! — и улыбаясь продолжил:

— Что увидим — не хватать сразу. Оглядимся, походим и только потом, когда дам команду «фас».

Сверху просматривалась вся бухта, которая крутым коромыслом вдавилась в сопки. Под солнцем бирюзовая вода в бухте, поблёскивая, обрамлялась неширокой полосой белой прибойки. Подталкиваемые любопытством, мы быстро спустились на берег бухты, и вот оно — чудо. Вся полоса прибойки просто завалена шлифованными, сверкающими разным цветом камешками агатов. Волны, накатываясь на берег, смачивали и ворошили эту неимоверную красоту. Океан «хвалился» перед нами своими сокровищами. У меня перехватило дух. Не веря своим глазам, я нагнулся и зачерпнул рукой прохладные блестящие на солнце драгоценности.

Придя в себя от удивления, мы, сбросив рюкзаки, прошли немного по поражающей воображение природной красоте и, не дожидаясь команды «фас», принялись выхватывать из-под ног самые яркие, самые красивые с замысловатыми рисунками камешки агатов. Один одного краше! Каждый камешек будто старался донести до меня свою историю бытия. На них явно просматривались и пучины волн, и туманы, блики закатов и силуэты зверьков, наделённых динамикой и жестами. «Что создало такую красоту? И как это — не материальный мир проникает в материальный?!» — крутились мысли в голове. Вскоре уже к рюкзакам были натасканы приличные кучки «шедевров», но мы с Володей разулись и уже заходили в воду, потому как казалось, что там красивее и ярче эти самоцветы. Чем больше брали их, тем труднее было остановиться, пока Анатолий не остепенил нас:

— Вы, наверное, думаете, что я их потащу отсюда? Это же камень, а не вата.

Я ссыпал свои сокровища в два целлофановых пакета. Один сунул в рюкзак, другой — не помещался. Толстый свитер, куртка, ветровка, консервы, хлеб, фляжка с водой — всё это необходимо, и выбрасывать жаль. Я недовольно пробурчал:

— Не входит... И зачем столько жратвы взяли?

— Это на озере рыбина выручила. Консерв бы уже половины не было, — рассудил Анатолий.

— У нас тоже не входит. Галинины камешки в мешочке я на шею положу выше рюкзака и понесу, — заявил Владимир.

— О, я тоже второй так же понесу, — обрадовался я.

Анатолий поторапливал нас.

— Теперь быстренько костерчик — плотно заправимся и будем двигать без остановок, чтобы успеть до темноты. На обзоры много времени потеряли, будем догонять. Вперед и с песней, — командовал он.

Смеркалось, когда мы, больше изнемогая от впечатлений, чем от усталости, подошли к дому рыбаков на озере Саранном.

Николай Бушнев и Владимир Гусев

Незабываемые встречи

На следующий день встали пораньше, так как наш проводник решил поменять маршрут. Он пояснил нам.

— Обратно пойдем не через тундру, а прижмемся к южному хребту гор и вдоль него прямо к Никольскому и притопаем. Заодно завернём на птичий базар, но ненадолго. Он тут неподалёку. Честно говоря, надеюсь, встретим наших местных оленей. Ведь ради этого я редактора и уговорил. Совхоз оленей закупил, а заниматься ими некому. Наёмные оленеводы-коряки побы-

ли да отказались тут жить. Вот оленей и выпустили на самовыживание. Сейчас пошёл слух, будто их браконьеры поистребили, а некоторые утверждают, что они от северного хребта на южный перешли. Короче, непонятки. Увидеть бы. Так что будем надеяться на удачу, — заключил он.

— На то он и турист, чтобы ножками мерить километры. Веди, следопыт! — поддержал его Володя.

От озера мы опять вышли к океану и дальше по прибойке на запад. Вдали прибойку океана перекрывала большая с плоской вершиной гора, крутыми склонами спадая в воды океана. Скальные останцы, выпирающие из воды перед горой, и выбитые штормовыми волнами гроты в горе украшали эту нависающую над водой громаду. На подходе к ней до нас уже доносились пронзительные крики, клекот и гомон птичьего базара. На карнизах и камнях скального обрыва рядами восседали морские птицы, ипатки, и теснились чёрные топорки, то и дело крутя красноносыми головами.

Скалы, об которые рушились волны, были облеплены изящными статуэтками красавиц-кайр. Ниже топорков в норах и трещинах горы, казалось, всюду, куда ни посмотри, кучные гнездовья бакланов. Над водою, скалами и над горой стаями и поодиночке кружились, сновали, суетились, оглушая окрест, тысячи пернатой дичи. Нафотографировав птиц, мы оставили птичий базар и пошли вдоль гор. Через некоторое время ходьбы под рюкзаками по травянистым низинам и взлобкам стала

Кайры

Топорки

чувствоваться усталость. У ручейка, выбегающего из-за сопки, решили сделать привал. С удовольствием сбросив рюкзаки, мы расправляли будто заржавевшие плечи. Оглядывая окрест, выискивая где бы наломать сушняка для костра, мы обратили внимание на ближнюю сопку. Снизу она была обросшая невысоким ивняком, а вершина ее поблескивала сочными листьями зарослей цветущих рододендронов.

— Во, красотища! — заметил Володя. — Парни, вы без меня костерчик тут, а я быстро, — засуетился он и припустил на сопку.

Продравшись через гутой ивняк, он наломал цветов и вернулся с большим букетом рододендронов. Довольный подошел к жене и протянул букетище.

— Вот тебе, мой Галюсик! За то что не убоялась и пустилась с нами в неведомое. Стойко делишь с нами трудности. Я тобой горжусь! — заключил он и обнял Галину. Она, засмущавшись, ответила:

— Спасибо! Это для меня самый оригинальный и самый романтичный букет, тем более на дальней окраине страны.

Улыбаясь, она стала внимательно рассматривать цветы. Плотные, как из зеленого воска, листья поблескивали на солнце. И на их фоне ярче смотрелись желтые соцветия рододендронов.

Сделав бутерброды из «кильки в томатном соусе», мы аппетитно запивали их крепким индийским чаем. Тут опять заговорил Володя:

— Галя, а зачем тебе столько камешков. Нам и моего мешочка за глаза. Не то они мне шею, точно, свернут. Ведь идём по буеракам.

И он с деланной умилённостью посмотрел на неё, хлопая ресницами. Она заулыбалась:

— Ох, Гусев, — хитёр. А я-то думала, чего он так прытко ломанул в гору?

— Нет-нет, Галюсик, не задобрить. То был чистый порыв души, — поспешил развеять ее сомнения Вовка.

— Ладно, шея дороже, а то мне не на чем будет сидеть, — и, ухмыльнувшись, она обратилась ко мне.

— Коль, хочешь — забери или выбери там, какие надо. Хотя у меня почти все — шедевры.

Я засомневался:

— Как бы и мне ни пришлось свой мешочек с шеи сбросить, а то с задору нагреб прилично, — отказался я от подарка.

Когда одолели уже большую часть пути, с океана задул «морячок».

— Хорошего мало, надо поспешать, — заметил Анатолий.

— Во, ребята! У меня еще в рюкзаке банка сгущенки — «НЗ». Давайте подбодримся ею — веселее будет, — предложил Владимир.

— Только быстро, — согласился проводник.

— Не брезгуя, с удовольствием из банки поочерёдно все попили густую смесь и двинулись дальше. Ветерок крепчал, небо становилось белёсым. На вершинах высоких гор стал кучковаться туман, мы спешили. Обогнув выступающую в тундру горбатую сопку, мы остановились, увидев стадо оленей. Они спускались с соседней сопки в этот распадок:

— Стоп, стоп! Не шевелитесь, — шепотом попросил Анатолий. — Фоткайте, фоткайте всё, у кого-нибудь да получится.

Олени, не видя нас, будто ручейком стекали с горы в низину и, постукивая рогами, собирались в табун. Из-за высоких шеломайников и порослей тальника нам не стало их видно.

— Знать, от непогоды уже прячутся? Сколько их — не считали? Хотя бы приблизительно, — поинтересовался Анатолий.

— Так фотать же надо было, — отговорился я.

— Знаю, как посчитать можно, — заявил Владимир и пояснил, — я сейчас пойду в их сторону и кружкой о котелок шум наведу; они точно вверх побегут — деваться им некуда. А на склоне, как на ладони, видно будет: знай успевай считать. Ну как? — похвалился он своей сообразительностью.

— Нет, нет, тогда идёмте все. И шуму больше будет, а то вдруг со страха на него побегут и затопчут, — выступая вперед, приказала Галя.

— У-ты …, какая командирша! — заметил Толя.

Согласившись, мы, стуча, гикая и посвистывая, двинулись в ложбину. Испуганное стадо оленей с завидной быстротой влетело на оголенную часть сопки и, словно рассыпаясь, быстро скрылось за ней. Мы остановились и, глядя друг на друга, рассмеялись.

— Вот дурачки. Думали, что они на первый-второй рассчитаются и строем пойдут, — поддержал веселье Анатолий.

— Да как их считать. Они такого стрекоча дали и постоянно смешивались в беге. Думаю штук сто их было — заметил автор идеи.

— Если визуально, то да, под сотню, — подтвердил я.

— А у меня глаза разбежались, как и олени. Помню

только, как их задницы мельтешили, — под наш дружный смех заявила Галина.

Просмеявшись, Анатолий принял серьезный вид:

— Ну что вы, Галина. Я же просил поголовье посчитать. Голова — это там, где рога. А вы не с той стороны глядели..., — растекаясь в улыбке, он добавил. — Хотя ныне везде уже многое чего через жо... делается.

— Да ну вас! — отмахнулась Галя.

— Всё еще посмеиваясь, мы впряглись в рюкзаки. Довольные встречей с оленями и выполненным планом нашего путешествия, мы заспешили к селению, спрямляя путь.

***

На следующее утро в квартире Анатолия отсыпались долго. Первым встал Владимир. Он, подойдя к окну, заметил:

— Опять туман с океана. Подъём, подъём, «землепроходимцы»: уже почти десять часов.

Увидев в постели Анатолия, который натянул на голову одеяло, чтобы не мешал ему свет, Владимир деланно удивился:

— О, у нас прогульщик! Почему не на работе?

Откинув с лица одеяло, тот ответил:

— Я в редакцию такую новость поднесу — всё простят. Я же хочу вас еще сводить к скелету кашалота, неподалёку тут от посёлка. Его года три назад выбросило штормом. Правда, там сейчас только торчащие кости. Мясо да жир госпрохозовцы сразу срезали

на корм в звероферму. Зато можно хорошие фотки сделать. А-а, каково? — вопрошающе посматривал на нас.

— Ну, Толян. Любишь ты удивлять, — оценил Гусев.

Вскоре мы принялись за приготовление пищи, выполняя все указания Галины. Она оказалась не только технологом пищевой отрасли, но и способной расторопной поварихой, в чем мы окончательно убедились, когда с аппетитом уплетали, жареные и холодные вкусности, которые она приготовила к нашему запоздалому завтраку. Как по расписанию к средине дня засветило солнце, радуя и бодря нас.

— Я же говорил: погода наладится. Так что собираемся в путь! А вечером уже будете готовиться «восвояси». Завтра в девять быть в порту, — заявил хозяин.

Когда мы неспешно подошли к речушке, петляющей из тундры к заливу, и присели у берега на бугорок в цветущие одуванчики, чтобы разуться и перейти на другой берег, то увидели энергично подошедшую туда группу молодежи. Они тоже там принялись снимать обувь. Их проводник, молодой светловолосый паренёк, засучив брюки выше колен и не снимая с ног кеды, быстро перебрел речку. Он подошел к нам, узнав Анатолия, кивнул ему.

— Привет, писарчук. Знакомых водишь? — окинул взглядом нас.

— Здоров, здоров. Я гляжу: ваш турклуб-то работает, — ответил Анатолий.

— Да, народ помалу, но подъезжает. Вот харабовчане. Я сегодня их по месту выгуливаю, а завтра к могиле Беринга поведу. Мы их в школьном спортзале расселили. Вечерами у нас там нескучно: под гитару песни поём да и так балакаем. Если скучаете, подходите, — отчитался улыбчивый парень.

Шли мы недолго и, обойдя приземистую сопочку, очутились на песчаной отмели заливчика. Посреди этой бухточки, уже частично замытый серым песком, топорщился почти целый остов кита. Кое-где он был порушен, не хватало костей верхней части головы. Ближе к хвосту не было прочных рёбер. Несколько позвонков валялись вперемешку с песком. Несмотря на это, учитывая размеры скелета, зрелище будило любопытство. Мы ходили вокруг по истоптанному песку, трогали, дергали за ребра, пробуя на прочность. У остатков плавников хвоста хаотично лежали полосы и куски китового уса. Я порылся в этих отходах и выбрал себе пару пластинок упругого уса. А когда рассматривал позвонки кита, обнаружил, что на одном сохранились межпозвоночные диски и от времени уже частично отошли от кости. Конечно, пришлось повозиться, когда при помощи перочинного ножа и дрючков из древесных обломков, которые то и дело приходилось заострять, всё же удалось отсоединить один овальный, почти окостеневший диск, похожий на оригинальный поднос для посуды.

Я от удовольствия пообнимал помощников за добычу столь редкого сувенира. Диск с другой стороны по-

звонка, который был замыт песком, отодрать не смогли — разломили, к огорчению Владимира. Сделав по нескольку фотоснимков, вернулись домой.

Чуть передохнув, Анатолий заявил:

— А я «засветился». Когда мы возвращались, из аптеки выходила Лилька — редакторша, и меня глазами «сфотала». Так что в турклуб под гитару петь не пойду. Сяду материал готовить. Завтра отчитываться.

— А мне-то, четыре репортажа со зверофермы надо пересмотреть, поправить, обобщить и хотя бы набросать канву для статьи. А то приеду — столь ёмкий материал сразу не переваришь. Так что, дружище, я тоже за бумаги засяду, — поддержал его Володя Гусев.

Галина, посмотрев на них, повернулась ко мне:

— А мы, Николай, почаюем с нерочкой. Там в холодильнике еще осталась. Потом, давай твои камешки поперебираем. Что-то мне становится жаль своих-то.

Красота мирская

Незаметно пролетело время и свечерело. Оторвавшись от агатов, я поднял голову и удивился. Будто пожаром отсвечивалось окно. Тронув Галину, указал:

— Смотри что?

Она заспешила к окну и пошире раздвинула шторки:

— Ой, какой закат! Ребята!

И тут мы все всполошились. Похватав фотоаппараты, быстро вышли из дома. Уходящее за горизонт солнце будто запалило небо, которое отражаясь в океане, раскрасило и его.

— Ух ты! — очаровался Володя и предложил. — Бежим на причал — оттуда обзорчик будет что надо.

На причале у берега бухточки уже стояли любители природы, наслаждаясь зрелищем. Солнце садилось и медленно меняло колер цвета воды и неба от желто-красного до красно-малинового. Особенно красивую игру красок создавали бегущие к берегу валы волн. Западная подсвеченная часть волны была еще жёлто-красной, а восточная уже малиновой. Перекатываясь, волны создавали неимоверное зрелище фантастической красоты. «Хорошо, что я перезарядил фотоаппарат еще вчера вечером» — подумалось мне. То и дело мы щелкали фотоаппаратами, но когда над нами пролетели раскрашенные закатом чайки, у меня и вовсе перехватило дух. Восхищаясь игрой цвета на перьях птиц, я припомнил слова моей матери, которые она всегда произносила, когда чем-то восторгалась: «О Господи! Воистину мирская красота!»

Когда отгорел закат и океан понес к берегу уже тёмно-красные волны, отчего они казались тяжёлыми и даже опасными, мы покинули берег, пораженные до глубины души. Шли молча, переваривая увиденное.

— А у нас часто такие необычные закаты. Оно и понятно: вокруг острова, просторы океана, — как бы

оправдываясь за полученный нами шок, заговорил Анатолий.

После ужина мы перетрясли свои рюкзаки, изготавливаясь к отъезду. Наши журналисты опять уселись за свои «заботы». Галина начала просматривать многочисленные фотоальбомы и корреспонденцию Анатолия. А я, все ещё потрясенный чудо-закатом, решил хоть как-то отобразить увиденное. Взяв у парней несколько листов бумаги, уединился в сторонке.

***

Утром, после завтрака, я развернул листок бумаги и обратился к хозяину:

— В знак благодарности Анатолию за столь сердечный дружеский приём нас, камчадалов, дарю стих на память о нашем тут пребывании. Это зарисовка о прекрасном месте, где ты живёшь. Слушайте:

— Пылал закат в полнеба — надежда рыбака,
Залил он позолотой рыбачьих шхун бока.
Позолотил все стёкла на рубках, на домах,
Златая поволока на зыби и волнах…
Но с временем поспоря, всё багровел закат
И посылать стал с моря к нам бронзовый накат.
Слабеет дня хозяйка, тускней у скал прибой,
Фольгою медной чайка блеснула над волной.
Рыбак с уловом бедным рабочий день кончал,
Баркас свой красно-медный он в медный ткнул
причал.

Анатолий принял листок с текстом и обнял меня:

— Просто не ожидал. Будто красками нарисовал. Спасибо!

Растроганный Владимир обнял друга-однокурсника и пригласил его в гости:

— Теперь ты к нам на горячие источники, в тайгу на глухарей, на вулканы… Будем ждать!

— Давно мечтаю вырваться. А я вам здесь всегда рад буду. В следующий приезд обещаю на Тонкий мыс сводить. Мало кто знает, но там аметистовая жила на поверхность выходит. Да тут есть еще куда сходить. Приезжайте! — загорался от своих слов хозяин.

Утром другого дня, распрощавшись с гостеприимным однокашником Владимира, который уже спешил на работу, мы направились в порт. Там предстояла нам ещё оригинальная погрузка на теплоход — в «авоське».

И вот наш «Петропавловск», издав ревуном прощальный гудок, отошёл от причала. Обогнув небольшой островок Топорков, что неподалёку от порта, он вошёл в ощутимую зыбь океанских волн.

Покачиваясь на палубе, мы смотрели на удаляющийся Командорский остров — жемчужину в безбрежных водах океана. Он восхитил и покорил нас и теперь не хочет отпускать от себя наши души, всё притягивая к себе взоры. Когда остров исчез из видимости, будто отпустив нас, мы, уже заметно озябшие от влажного ветра, направились, конечно же, в кафе-ресторан переполненные впечатлениями.

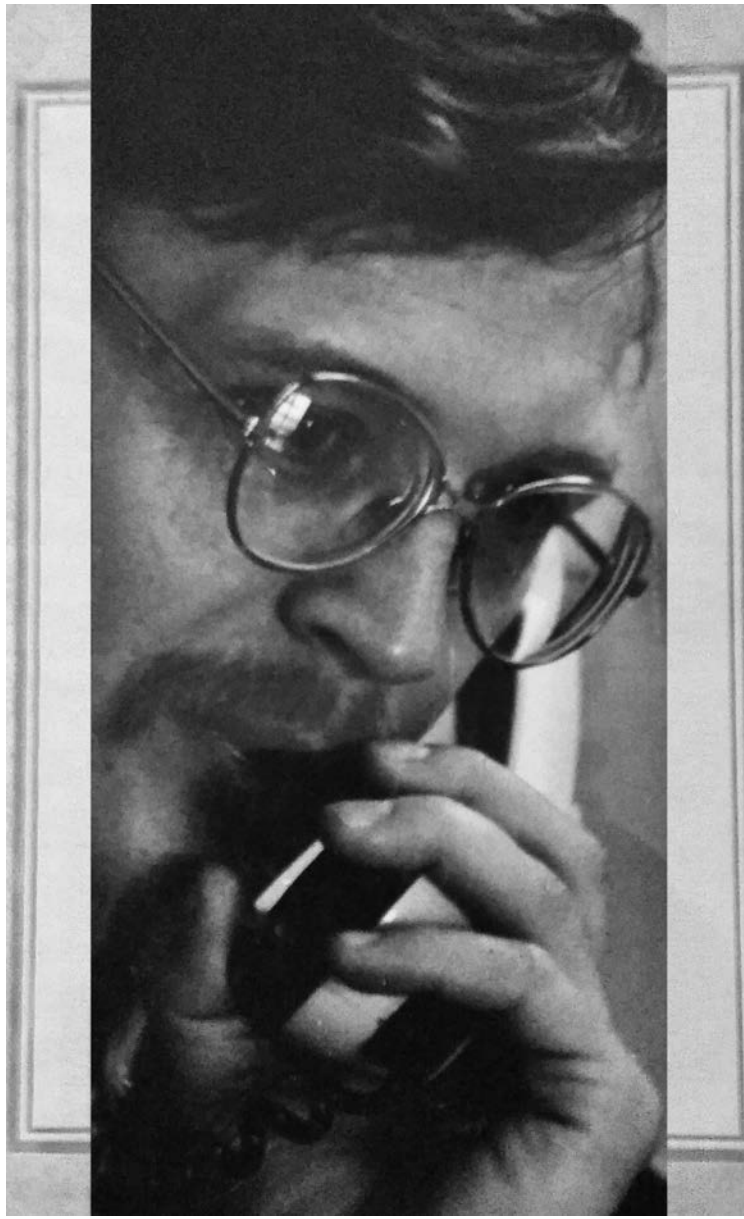
Командоры — Петропавловск-Камчатский, 1987 г.

Путешествие по времени нашей эпохи

Я намеренно назвал это повествование подзаголовком значимого для истории Камчатки произведения Сергея Ивановича Вахрина. Это красочно оформленный альбом — сборник исторических очерков, касающихся Камчатки, под общим названием «Камчатка — Россия — Мир» и с подзаголовком «Путешествие по времени».

Потому как многолетнее путешествие, о котором я хочу рассказать, в одиночку мне было бы не осилить без человека, с которым меня свела моя увлечённость смолоду историей Камчатки и России в целом. На этой почве мы крепко сдружились. Сергей Вахрин — уроженец Камчатки, его отец и даже бабушка (1909 г.р.) родом из Усть-Камчатска, куда и я по окончании Сибирского технологического института попал на работу в 1967 году. Сергей по образованию педагог, а впоследствии профессиональный журналист, писатель и значимый общественный деятель.

Речь пойдёт о восстановлении старинной церкви Успения Божьей Матери, обнаруженной в заброшенном селе Нижнекамчатск (бывшем казачьем остроге), и о том, как мы с ним в дружном тендеме шли потом по жизни, преодолевая взлёты и падения, пытаясь тво-

Сергей Вахрин

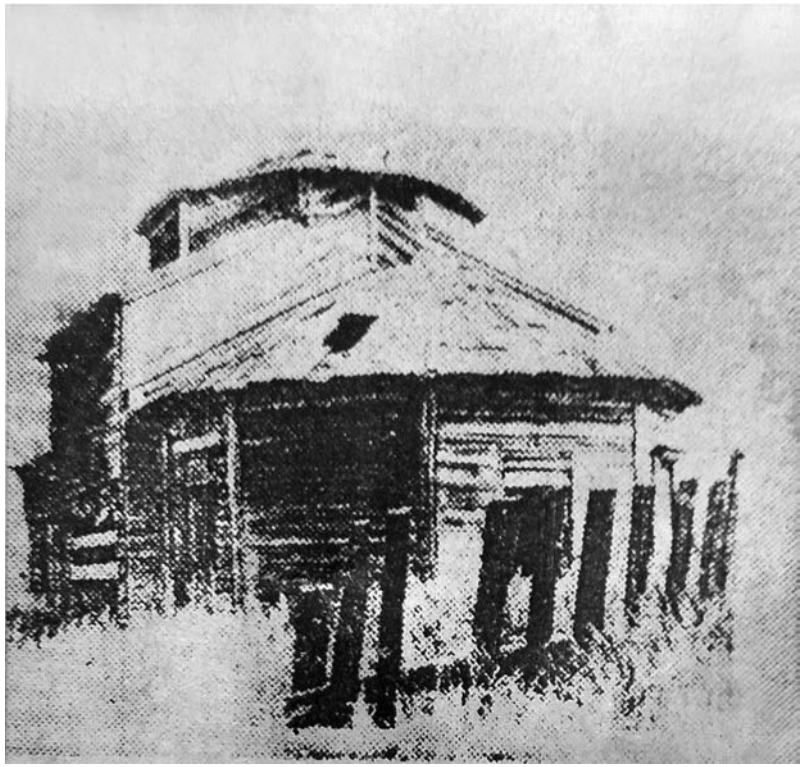
Николай Бушнев

рить доброе и нужное. Потому как у нас совпадало мировоззрение: «Не хлебом единым жив человек».

***

А началось с того, что я впервые увидел Успенскую церковь в 1969 году, когда мы с комсомольцами Усть-Камчатска совершали лыжный пробег в честь 100-летия со дня рождения вождя Пролетариата В. И. Ленина, по маршруту Усть-Камчатск — Петропавловск-Камчатский.

Почти совсем порушенная, печальным своим зрелищем она тронула меня, и я в своём походном дневнике описал эту встречу, хотя в то время, в душу тут же по-

Церковь Успения Божьей Матери до восстановления

ползли атеистические мысли активного комсомольца: «Мало ли в стране развалённых церквей. Вот и в этой церкви рыбколхоз ремонтировал трактора да движки для моторных лодок. Чего зря помещению пустовать». А в 1970 году я приобрёл книгу С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Он в первой половине 18 века описывал жизнь и быт населения Камчатки, а также и состояние казачьих острогов, в том числе

и Нижнекамчатского. Книга поразила меня подробностью описания, информативностью и направила на другое восприятие, значимости церкви и острога.

С тех пор, заинтересовавшись историей Камчатки, я с большим интересом стал читать всё, что касалось этой темы, и художественную литературу, и научные труды — что мог достать либо увидеть в библиотеках.

Надо отметить, всё это делалось урывками насколько позволяло свободное время, которого у меня, специалиста и организатора работ на производстве, оставалось не так много.

Однажды, летом 1971 года, мой товарищ Володя Макаров, рыбак Усть-Камчатского рыбколхоза, вернулся с путины от Нижнекамчатска, где летом бригадой рыбачили сплавными сетями. Их стоянка была у устья речки Радуги, на берегу которой, при впадении этой речки в многоводную Камчатку, и стояла та порушенная церковь. Он мне подарил несколько монет, найденных на отмели речки Радуги. Медные монеты 1828, 1750, а самая интересная мелкая монетка — полушка 1747 года. Я запомнил её потому что она была с трещиной, идущей до средины монетки. Володя рассказал, что речка эта на изгибе, подмывая крутой берег, смывала старинное кладбище и что после большой воды даже кости можно было найти на отмелях. Эти новые сведения «подлили масла в огонь» моего увлечения историей Камчатки. И я ещё с большим рвением читал, изучал, впитывал, погружался в историю полу-

острова. Даже поражающая красота Камчатки стала восприниматься мною по-особому.

***

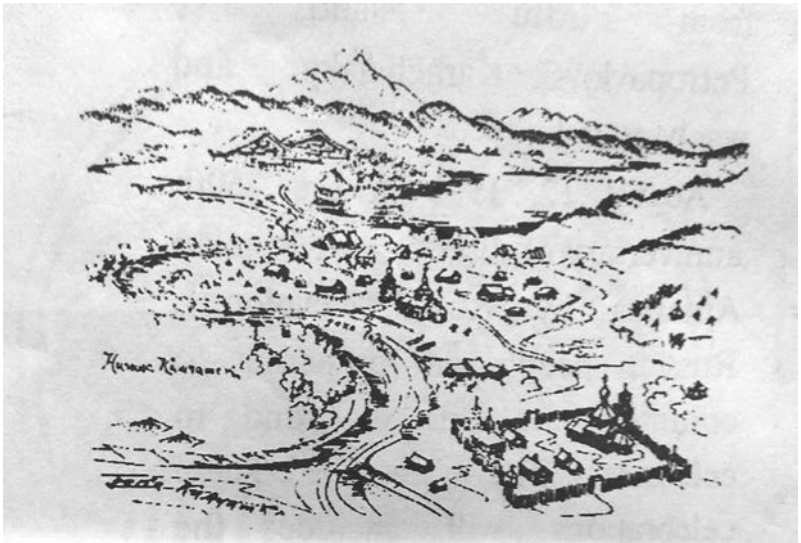
Шли годы, производственный карьерный рост всё дальше удалял меня от Усть-Камчатска. И в 1980 году я переселился в город Петропавловск-Камчатский уже как работник управления производственным объединением «Камчатлес». И однажды в городе моя жена встретила своего однокурсника, учителя Сергея Вахрина, который после института отработал в Краснодаре и возвратился на свою малую родину — Камчатку. Теперь он работал уже журналистом. Он со студенческих лет начал заниматься историей России и в Краснодарском крае издал книгу «Биография кубанских названий». Это историко-научное исследование происхождения названий станиц и городов Кубани. Кстати, материалы этих его исследований были включены в программу институтов усовершенствования учителей Краснодарского края. А с начала 80-х он уже работал над рукописью романа о камчатских бунтарях под предводительством Морица Беньёвского. Сергей более обстоятельно занимался литературной деятельностью. У него оказалось много исторической литературы и научно-исследовательских работ по истории Северо-Востока и Камчатки. Я зачастил к нему, показывая свои «писания», он тоже давал мне почитать и оценить написанную свежую главку для книги. Потом беседовали, обсуждали, уточняли, короче общались

по интересам. Читая его исторически выверенные, грамотно написанные рукописи, я невольно ловил себя на мысли, что мне, «технарю-дуболому» ещё многому надо подучиться в работе со словом.

Вскоре я стал посещать литературное объединение молодых писателей «Земля над океаном», которое от Камчатского отделения Союза писателей СССР вёл замечательный знаток русского языка — поэт Евгений Игнатьевич Сигарёв. Я был в звене прозаиков. Нам он уделял особое внимание, так как наши тексты намного объёмнее, чем стихи. Многолетние чтения исторических романов советских писателей, историко-научных статей, архивов, творческие посиделки у Вахрина, разбор и обсуждение моих рукописей у Сигарева в «Земле над океаном» — всё это оказалось отличным самообразованием, и я это чувствовал.

К тому времени, уже вооружённый более глубокими познаниями истории Камчатки, я окончательно понял историческую ценность и значимость заброшенной церкви в Нижнекамчатске. При советской идеологии почти никто не придавал ей значения.

В 1981 году я опубликовал в газете «Камчатский комсомолец» повествование по записям из моего дневника того сверхдальнего лыжного пробега в честь 100-летия Ленина. И тогда из публикации увлекающиеся чтением жители Камчатки и узнали, что на полуострове есть такой памятник старины. Вот, что говорится о ней в сведениях, дошедших до нашего времени.

Нижнекамчатский острог, 1843 год

В 1843 году епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий Вениаминов (будущий митрополит Московский и Коломенский), путешествуя по вверенной ему епархии, посетил Нижнекамчатск. В своём путевом журнале он написал: «Церковь деревянная, прочная, собранная из двух существовавших в остроге до 1827 года, проповеднической Успенской и приходской Николаевской. Престол в ней один в честь и память Успения Пресвятой Богородицы. Колокольня начата строиться пока недокончена за неимением средств. Утвари, ризницы и образов в серебряных ризах очень много. Так что всего серебра и утвари до пяти пудов

Епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий Вениаминов (будущий митрополит Московский и Коломенский)

и в этом отношении она есть первая из всех камчатских и прочих в этой епархии...»

В повседневных заботах, размерено и безмятежно катилась жизнь. Мы работали и занимались творчеством, наш надёжный, как нам казалось, «корабль Социализма» всё ещё держал курс на — коммунизм.

***

И тут в 1985 году к власти пришёл молодой реформатор Михаил Горбачёв, выходец из «декоративного комсомола», из которого тогда уже стала осмеливаться молодёжь вслух попросить: «Партия — дай порулить». Дали, и повёл он «корабль Социализма» к гибели. Но институты власти и общественной жизни страны как бы не замечали этого и пытались еще функционировать по инерции.

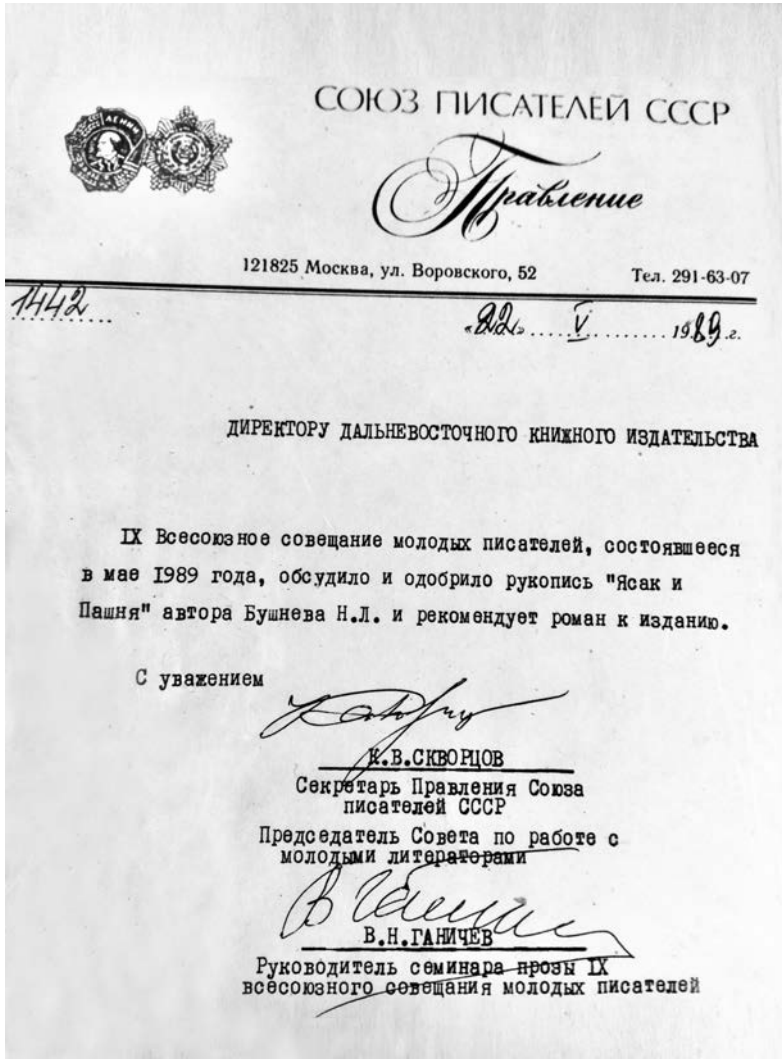
В 1987 году я перешёл на выборную должность Председателя ОБКОМА профсоюзов лесных отраслей. У меня появилось больше времени на литературную деятельность. И в 1989 году Союз писателей СССР совместно с ЦК ВЛКСМ объявили конкурс на участие в IX Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Для этого надо было выслать рукописи своих работ и ждать вызова, чтобы летом принять участие в том совещании. Конечно же, мы с Сергеем выслали свои работы. Он свою рукопись книги «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», а я рукопись первой книги о плавании бота «Святой Гавриил» к берегам Америки и возникновении вышеупомянутого Нижнекамчатского

острога после бунта ительменов под предводительством Фёдора Харчина.

После рассмотрения рукописей в Москве мы с Сергеем получили вызов. В столице всех приглашённых разбили по секциям: стихи, детская литература, детективная и историческая проза. Наша секция «историческая проза», председателем её был писатель-историк Ганичев В. Н., а рецензором — писатель-историк В. Иванов. Там мы выслушали подробный разбор наших романов и с их одобрением получили рекомендации на издание. К нашей большой радости, это «крещение» в высшей писательской организации Советского Союза открывало нам путь в большую литературу и во вступление в Союз писателей СССР.

***

Пресловутая «перестройка», объявленная Горбачёвым, добила основу государства — экономику. Лишила заводы и предприятия плановых поставок новой техники и технологии, а также запчастей к механизмам. Заодно лишила и планов на реализацию создаваемой продукции. Это неизбежно привело к краху производства во всех отраслях промышленности. К примеру, из-за таких действий уже в 1989 году всеми леспромхозами Камчатки было заготовлено лишь 60 тыс. кубометров древесины за год. А это в 13 раз меньше объёма лесозаготовок полуострова в сравнении с довоенным 1940 годом. Только вдумайтесь «перестройка» отбросила лесную отрасль

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Правление

121825 Москва, ул. Воровского, 52 Тел. 291-63-07

1442 «22» V 1989 г.

ДИРЕКТОРУ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

IX Всесоюзное совещание молодых писателей, состоявшееся в мае 1989 года, обсудило и одобрило рукопись "Ясак и Пашня" автора Бушнева Н.Л. и рекомендует роман к изданию.

С уважением

К.В.СКВОРЦОВ
Секретарь Правления Союза писателей СССР
Председатель Совета по работе с молодыми литераторами

В.Н.ГАНИЧЕВ
Руководитель семинара прозы IX всесоюзного совещания молодых писателей

Рекомендация на издание исторического романа Николая Бушнева «Ясак и Пашня», подписанная Ганичевым В. Н.

на 60 лет назад. И так во всех добывающих отраслях страны.

Мы, современники той эпохи, даже в страшном сне не могли представить себе такой бесславный конец Великого Советского Союза. Становится ясно, что такое могло случиться во многом из-за предательства в высших эшелонах страны и по другим причинам. Особую тяжесть возникшей обстановки с её сложностью и отчаянием испытывали руководители ведомственных предприятий того времени. На местах предпринимались трудные поиски: как содержать ведомственные посёлки и сохранить производство при рухнувших объёмах реализуемой продукции из-за закрытия цехов и даже полностью свёртывания предприятий. Всё тщетно!

Отсутствовали средства на содержание производственных мощностей, а также детских учреждений, школ, медпунктов, клубов, котельных и электростанций.

Возникли проблемы по отоплению и освещению посёлков. Не ясны были и вопросы по переселению жителей закрывающихся посёлков. Куда? Зачем? И на какие средства? Всё это тяжелой ношей обрушилось на трудящихся, особенно в самых отдаленных регионах страны.

Тогда в добывающих отраслях все социальные объекты поселений были ведомственными и содержались за счёт предприятий. А главное, надо было решать, чем занять сокращённых рабочих и служащих.

Ведь не все могли покинуть Камчатку. На предприятиях лесной отрасти стали задерживать зарплаты, так

как некому стало сдавать продукцию. Участились волнения в коллективах и даже забастовки. Мне, в то время возглавляющему ОБКОМ профсоюзов лесных отраслей, приходилось выезжать в леспромхозы не только «тушить» волнения рабочих, но и совместно с органами власти на местах решать проблемы рабочих коллективов.

В то же время журналист Сергей Вахрин от рыбодобывающей отрасли занимался тем же. Он в своих публикациях поднимал острые вопросы и всячески добивался их решения от властных структур.

Однажды на совещании в Усть-Камчатском райисполкоме, где председателем Усть-Камчатского районного Совета народных депутатов был Валерий Николаевич Потапов, который собрал руководителей ведущих предприятий района решать наболевший вопрос: чем занимать рабочих и как выживать предприятиям в создавшейся обстановке разрухи экономики. На этом совещании представителем от рыбной отрасли оказался и Сергей Вахрин, а я — от лесной промышленности. И вот руководители предприятий района, так сказать, закостеневшие промышленники, привыкшие оперативно решать в основном текущие проблемы на своих предприятиях, долго ломали головы, пытаясь найти выход. Но все их предложения в конце концов сводились к незыблемым постулатам Социализма: «Хватай больше — кидай дальше» либо «круглое катить — плоское тащить», а государство заплатит. Не доходило

ещё тогда до многих, что государство кончается и надо включать «новое мышление», как учит «новый вождь» Горбачёв. Но как-то оно не включалось. А вот Вахрин Сергей, гуманитарий по образованию, журналист, переживающий за свой родной Усть-Камчатск, предложил свежую идею: поставить другие приоритеты в развитии экономики района. Надо создать в Усть-Камчатском районе межотраслевое объединение «Усть-Камчатск», куда могли бы входить любые предприятия района, чтобы организовать три крупных туристических комплекса. В районе Козыревска — «Толбачинский дол», в Ключах «Ключевская сопка», а в Усть-Камчатске — историко-этнографический центр «Нижнекамчатский острог». Тем более там, на месте бывшего острога, уже лесоперевалочная база планирует строить гостиницу на озере под профилакторий для своих рабочих. Деятельность этого объединения надо будет свести в общую историко-географическую программу для туризма с названием «Страна Уйкоаль». Ведь в районе есть возможность использовать аэродром города Ключи и Усть-Камчатский порт, как ворота даже для иностранного туриста. Надо там восстановить Нижнекамчатский острог и старинную церковь, построить гостиницы и в других посёлках и создавать инфраструктуру туризма. Вот вам и занятие для населения и никуда не надо будет рабочим разбегаться с Камчатки. Пообсуждав эту идею, все поддержали её. Вскоре на производственной базе лесоперевалочного

предприятия «Камчатлеса», где директором был Берёзкин Г. Б., стали создавать «Межотраслевое Объединение». На профсоюзном собрании предприятия рабочие поддержали это решение и постановили начать строить в Нижнекамчатске уже как объекты туризма гостиницу и восстанавливать старинную церковь.

Для информационного обеспечения этих начинаний Сергей создал «Общество изучения Охотско-Камчатского края и Русской Америки», в котором ответственным секретарем Общества было предложено стать мне. А при Усть-Камчатском райисполкоме организовали исторический культурно-этнографический центр «Нижнекамчатский острог». При нём создали фонд «Восстановления церкви Успения Пресвятой Богородицы», куда можно было переводить деньги на счет и подносить дары для будущего музея. Директором назначили краеведа В. И. Борисова.

Разработка направления деятельности межотраслевого объединения «Усть-Камчатск» легла на некоммерческое «Общество изучения Охотско-Камчатского края и Русской Америки», председателем которого являлся Сергей Вахрин. Для реализации данного проекта историко-туристического комплекса в Нижнекамчатске необходимо было воссоздать и острог-крепость, при котором планировали открыть историко-этнографический центр, который занимался бы проведением фестивалей национальных ансамблей, выставок прикладного творчества народов Севера, каюрные гонки

на собачьих упряжках, охота и соревнования по ловле рыбы на реке.

Рядом с острогом надо было воссоздать быт аборигенов Камчатки: юрты, балаганы, юкольники и прочее. А также создать мемориал мореходам и купцам-открывателям островов в Тихом океане, то есть Русской Америки и, конечно же, в остроге создать музей Нижнекамчатска, как столицы Камчатки и Русской Америки.

Но главное в первую очередь надо было восстановить церковь Успения Божьей Матери, являющейся колыбелью русского православия не только на Камчатке, но и в Русской Америке. Она должна стать главным объектом притягательности туристов и паломников в эти места. Это и стало первоочередной задачей нашего «Общества».

Вскоре Сергея Ивановича Вахрина пригласили работать в Камчатский Облисполком, потому как ни заметить столь активную деятельность журналиста и писателя было невозможно. Это положительно сказалось на решении многих задач, стоящих перед нами, которые надо было решать с более высокого уровня. И мы с большим рвением принялись осуществлять задуманное, во многом используя свои административные возможности: Сергей Вахрин занимал должность заместителя начальника управления культуры Камчатской области, а я был председателем ОБКОМА профсоюзов лесных отраслей области.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

«Душа еще жива...»

НОВОСТИ ЦЕНТРА «НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ»

В фонд музея

Благословляем!

В настойчивой и целеустремленной работе Сергею Ивановичу помогал его опыт блестящего журналиста, знающего историю России, когда он вел переписку с представителями православных церквей России и бывшей русской Америки на территории Аляски и Калифорнии, а также и министерством культуры России, чтобы получить поддержку в восстановлении церкви и организации её освящения.

С конца 1990 года Сергей Иванович развил активную, кипучую деятельность, направленную на эти цели. Он добился, чтобы в областной газете «Камчатский комсомолец» появился рубрика «Исторический вестник» от «Общества изучения Охотско-Камчатского края

ответственности за все, что Потому что только там они на-

ДА БУДЕТ ХРАМ!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВСЕМ БЫВШИМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНАМ КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КПСС

совершили в России большевики.

Созданное ими на крови, страхе, насилии, порабощении, обезличивании и обесчеловечивании своих граждан государство разваливается у нас на глазах.

Но партия так и не признает своих преступлений, не желает исповедаться перед своим собственным народом и

И сегодня перед всеми здравомыслящими россиянами должен быть поставлен

ходит то, по чему истосковалась человеческая душа, — нетленность общечеловеческих нравственных ценностей.

Зная, с какой болезненной подозрительностью относятся коммунисты к любой попытке коснуться своих идеологических доктрин, я призываю вас сейчас к другому.

К акту гражданского согласия.

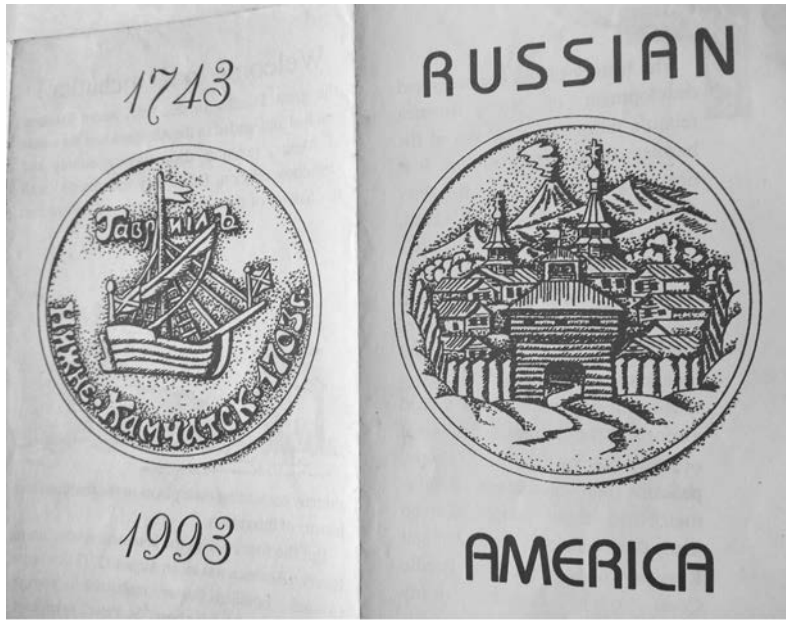
К возрождению общерусских наших святынь, увековечивающих нашу Память. В том числе и нравственную Память.

должен и сегодня, когда над Родиной нависла смертельная опасность, объединить нас всех для ее спасения.

Сергей ВАХРИН,
председатель общества изучения Охотско-Камчатского края и Русской Америки, член правления фонда восстановления Успенской церкви.

Расчетный счет фонда восстановления церкви Успения пресвятой Богородицы — № 70018 в Усть-Камчатском отделении Агропромбанка СССР.

и Русской Америки», где «для гласности» печатались бы сведения о поступлении помощи в «Фонд восстановления церкви», а также благословления этого дела от священников других церквей. Печатались и исторические материала об Охотско-Камчатском крае и Русской Америки.

В 1991 году приступили к восстановлению церкви. Отдалённость её от поселений и бездорожье, но главное — усиленное разрушение экономики полуострова и страны отрицательно сказывалось на темпах работ. Для надзора за строительством был привлечен талантливый архитектор Виталий Станиславович Блажевич,

ОБЩЕСТВО
изучения
Охотско-Камчатского
края
и Русской Америки

683030 г. ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
УЛ. КАМЧАТОВА, Д. КВ. 48 Т. 7-89-97
KAMCHATOVA ST. H. F. 48
PETROPAVLOVSK-KAMCHATSKY. USSR

THE SOCIETY OF STUDYING
THE OKHOTSK-KAMCHATKA LAND
AND THE RUSSIAN AMERICA

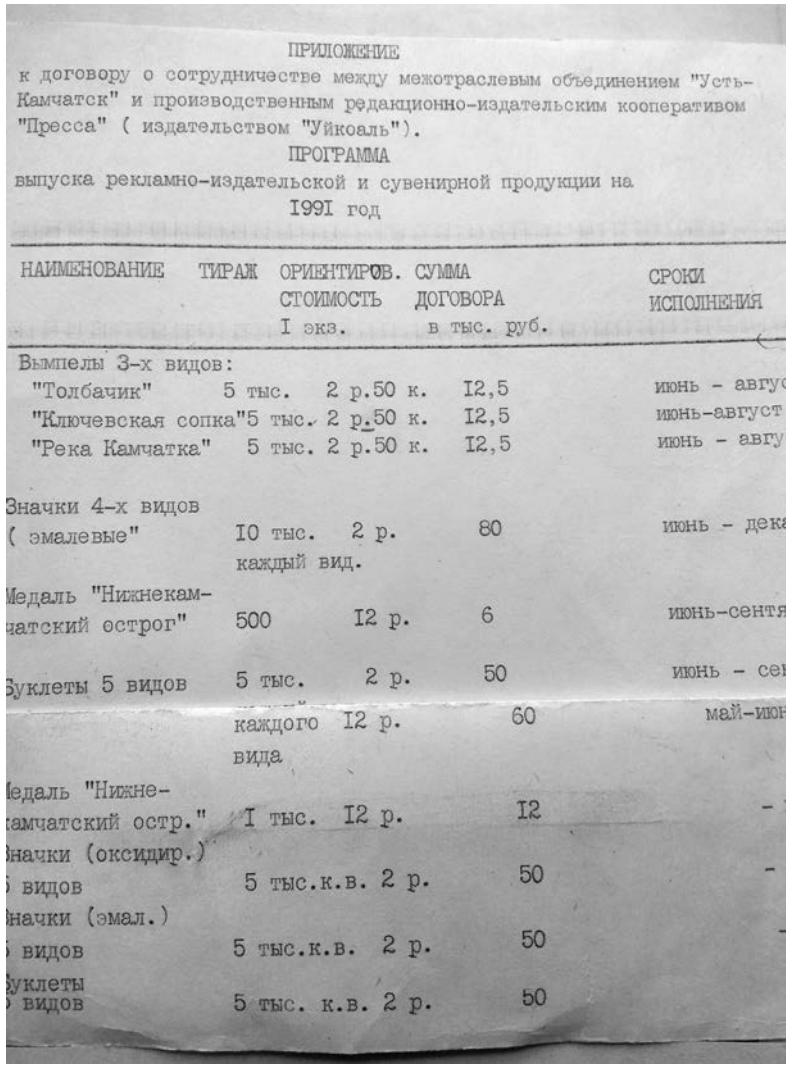
Dear friend!

On the 12th of August 1993 in Kamchatka in the Niznekamchat
ostrog there will be celebrated the 250th anniversary since
beginning of opening up of the Russian America by russian m
& manufacturers.

250 years ago on this day the Cossack Yemelyan Basov w
to the Pacific on a small sailing vessel which was built up
a single nail - it was sewn together from skins of sea ani
withe twigs. It was the ship "SAINT PETER". The vessel was
Cossak from Niznekamchatsk Yevtichij Sannikov.

And they were the first who opened the way to America
russian people who had investigated & mastered the land wh
into history of our planet under the name of Russian Ameri

Nowadays the Niznekamchatskij ostrog does not exist an
Only the former Uspenskaya church is preserved. The works
restoration are going on now, a special charity fund was e
& an account N.70018 has been opened in Usty-Kamchatsk div
the U.S.S.R. Agroprombank. On the 12th of August 1993 th
will be newly sanctified & will become working - it is the
the Russian orthodoxy in the Russian America / beginning
there were baptized Aleutians who were taken out from the

ПРИЛОЖЕНИЕ

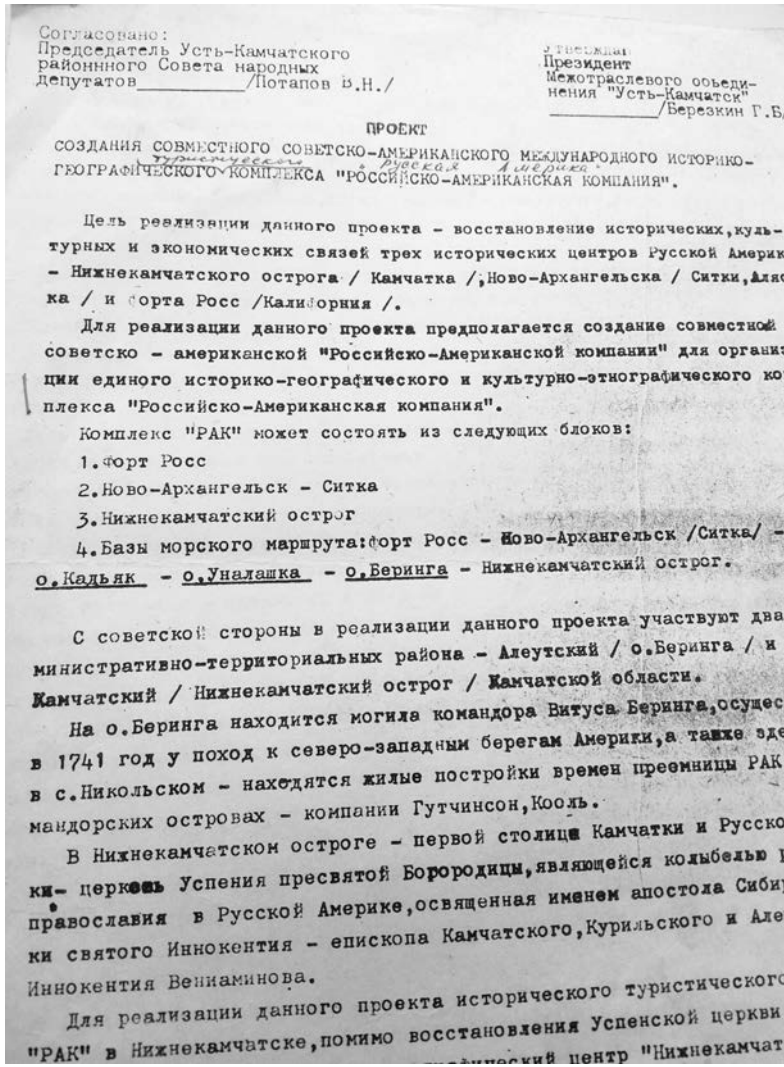
к договору о сотрудничестве между межотраслевым объединением "Усть-Камчатск" и производственным редакционно-издательским кооперативом "Пресса" (издательством "Уйкоаль").

ПРОГРАММА

выпуска рекламно-издательской и сувенирной продукции на 1991 год

НАИМЕНОВАНИЕ	ТИРАЖ	ОРИЕНТИРОВ. СТОИМОСТЬ I экз.	СУММА ДОГОВОРА в тыс. руб.	СРОКИ ИСПОЛНЕНИЯ
Вымпелы 3-х видов:				
"Толбачик"	5 тыс.	2 р.50 к.	I2,5	июнь - август
"Ключевская сопка"	5 тыс.	2 р.50 к.	I2,5	июнь-август
"Река Камчатка"	5 тыс.	2 р.50 к.	I2,5	июнь - авгус
Значки 4-х видов (эмалевые"	I0 тыс.	2 р. каждый вид.	80	июнь - дека
Медаль "Нижнекам-чатский острог"	500	I2 р.	6	июнь-сентяб
Буклеты 5 видов	5 тыс.	2 р.	50	июнь - сент
	каждого вида	I2 р.	60	май-июнь
Медаль "Нижне-камчатский остр."	I тыс.	I2 р.	I2	- х
Значки (оксидир.) 5 видов	5 тыс.к.в.	2 р.	50	- х
Значки (эмал.) 5 видов	5 тыс.к.в.	2 р.	50	-
Буклеты 5 видов	5 тыс.	к.в. 2 р.	50	

ОБЩЕСТВО
изучения
Охотско-Камчатского
края
и Русской Америки
683638 г. ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ,
ул. КИРОВА 15, КВ. 68 Т. 7-89-97
KIROVA ST. 15. F. 68
PETROPAVLOVSK-KAMCHATSKY. USSR
НИЖНЕКАМЧАТСК
1783
ALASKA
КАМЧАТПРОМО
КАМЧАТКА
КАМЧАТКА

Согласовано:
Председатель Усть-Камчатского районного Совета народных депутатов_____/Потапов В.Н./

Утверждаю
Президент
Межотраслевого объединения "Усть-Камчатск"
_____/Березкин Г.Б/

ПРОЕКТ

СОЗДАНИЯ СОВМЕСТНОГО СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА "РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ".

Цель реализации данного проекта - восстановление исторических, культурных и экономических связей трех исторических центров Русской Америки - Нижнекамчатского острога / Камчатка /, Ново-Архангельска / Ситки, Аляска / и форта Росс /Калифорния /.

Для реализации данного проекта предполагается создание совместной советско - американской "Российско-Американской компании" для организации единого историко-географического и культурно-этнографического комплекса "Российско-Американская компания".

Комплекс "РАК" может состоять из следующих блоков:

1. Форт Росс
2. Ново-Архангельск - Ситка
3. Нижнекамчатский острог
4. Базы морского маршрута: форт Росс - Ново-Архангельск /Ситка/ - о.Кадьяк - о.Уналашка - о.Беринга - Нижнекамчатский острог.

С советской стороны в реализации данного проекта участвуют два административно-территориальных района - Алеутский / о.Беринга / и Усть-Камчатский / Нижнекамчатский острог / Камчатской области.

На о.Беринга находится могила командора Витуса Беринга, осуществ... в 1741 год у поход к северо-западным берегам Америки, а также здес... в с.Никольском - находятся жилые постройки времен преемницы РАК ... мандорских островах - компании Гутчинсон, Кооль.

В Нижнекамчатском остроге - первой столице Камчатки и Русской ... ки - церковь Успения пресвятой Богородицы, являющейся колыбелью ру... православия в Русской Америке, освященная именем апостола Сибири ... ки святого Иннокентия - епископа Камчатского, Курильского и Алеут... Иннокентия Вениаминова.

Для реализации данного проекта исторического туристического ... "РАК" в Нижнекамчатске, помимо восстановления Успенской церкви, ...ческий центр "Нижнекамчатс...

который из центральной России на время переехал в Усть-Камчатск. Кроме основной работы он разрабатывал буклеты, значки, медали для будущей туристической деятельности. В планах объединения «Усть-Камчатск» появилась программа «Выпуска рекламно-издательской и сувенирной продукции» на два года.

Так как приближалась дата 250-летия с начала промыслового освоения Русской Америки со стороны России, то в Облисполкоме решили приурочить к этой дате готовность «Успенской церкви» к открытию и ее освящению.

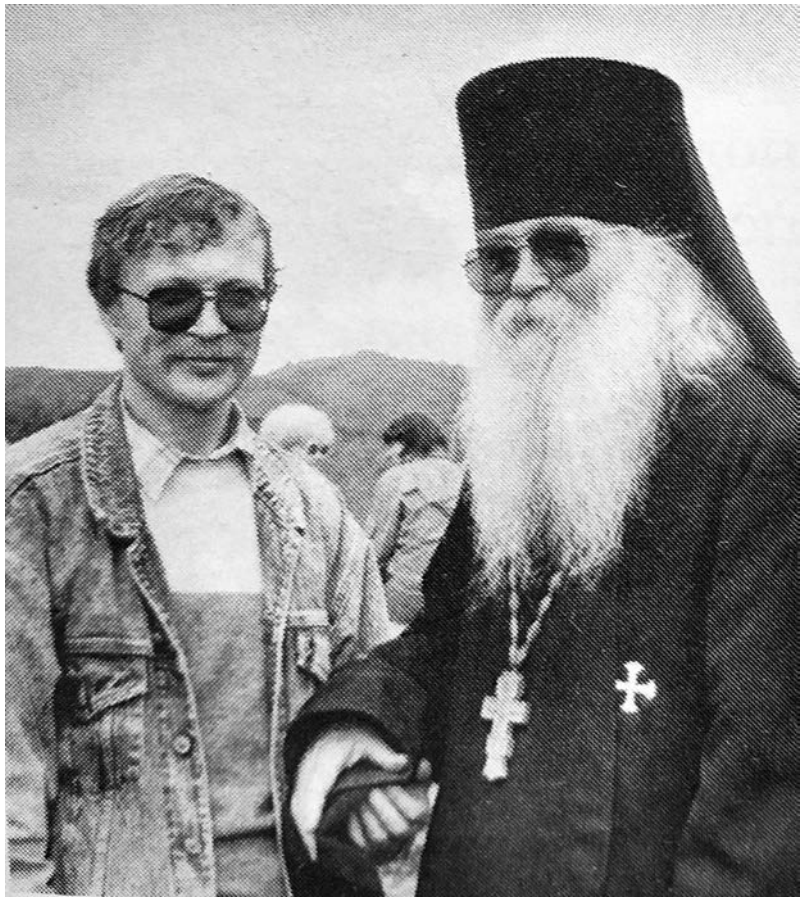
Сергей вёл переписку с православными церквями Аляски в городах Ново-Архангельск и Ситка, а также в Калифорнии — Форт-Росс, высылая им приглашение принять участие в освящении нововосстановленной церкви Успения Пресвятой Богородицы — матери церквей Русской Америки. Это он делал еще и с прицелом на будущее с целью прощупать возможность по привлечению паломников православных церквей по кольцевому туристическому маршруту — «Аляска-Калифорния — Нижнекамчатск».

Все эти мероприятия находили отклик у населения Камчатки. Потому как они теплили надежды на какие-то положительные перспективы жизни. Люди присылали пожертвования в фонд восстановления церкви. Несмотря на отдаленность от населенных пунктов, некоторые на лодках, катерках, мотоциклах по бездорожью добиралась в Нижнекамчатска, чтобы чем-то по-

мочь или просто посмотреть на восстановление церкви. И мы, организаторы, видели, что это дело живое, нужное в то время людям, поэтому продолжали продвигать начатое.

Виталлий Блажевич руководил реставрацией церкви, а я обеспечивал поставки лесоматериалов. В то время еще действовали Советские законы, и внеплановые расходы материалов по закону запрещались. Лазейки были только через профсоюз. А Сергей Иванович «держал» внешний фронт дела и его перспективу.

Шло время, и его усилия стали приносить плоды. Пришло согласие, что из штата Аляска для этой исторической миссии в Нижнекамчатск прибудет с делегацией священников из православных церквей Америки сам праправнук русского митрополита Московского и Коломенского — Иннокентия, 90-летний иеромонах тоже Иннокентий Вениаминов. Это обрадовало и озадачило нас. Гостей пригласили, а на какие средства встречать? И вновь началась самоотверженная работа нашего «предводителя» Вахрина. Даже имея такой «козырь», как согласие приезда делегации из Америки на Камчатку с гуманитарным визитом, Сергею непросто пришлось достучаться до правительства тогдашней России. Он подключил и министерство культуры России и представителя православия — епископа Хабаровского и Владивостокского — Гавриила, а также руководство Камчаткой области. Сработало. Камчатка получила распоряжение премьер-министра Российской федерации Виктора Сте-

Сергей Вахрин и иеромонах Иннокентий Вениаминов

пановича Черномырдина о проведении в Нижнекамчатске празднования в честь 250-летия с начала промыслового освоения россиянами островов Тихого океана и Русской Америки.

Но, видимо, Господь отвернулся от безбожной в то

время России, и для страны тяжёлые времена всё ещё усугублялись. Лицемерная «дружеская» политика Америки продлилась недолго. Это особенно было видно на окраинах страны. Получив очередную подачку с Дальнего Востока: втихаря через Шеварднадзе и Горбачёва отхватили часть Берингова моря, где были рыбные и китовые промыслы СССР, Америка, видя, что это прошло тихо, приступила уже не таясь раздербанивать некогда мощную рыбную отрасль страны через своих посредников. Из-за передряг в руководстве страны правительство стало терять контроль за жизнью окраин государства. Перебои с поставкой на полуостров нефтепродуктов особенно на Север области грозили полным коллапсом. Только представьте, что в главном городе Камчатки — Петропавловске, электричество подавалось по три часа в день. Как готовить пищу в городских квартирах без газа и печей? Как работать без отопления и воды больницам, школам, детсадам? Даже светофоры не работали. Всё это создавало панику, хаос, отчаяние. Жители как «манны небесной» ждали прибытия танкера с топливом. А в посёлках размораживались системы отопления. Всё длительнее становились перебои с электричеством. Так, в Усть-Камчатске, в многоквартирных домах, с размороженной системой отопления, оставшиеся жители, чтобы обогреть свои квартиры, распиливали на дрова стены соседних квартир, брошенных уехавшими из посёлка. Там, где ещё еле теплилось производство, зарплату выдали продукцией. Бывшие рыбо-

ловецкие колхозы из-за отсутствия поставок запчастей и топлива не могли содержать рыбацкий флот и резали его на металлолом, чтобы как-то зарабатывать. Досадно и больно было наблюдать катастрофу Державы. Я видел сам, как прапорщики продавали электрику, тросики, трубочки, разные приборы, содранные с военного крейсера «Камчатский комсомолец», который готовили на продажу в Китай, как металлолом. И так повсюду растаскивали страну. Очень заметно было, что Коммунистическая партия стала дистанцироваться от проблем населения, перекинув заботы о трудящихся на плечи работников профсоюзов, которые были второй силой власти при Социализме. Они-то и выслушивали, принимая на себя всю ярость и негодования рабочего класса в адрес власти. До столкновений, конечно, не доходило, но были призывы: «Бей коммунистов!» Стали учащаться самозахваты производственной техники и оборудования в счет невыплаченной зарплаты и тому подобное. Четыре года чрезвычайной нервозности и негатива окончательно подточили моё здоровье. И в 1992 году из-за тяжелой болезни и серьезной операции я был вынужден покинуть ставшую близкой мне Камчатку. Перебрался к родственникам на теплый юг, в Адыгею.

А празднование и освящение восстановленной нами церкви состоялось 12 августа 1993 года. И поныне эта восстановленная церковь Успения Божьей Матери стоит во все еще заброшенном селе, являясь единственным на Дальнем Востоке России памятником русского зод-

чества и самой значимой в истории освоения островов Тихого океана — первой русской миссионерской церковью на границе двух континентов.

***

Шло время. Реформаторы при президенте Ельцине под диктовку западных советников делали всё, чтобы уклад жизни населения страны скатывался к «дикому капитализму». Предприятия Усть-Камчатского района, как и всей Камчатки, распадались на мелкие. Усилился отток населения с полуострова. Конечно же, из-за таких форс-мажорных обстоятельств, свалившихся на страну, зарождающееся объединение «Усть-Камчатск» прекратило своё существование.

В органы управления областью пришли новые люди, которые уже никак не могли повлиять на улучшение жизни народа. Поэтому почти основой выживания населения становилось браконьерство. Средством наживы для новых капиталистов стал незаконный нелимитированный лов рыбы и продажа ее за границу. Как свора псов, иностранные фирмы бросились в наши территориальные воды расхищать рыбные ресурсы ослабевшей страны.

Сергей Иванович Вахрин, как истинный борец за справедливость, перешел в органы Рыбнадзора. По должности и как журналист, он принялся защищать интересы законной деятельности камчатских рыбопромышленников, но не бросил и свою деятельность писателя-историка.

Вскоре учредил благотворительный «Общественный фонд спасения лососей Камчатки» с целью противодействия незаконным промыслам морепродуктов в шельфовой зоне полуострова. Его фонд поддержали начальники «Камчатрывода», «Охотскрыбвода», «Приморскрыбвода», «Сахалинрыбвода» и «Амуррыбвода». Для освещения деятельности фонда был создан региональный рыбацкий информационный журнал «Северная Пацифика». Возглавляя фонд и будучи редактором журнала, в котором он поднимал острые вопросы о расхищении рыбных ресурсов страны иностранными инвесторами. О незаконной добыче рыбы и краба в континентальном шельфе Камчатки, о грабительских соглашениях иностранных фирм с камчатскими предпринимателями, о браконьерстве путем сдачи уловов рыбы и краба прямо в море перекупщикам-иностранцам и так далее. Одни только названия цикла статей в журналах говорят о серьезности и остроте проблем для страны. Такие как: «Крабовая лихорадка», «Грабительский проект», «Траловые войны» и т. п. Также он поднимал острые вопросы и о жизни в рыбацких поселениях и в прессе, и в телефильмах. Самый яркий захватывающий и щемящий душу его репортаж и телефильм о закрывающимся посёлке, где он родился и вырос Усть-Камчатске, названный «Я родом из Японии». Это правдивый, хлёсткий крик души журналиста с большой буквы. Конечно же, я не могу не привести цитату автора из предисловия к его фильму: «...

Но а причём тут Япония? При том, что именно в Японии я нашёл то, что казалось мне навсегда потеряно в России: — а именно, любовь к родному очагу, почитание стариков, сохранение народной памяти, бережное отношение к природе.

Это фильм о войне позднего Советского, а теперь Российского государства с собственным народом, войне необъявленной и тайной, но от этого, наверное, ещё более подлой и зверской, чем в войнах, если можно так о них сказать, обыкновенных...» Этот штрих к портрету Сергея Вахрина говорит сам за себя. И это во времена разгула мафии и братков, участвующих в переделах собственности и конкуренциях в промышленности.

***

Я из Адыгеи с беспокойством наблюдал за активной деятельностью друга, читая его публикации и просматривая фильмы. Удивлялся журналистскому таланту, способному через статьи достучаться до ума и сердца неравнодушных читателей, которых в то время было большинство. Однажды после убийства начальника таможенной погранслужбы на Дальней Востоке, я позвонил нашему сотоварищу, тоже журналисту Володе Гусеву, директору издательства «Камшат». Они с Сергеем сотрудничали, издавая информационный журнал «Камчатка». Его рассказ меня взволновал:

— После выхода фильма «Я родом из Японии» и после цикла статей «Крабовая лихорадка» кто-то делает попытки отстранить Сергея от журналистики

и от «Благотворительного общественного фонда спасения лососей Камчатки». У него в фонде какую-то подставу устроили и сейчас пытаются обвинить его якобы в незаконном использовании финансов, но это — «дохлое дело». Серёга-то бессребреник. А я тут пытаюсь придерживать его, чтобы он поаккуратнее с капиталистами был, а особенно с браконьерами. Ведь и грохнуть могут. Говорю ему: зачем дразнить, ведь «плетью обуха не перешибёшь. Но ты же знаешь его, ершистого упрямца, в любом деле он пашет глубоко до правды-матки. А не всем она нужна».

Постепенно экономика страны отходила от шока и медленно вливалась в созидательное русло. Сергей Вахрин становился заслуженным авторитетом в вопросах рыбной отрасли. Он был постоянным участником совещаний и дискуссий в департаменте по рыболовству в администрации Камчатской области. Часто выезжал и в Комитет Российской Федерации по рыболовству, где в составе делегации от Камчатки отстаивал интересы рыбопромышленников полуострова. Так что Сергей, как всегда, был загружен по уши. Приходилось только удивляться, как он успевал так продуктивно работать, совмещая рыбацкий и литературный «фронт».

***

А я только к средине 90-х полностью восстановил здоровье и устроился в АО «Адыгеятурист». В качестве администратора, меня направили на восстановление после разрухи горнолыжной турбазы «Лаго-Наки». Че-

турбазы «Лаго-Наки», «Горная» и турприюты на альпике, я все время обращал внимание на камни, их красоту и гармонию.

Адыгея – одна из обладательниц природной кладовой камня – удивительного по красоте и содержанию. Тут, как нигде, просматривается каменная летопись земли. Долина реки Белой и ее притоков уникальна присутствием выходов всех видов пород. Это отложения четвертичного, неогенового, палеогенового и мезозойского, а местами и докембрийского возраста. Осадочные породы богаты органогенными известняками, доломитами, окаменелостями моллюсков, песчаниками и глинистыми сланцами. Магматические (излившиеся наверх) породы представлены пегматитами, базальтами, разнообразными по красоте кварцитами и т.д. Метаморфические (измененные) породы, образованные под влиянием высокой температуры и давления на контакте холодных верхних пород с выходящей горячей магмой, наиболее интересны. При тектонических воздействиях наружу выталкивались и более древние породы – мегматиты. Они богаты цветными гранулитами, эклогитами, филлитами, слюдяными сланцами и многими другими самоцветами.

Красивый камень трудно найти, но легко заметить, поднять, полюбоваться. Но иногда самые удивительные камни я нахожу просто под ногами. Посмотрите на них, они могут молчать, могут говорить. Камни – это замедленная жизнь, которую однажды можно понять.

рез два года разрушенная в горах «горнолыжка» стала приносить доходы. Меня перевели на другую турбазу «Горная», назначив директором. Тут почти четыре года понадобилось, чтобы оживить турбазу и, построив в горах турприюты, запустить знаменитый в Советское время пеший 30-й маршрут «Через горы к морю» в Дагомыс. И, естественно, как только восстановленные турбазы стали приносить устойчивые доходы, «новые русские» капиталисты, скупив акции, приобрели эти турбазы и, придав забвению турфирму «Адыгеятурист», проводили меня без обещанных дивидендов. К этому времени моё коммунистической мировоззрение уже изрядно повыветрилось, и я решил, то есть вынужден был, сделать шаг в сторону капитализма. Неподалёку от турбазы я взял в аренду часть леса, отсыпал дорожки, вдоль которых стал устанавливать из камня, дерева, корнищ разные фигуры, снабжая их шуточными, смешными комментариями. Так и создался прогулочный парк «Фантазий и Приколов», который начали посещать отдыхающие с ближней турбазы. Я стал предпринимателем. С годами парк разрастался, и мне пришлось уже делать более мелкие работы прикладного искусства, заполняя ими крытые павильоны с подсветкой. Я так загрузил себя, что не заметил, как пролетели годы лишь с редкими переговорами по телефону с друзьями-камчадалами, которым тоже было нелегко выживать в новой России. Ведь не так-то просто сформированным в идеологии социализма «ломать

себя через колено» подстраиваться к новому жизненному укладу, негреющему твою душу.

***

Шёл 2012 год. Однажды мне позвонил Карташов Александр Васильевич из Усть-Камчатска — это мой друг. В 1968 году он, как и я, прибыл на Камчатку после учёбы по распределению — деревообработчик. Естественно, мы сдружились. Вместе холостяковали, потом были на свадьбах друг у друга.

Цепкая память вернула меня ко времени на полвека назад, и стали всплывать сценки жизни из нашей бурной молодости. Я вновь увидел того молодого, стройного, обаятельного парня Александра. Он оказался общительным, порядочным и надежным в дружбе человеком. Легкий на подъём шутник быстро влился в нашу дружную и веселую компанию молодых специалистов лесопромышленников — недавних студентов.

Надо отметить, что в то время идеологическая работа, проводившаяся в школе, в институте, плюс студенческое братство да ещё и комсомол всё это формировало молодого человека быть общительным, дружелюбным и полезным обществу. Мы были «заряжены» на добросовестный труд под девизом: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Всегда ответственно относились к работе, потом уже занимались спортом, бегали на танцы, а по выходным ходили в походы с ночёвками и песнями у костра. В горах мыса Камчатского мы построили избушку-приют. Зимою спускались там со склонов гор

Александр Карташов

на лыжах, а после сильных пург, когда на вершинах обрывистых сопок образовывались навесы от намётов снега, мы, безрассудно рискуя, забирались сверху на эти сугробы и, обрушивая их, устремлялись вместе с лавиной в ложбину меж гор. Так получали порцию адреналина и самоутверждения.

В нашу компанию вливались и девчонки, тоже молодые специалистки, отучившиеся в Хабаровске и Владивостоке. Они такие же отчаянные энтузиасты — наши настоящие друзья.

Как-то летом в этих горах мы затеяли съёмку любительского фильма про индейцев и бледнолицых. Всё, как положено, с боями и приключениями. На съёмках у нас был даже медвежонок. Весной он вышел к наше-

Загар на снежниках

му приюту. Как и почему он отбился от своей «матухи» — неизвестно. Но мы с неделю всё ожидали её прихода за ним и держали медвежонка в доступном месте на приюте.

До нас в Усть-Камчатске никто так насыщенно и дружно не проводил свой досуг. И наша популярность среди местной молодежи росла.

В то время учебные заведения страны регулярно направляли на Камчатку молодых специалистов. Вскоре нашу компанию пополнили ещё выпускники Красноярского «Сибирского технологического института». Это се-

Николай Бушнев на спуске малой лавины

мья Вениных. Николай и Тамара с малышом Анатолием. С Николаем я встречался ещё в институте. Он учился на два курса младше моего, но мы с ним были участниками художественной самодеятельности нашего факультета. Коля — гитарист, заядлый скалолаз — «столбист» и исполнитель туристических песен. Тамара его сокурсница, она родом с Камчатки. Такая же неудержимая туристка, как и Николай. Они привезли несколько магнитофонных кассет с песнями начинающего тогда, но уже негласно запрещённого певца Владимира Высоцкого и известного барда Юрия Визбора. Это были кумиры молодёжи, и мы часто «могучей кучкой» заваливались к Вениным в двушку и, кто сидя, кто лежа

Николай Бушнев (в центре) — вождь племени гуронов

на полу, слушали мощного Высоцкого и романтика Визбора. Гостеприимная Тамара всегда умудрялась накормить нашу «ораву» свежеприготовленной пищей за что и получила от нас уважительное звание — «Мамка».

Вскоре кому-то это не понравилось. Райком партии поручил вновь назначенному секретарю Райкома комсомола Зинаиде Бубен разобраться с нестандартным кучкованием молодых специалистов. Она через наших девчонок влилась в нашу компанию и вскоре, «разо-

Отряд бледнолицых

бравшись», стала тоже слушать Высоцкого и ходить с нами на горный приют. Как ей удалось рассеять некие подозрения райкома о нашем, якобы, идейном несоответствии, мне неведомо.

А в то время негласный надзор действительно был… Однажды ко мне на мастерский участок подошёл человек средних лет, и оглядевшись, заговорил:

— Добрый день, Николай! Надо серьезно поговорить.

— Откуда вы меня знаете? — удивился я.

Александр Карташов крайний справа

Он многозначительно улыбнулся и, показывая удостоверение КГБ продолжил:

— Мне известно, что вы сейчас проходите кандидатский стаж в члены партии. Похвально. Значит, сознательность ваша на высоте, и вы со мной, думаю, согласитесь. Дело в том, что ваше предприятие ежегодно отгружает лес на экспорт в Японию и на каждую отправку продукции от капиталистов приходят к вам рекламации. То недостача леса, то его засортировка. Годы идут, а непорядки продолжаются. Где могут быть сбои? Либо на перегрузке леса в море на рейде. Там у вас ныне молодой мастер Солянов ведает учётом и перегрузкой леса, а может тут, на берегу, на лесобирже завышается качество лесопродукции. Так вот как будущему коммунисту вам надо принципиально

Кинооператор и автор сценария Николай Бушнев

обратить внимание на эту проблему и свои соображения предоставить нам в комитет. Торопиться не надо. Внимательно поизучайте этот вопрос. Это поможет нам вместе с Вами поправить столь важное для престижа государства дело. Вот Вам мой телефон. При разговоре по связи называйтесь другим именем. К примеру — «Антон». Я думаю, мы договорились. Ведь это долг каждого сознательного товарища.

Попрощавшись, он ушёл, оставив меня с каким-то неприятным ощущением. Вечером, перед выходом нашей компании на танцы в районный ДК, я по пути зашёл к Виктору Солянову. На подходе к двухквартирному дому из бруса, где он проживал, до меня донёсся терпкий соленоватый запах рыбы. «О, Витькина мама вымоченные солёные головки кижуча отваривает», — мелькнула мысль. Я вошел в их квартиру и, увидев его маму, заговорил:

— Добрый вечер, Михайловна! Витёк дома?

— В своей комнате. Там с Валеркой на танцульки собираются, — кивнула она головой.

Евдокия Лях

Валера Куликанов — одноклассник Виктора. Он уже высококлассный сварщик, комсомолец, передовик производства. Его портрет висел на стенде «Передовики производства» на площади у Райисполкома. Тоже холостяк. Всё ищет похожую на артистку Гурченко.

Поздоровавшись, я сразу поведал друзьям о моей встрече с офицером КГБ. Виктор ухмыльнулся:

— И до тебя дошли. Со мной тоже месяц назад беседовал. Все выведывал об отношении нашего начальника Глея со стивидорами на судах. Ведь Глей, как начальник, коносаменты на отгруженную продукцию подписывает.

Просил, чтобы я внимательнее за тальманшами нашими следил и иногда перемер древесины устраивал, как ответственный за работу учёта. Короче, стукачом быть. А ты не бери в голову. У них своя служба, у нас своя работа, — заключил он.

Валера, выслушав нас, озабоченно проговорил:

— Это что же: вы теперь и за мной будете присматривать?

Виктор, сделав серьезный вид, ответил:

— А как же? Веди себя хорошо — не будем. Не то распоясался. На прошлых танцах я видел, как ты нашу подружку Евдокию Лях охмурять пытался. Непорядок. Надо будет доложить в КГБ.

— Чё, теперь со своими девчонками и шутковать нельзя. Я-то всегда помню, что она нам как сестрёнка, — взъерошился Валерий.

— Не заводись, я о том, что наша компашка под присмотром. Зина же предупреждала, что могут и еще кого-то назначить присматривать за нами. Так что в горах и на посиделках, когда мы шутим да дуркуем меж собой, границы приличия соблюдать надо. А то при нашем консервативном секретаре райкома партии можем и 24 часа на высылку из района схлопотать. Да ладно… Забыли об этом, — отмахнулся Виктор и продолжил. — Сегодня на работе я промёрз. Там, на рейде, промозглая хмарь тянет с океана. Так что сопли выжимает. Мама головки рыбьи отварила. Предлагаю для задора перед танцами по 100 грамм спиртика под малосольные

головки с картошечкой. А-а-а? Или когда зайдём за Сашкой да Володькой в общагу и там с ними подзадоримся?

Валерий засомневался:

— Этот длинный Сашко и без выпивки всегда задорный. Он на танцах от девчат задорится. К тому же у этих архаровцев в общаге закусить-то нечем будет, кроме галет, — убедил нас Валера.

Я улыбнулся своим воспоминаниям и припомнил слова песни: «Как молоды мы были… Как верили в себя!»

***

Несмотря на то, что позже, по работе мне приходилось жить не в Усть-Камчатке, а в других поселениях полуострова, мы всегда встречались с Александром, пока мне ни пришлось совсем покинуть Камчатку. После закрытия советского лесоперевалочного предприятия Александр организовал небольшой деревообрабатывающий столярный кооператив на несколько станков, продолжая жить в любимом ему Усть-Камчатске.

А сейчас он мне сообщил, что восстановленная нами церковь в Нижнекамчатске из-за безнадзорности пришла в критическое состояние. И представитель Усть-Камчатской церкви отец Владимир Нестеренко с главой администрации района Тихомировым обратились к нему сделать ремонт в церкви. Они ему рассказали, что там за годы прохудилась крыша над иконостасом, пол под ним и в алтаре прогнил. Иконостас перекосило, а иконы

и образа из-за влаги пришли в негодность. Я с интересом вслушивался в голос друга, а он продолжал:

— Бревенчатые стены церкви со стороны реки заметно деформировались, и их надо срочно выравнивать. Короче, работы много, а средств на это ни у кого нет. Кое-что из денег глава администрации обещал дать на питание и на транспорт, а остальное — на совесть и сознание, потому что тут эту работу сделать больше некому. В то время у нас в цеху опять сбой работ из-за покупателя продукции. У него возникли проблемы с финансированием. Я поговорил со своей бригадой. Сам знаешь, тут у нас народ простой. В душе все христиане, они — согласились. Наша работа столярничать да плотничать, а тут ещё и для души. Выезжаем мы туда на лодках. Сорок километров — и там. Дня два-три поработаем — комары заедают — уезжаем. Пару дней дома передых. Потом материалы, какие надо, подготовим и опять туда. Хорошо, что рыбаки с рыбалки, которая у Нижнего стоит, помогают, зная, что благое дело делаем. Они оттуда рыбу на кунгасе сюда в Устья на базу привозят, а отсюда в пустые кунгасы берут наши материалы и подвозят до самого Нижнекамчатска. Короче, уже третий месяц мы так курсируем. Крышу отскоблили, заделали, а сверху накрыли мягким покрытием, уже течь не будет. Брёвна стен брусьями и болтами выровняли. Полы, где надо, перебрали с заменой балок. А теперь новый иконостас сделали и устанавливаем, но уже на подвесках, а не на опорах. Батюшка Владимир рабо-

Лесняк Володя со своей женой Татьяной, Скоринов Вадим, Карташов Александр, Лысенко Валерий

тает с нами. Всё удивляется нашей дружной работящей бригаде. Все трудяги что надо. Это Лесняк Володя со своей женой Татьяной, Скоринов Вадим, Лысенко Валерий — да ты их родителей, может, знал. Так что этой интересной работой мы раскрасили свою жизнь из-за вынужденного простоя цеха. Обнимаю, всё жду, когда ты приедешь. Неужели не тянет на Камчатку? А я бы не выдержал, пешком бы пошёл.

— Вот, Сашко! — так называл его раньше. Ни годы, ни передряги «перестройки» не сломили его добропо-

рядочности и отзывчивости. Вот он — тип человека родом из СССР.

Вскоре я созвонился и рассказал Сергею о нашем разговоре с Александром. Конечно же, упоминание о церкви «Успения» нас вернуло к нашей до конца не осуществленной идее создания историко-этнографического проекта. Мы с благодарностью порадовались за Александра, который не отказал своему порыву и на сей раз не дал погибнуть столь значимому для истории Камчатки и России Храму Православия.

А Сергей сообщил мне, что на базе общественного фонда «Спасение лососей Камчатки» он создает историко-просветительский центр «Сохраним лососей ВМЕ-

Священник Владимир Нестеренко

СТЕ!», где планируется выставочный зал по теме «Страна рыбы и рыбоедов» и зал для лекций, совещаний и презентаций. Он предложил мне сделать для центра из камня либо дерева фигуры или экспозиции по мотивам сказаний и обрядов аборигенов полуострова. Этим он всколыхнул во мне ностальгию по Камчатке, где прошла моя молодость и самые деятельные годы жизни. Я с радостью согласился.

Новый иконостас

***

Со временем жизнь и на Камчатке стала заметно улучшаться. Там начали приводить в порядок город и даже посёлки. Двадцать лет понадобилось правительству, чтобы хоть чуть-чуть зализать раны после разрушительной «перестройки». Властные структуры стали поворачиваться к социальным проблемам народа: ремонт жилья, дорог и т. д. На Камчатке, как и во всей стране, стали появляться разбогатевшие промышленники — потенциальные спонсоры и меценаты, — имеющие возможность вкладывать деньги в выгодные проекты. Стал оживать туризм. Из глубин страны потекли первые ручейки «дикого» туризма. В администрации области и районов вводились должности по организации туризма. Началось упорядочивание работы турагентов, туроператоров и деятельности турприютов и гостиниц.

Просветительский центр «Страна рыбы и рыбоедов» в городе Елизово приобрёл популярность. Там Сергей Иванович проводит экскурсии для групп школьников и туристов, лекции по истории Камчатки и по истории рыбной отрасли полуострова. Стал организовывать и встречи с писателями, бардами и представителями национальных самодеятельных коллективов.

***

В 2017 году я, вырвавшись от повседневных дел и забот, приехал на Камчатку к Сергею Вахрину. После презентации в его Центре привезенных мною художе-

Экспозиция Николая Бушнева в просветительском центре Сергея Вахрина «Страна рыбы и рыбоедов» в городе Елизово, Николай Бушнев и Наталья Варламова

ственно-прикладных работ мы на следующий день выехали с ним в Усть-Камчатск. Конечно же, добравшись до Нижнекамчатска, поспешили к церкви «Успения».

Среди заросшего пустыря на берегу речки Радуги возвышалась она в жалком одиночестве. Над её куполом тянулся к небу потемневший православный крест, как бы взывая: «ГДЕ ЖЕ ВЫ? ПРАВОСЛАВНЫЕ!» На фоне зелени трав и синевы неба она притягивала к себе загадочной красотой. Мы побродили с Сергеем по пустырям вокруг «брошенки» и с чувством печальной жалости и душевного беспокойства покинули это намоленное нашими предками место. На моторной лод-

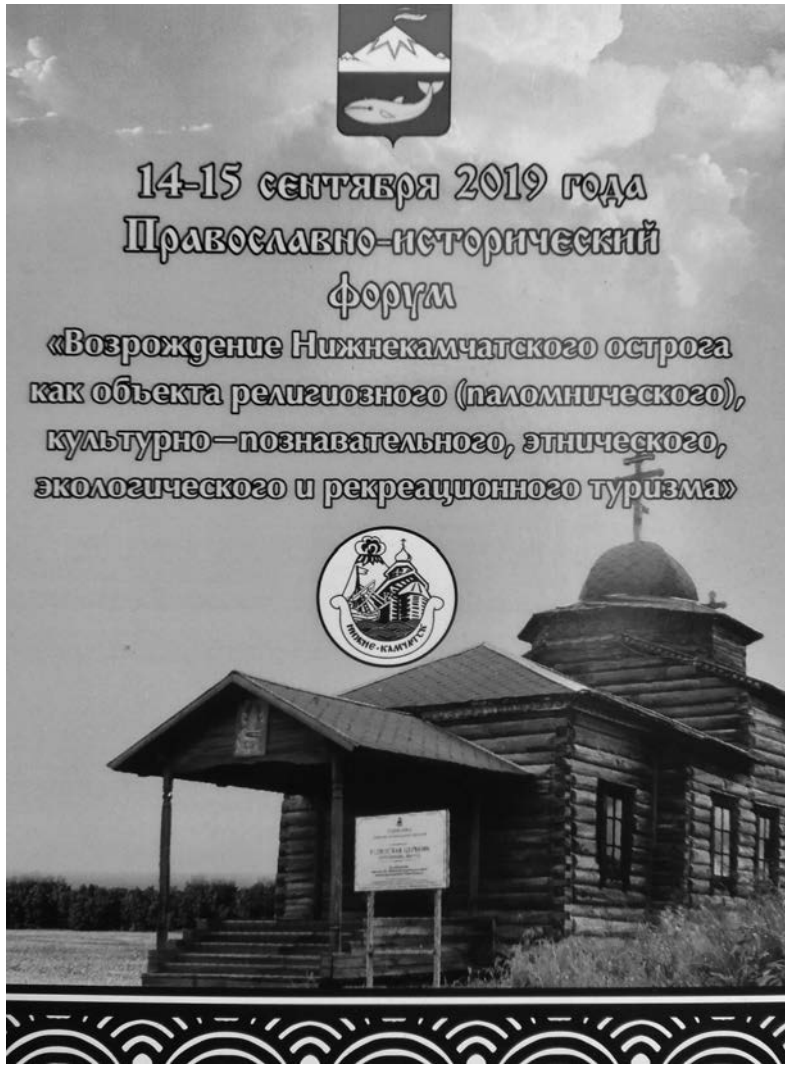
ке вернулись в Усть-Камчатск. На следующий день посетили главу администрации Усть-Камчатского района. Сергей Иванович был знаком с руководителем района — вместе в свое время они пытались воссоздать Большерецкий острог — еще один исторический центр Камчатки, но не получилось.

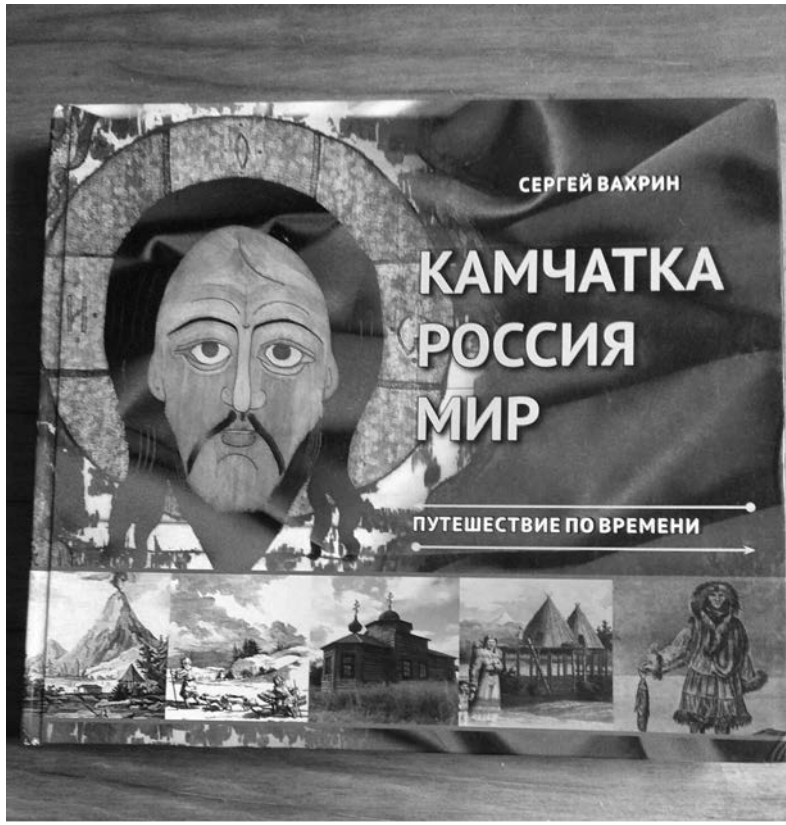
В продолжительной беседе мы поведали ему о наших бывших замыслах 25-летней давности. О попытке через отраслевое «Объединение» восстановить бывший острог, а при нём создать «Историко-познавательный, культурно-этнический центр туризма». А ведь ныне всё располагает к этому. Главная достопримечательность места — церковь — уже готова, а на Камчатку заметно увеличивается поток туристов.

И мы увидели, как загорелся идеей руководитель района Василий Иванович Логинов.

Вот так опять судьба сблизила нас с Нижнекамчатском и с церковью Успения Божьей Матери.

Прошёл год. Глава администрации собирал силы и команду для действий. Я в Адыгее прорисовывал острог согласно архивам. А Сергей Вахрин, вновь возгорясь идеей, включил свои организаторские способности. В 2019 году они с Главой района при поддержке Министерства культуры Камчатской области стали организовывать Православно-исторический форум «Возрождение Нижнекамчатского острога как объекта религиозного (паломнического), культурно-познавательного, этнического и рекреационного туриз-

14-15 сентября 2019 года
Православно-исторический
форум
«Возрождение Нижнекамчатского острога
как объекта религиозного (паломнического),
культурно–познавательного, этнического,
экологического и рекреационного туризма»

Сборник исторических очерков, касающихся Камчатки, под общим названием «Камчатка — Россия — Мир» и с подзаголовком «Путешествие по времени»

ма», с выездом к церкви Успения Божьей Матери в Нижнекамчатск. На этом форуме в сентябре 2019 года должны были быть проведены первые международные исторические чтения по теме «Кам-

Сборники докладов на международных чтениях «Камчатка — Россия — Мир»

чатка- Россия-Мир». К этому времени он подготовил и издал красочный альбом, насыщенный историческими очерками и иллюстрациями о Камчатке с одноименным названием.

Меня всегда удивляла его работоспособность, особенно в писательской деятельности. Не оставляя свою

главную журналистскую работу (да еще и общественную) в сложные времена деформации общественно-политического устройства жизни общества в России, он смог создать десяток уникальных исторических произведений, требующих глубоких познаний и аналитиче-

ского осмысления, а также, большого изыскательского труда в архивах России.

Особенно хочу отметить самые большие по объему его работы «Орден Кромешников», «Дело об убийстве Володимира Атласова. Камчатская Сибириада» и целая серия книг о камчатских и якутских фамилиях. Эти работы потребовали от автора «перелопачивания» почти 500-летнего пласта истории жизни народов на Северо-Востоке страны и России в целом. Уверен, что любой, кто ознакомится с этими трудами, почувствует, какой это титанический труд автора.

***

Осенью 2019 года я был приглашен на форум и приехал на исторические чтения с докладом. И, конечно же, подарком администрации от нас с Сергеем стал проект Нижнекамчатского острога. А в будущий музей

острога я привез два десятка своих книг, изданных в начале года, — «Забытая экспедиция России».

Форум состоялся. Он был прекрасно организован. В Усть-Камчатском Доме культуры прошла конференция по теме определения путей развития туризма в Усть-Камчатском районе и Камчатском крае, не только за счёт использования ресурсов уникального природного наследия Камчатки, но и через воссоздание культурно-исторического центра «Нижнекамчатский острог» и проведения на его площадке значимых краевых событийных мероприятий. Были заслушаны двенадцать докладов. После подведения итогов была выработана резолюция в помощь планированию деятельности администрации района. На следующий день форум переместился на площадку к церкви Успения Божьей Матери в Нижнекамчатск.

Были журналисты, писатели, представители музеев, общественные деятели, представители Камчатских церквей. Казачий хор и хор Усть-Камчатского Дома культуры. А главное — представители Камчатского бизнеса.

Десяток больших рыболовецких кунгасов, моторных лодок и катерков оборудовали для перевозки гостей по реке к Нижнекамчатску. В церкви Успения провели службу, потом торжественно установили большой крест на площадке, подготовленной под постройку стен и башен острога, и освятили крест, и площадку. Определили место, где будет аллея Славы, вдоль которой планиро-

валось устанавливать памятники мореходам, купцам-меценатам и открывателям островов в Тихом океане, то есть Русской Америки. Бизнесмены, предприниматели явно проявляли интерес и желание участвовать в запланированных администрацией мероприятиях. Всё прошло благополучно. Мы с Сергеем сдержанно ликовали в душе, что когда-то начатое дело продолжается.

Возвращаясь в Петропавловск-Камчатский я ему заметил:

— Да, Серёга, торопыга ты… Еще в начале 90-х стал раскручивать это дело. На 25 лет вперёд заглянул.

— Жизнь покажет, — усмехнулся он.

В следующем году в Нижнекамчатске начались деятельные подвижки. Администрация района вела работу по привлечению инвесторов. За лето стали восстанавливать там на озере гостиницу и построили «Аллею Славы». Мы с Сергеем даже определились, кому будем устанавливать от своего имени памятники на «Алее Славы». Я решил, что свой посвящу Емельяну Басову, который первым начал промысловые освоения островов Тихого океана, что привело к рождению Русской Америки. Большой кусок доломита я превратил в гордого орла, смотрящего на Восток, и готовил к отправке из Адыгеи.

***

Но форс-мажорные обстоятельства вновь свалились на Россию да и на весь мир. Сначала пандемия, потом угрозы безопасности страны вновь притормозили

и остановили деятельность по оживлению экономики района с прицелом на патриотическое воспитание населения.

Мы, конечно же, опечалились, но теплилась надежда, что с этим делом по восстановлению острога не получится так, как обычно утверждают обыватели: «В России на грабли принято наступать дважды: первый учебный, второй — контрольный». Видимо, надо положиться на волю Бога, осознавая, что мы сделали всё, что нам было по силам.

Неизвестно сколько простоит ещё в одиночестве без своей опоры — острога эта хранительница истории, церковь «Успения Божьей Матери», но пока будет стоять, будет греть наши души, сознанием того, что в ее существовании ныне есть и частица наших душ, нашего труда и усилий.

А что не удалось с нашей помощью восстановить острог, так это небольшая неудача в сравнении с гораздо большими испытаниями, выпавшими опять на нашу Родину. Каждая неудача в жизни людей — это лишь новое испытание их духа. История Отчизны — память и источник патриотизма, который питает нравственность человека, сподвигает его быть полезным своему Отечеству. Именно историческая память народа формирует в обществе понятие «Русский дух».

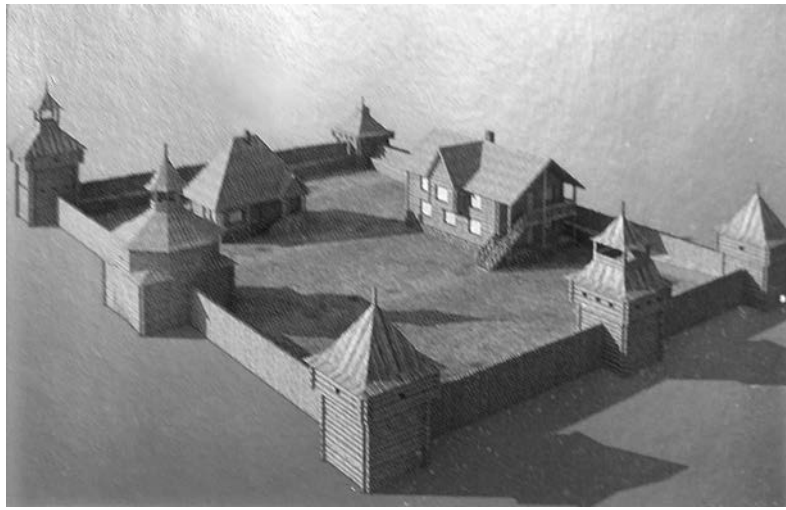
Постскриптум

А Сергей Вахрин не остановился — он выдвинул новый проект, охватывающий всю Камчатку и связываю-

щий ее со всей Россией и миром — фестиваль «Камчатка — Россия — Мир».

В 2020 году в Нижнекамчатске прошел при поддержке Главы района Василия Ивановича Логинова Первый фестиваль «Камчатка — Россия — Мир», посвященный 175 — летию Камчатской духовной миссии и 175-летию с начала промыслового освоения россиянами Алеутских островов. В 2022 году прошел Второй

Макет Нижнекамчатского острога, 2020 год

фестиваль в селе Мильково (на месте постройки первого казачьего острога), посвященный 325-летию вхождения Камчатки в состав Российского государства. В 2024 году — в Петропавловске-Камчатском прошел Третий фестиваль, посвященный 170-летию Петропавловской обороны от англо-французского десанта и 120-летию разгрома японского десанта в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. В настоящее время ведется подготовка к Четвертому фестивалю «Камчатка — Россия — Мир», который будет посвящен 310-летию открытия морского пути «в Камчатку» и началу экспедиционного освоения моряками России Тихого океана.

Так что, Сергей Вахрин до сих пор делает всё, чтобы подпитывать и сохранять народную память о своём Отечестве, как истинный патриот Камчатки и России.

Очень жаль, что по состоянию здоровья я лично не смог присутствовать на этих фестивалях, но моя душа и мысли всегда там с любимой сердцу Камчаткой и с истинными, надёжными друзьями, без которых у меня не было бы столь насыщенной и интересной жизни.

Как точно сказал в своей песне великий бард Владимир Высоцкий «Друг мой — третье моё плечо — будет со мной ВСЕГДА!»

Моим друзьям-камчатцам...

Пылает ярко памяти костёр,
Прошедшим согревая душу.
И, видно, долго мы сегодня не уснём
Камланье мамушки–Камчатки будем слушать.
Священные искры летят из костра,
Пророческий бубен не спит до утра.
О, ветер кудлатый, посланец духов,
Не бейся в ярангу ненасытным брюхом.
Под яркой и жёлтой, как бубен, луной.
Дай мыслям–гостям пообщаться со мной.
Тебе ж, Балакидга-ветр, много труда,
Взвихрясь, унести меня только туда,
Где зорька–Завина раскрасит простор,

Вулкан крутоскатый стоит, как шатёр,
О берег камчатский ломаются льдины,
Да бродят по тундре коряки, эвены.
А там, на Камчатке, пусть даже в мечтах
Я буду бродить в заповедных местах.
Стрелою забью там саджоя, не важенку,
В дар «верхним людям» страны Уйкоаль.
Где паутин серебриться вуаль
И украшает тундровый край.
По её мокрым ягольникам-мхам
Пусть заструиться кровь оленя-жертвы
Для кутха-ворона Камчатки божества.
Где явь, где сон нам не понять с тобою,
О жизнь, как знать легенда или явь была ты,
На краю света нам подарена судьбою?!
А ну, шаманка-мамушка, скажи,
Что же теперь терзает наши души?
Авось и впрямь, потерянное поколенье мы,
Что в этой жизни много «лапоушим»?
Лишь потому, что шайка негодяев
Заранье видит нас в чужом гробу,
К которому мы вовсе не стремились?
Ответь, шаманка: я тебя молю…
Камлая, корчась, стонет мамушка,
Зло громыхает бубен весть свою.
Вихрь буйной пляски разметает камешки,
Вздымает к небу и судьбу мою…

Автор с камчатским ансамблем "Руксанаут" (в переводе "Красавицы")

Эх, молодость наша, покой твой совсем не нарушу:
Я пришёл к тебе ныне седым.
Освежу только памятью душу,
Чтобы снова побыть МОЛОДЫМ!

Николай Бушнев

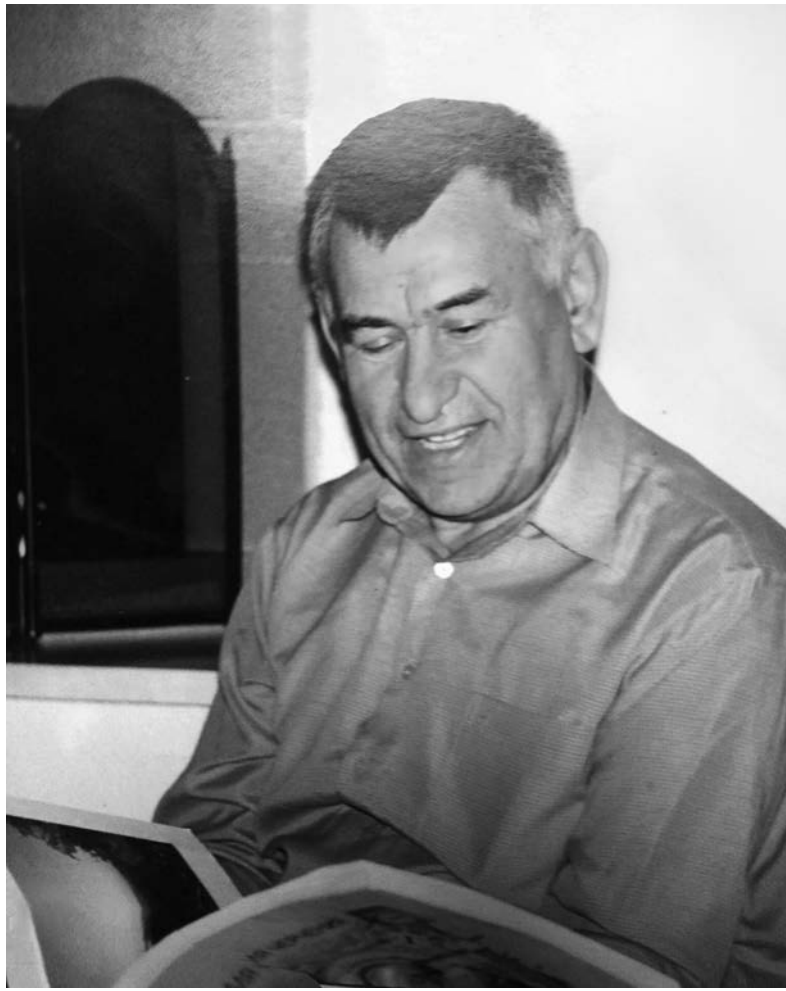
Послесловие

Путешествия — серьёзное и опасное дело

Перелистываю пожелтевшие страницы дневника прошлых лет. Торопливые строчки со страниц памяти теплят душу и будоражат мысли, заставляют иногда усмехнуться прошлому неудержимому задору. Либо снисходительно прощать себе тому, молодому, а порой и удивляться живучести вопросов и проблем, подмеченных еще в те годы начинающим инженером.

Поистине, время — великий учитель. Как показывает жизнь: человек может попадать в экстремальные обстоятельства, к которым надо загодя себя готовить в повседневной жизни и учёбой, и физическими нагрузками. Всё это, чтобы человек смог предусмотреть опасные ситуации и исключить их из своего жизненного пути.

В молодости уверенность в себе зачастую опасно граничит с бесшабашностью, которая всегда приводит к печальному исходу. Порою трудно бывает оценить свои способности и силы, чтобы не перейти грань возможного. Со временем яснее видишь промахи, совершённые тобою в молодости. Допустим, явно слабая подготовка к зимнему походу и экстремальной ночёвке в морозную ночь в лесу, и слабые знания особенностей

Размышления с высоты прожитых лет

пург на высокогорных тундрах, вблизи побережья привели тогда нас к роковой грани дозволенного. И только дисциплинированность, взаимоответственность и удача

помогли нам не переступить трагическую черту. И вот, видя такие ошибки молодого энтузиазма с высоты прожитых лет, я только могу подтвердить народную мудрость «молодо-зелено». Но, думаю, без таких романтичных, граничащих с бесшабашностью патриотических порывов, жизнь для молодого человека не может быть яркой и насыщенной, а значит, — интересной.

Путешествующие люди чем-то сродни тем землепроходцам. Всегда понятнее и дороже становится край, увиденный воочию и пропущенный тобою через сердце. Познавая Родину, свою эпоху острее чувствуешь сопричастность ко всему, появляется желание быть полезным обществу и стране в целом. Тогда наполняешься гордостью за успехи и свершения нашего народа, печалишься за их неудачи. И хочется самому своими деяниями оставить след о своей жизни на земле. Или время было такое, но почему-то судьба сталкивала меня почти всегда с хорошими людьми и настоящими, надёжными друзьями. Это оказалось великим счастьем моей жизни, потому как: «Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями МНОГО»...

Оглавление

П О С В Я Щ А Е М... 3
Предисловие 4
Лыжня в 1000 км 7
Начало пути 7
Драгоценная старина 12
В гостеприимной семье 29
Нерестовое озеро — колыбель жизни 32
По таёжному краю 35
К перевалу 47
Конец пути 60
3500 километров вспять лета 67
Ленские сюрпризы 78
За Полярным кругом 90
В зоне вечной мерзлоты 99
Там, где начинается Россия 124
К озеру Саранному 135
Незабываемые встречи 149
Красота мирская 160
Путешествие по времени нашей эпохи 165
Моим друзьям-камчатцам... 234
Послесловие 237
Путешествия — серьёзное и опасное дело 237

Николай Бушнев
Славяна Бушнева

Познавая своё Отечество

Путешествия по Северо-Востоку СССР

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero